

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАРИНЕ ЯРАЛЯН

**МОРФОЛОГИЯ СЕТЕВОГО
ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ
2019**

УДК 316:004
ББК 60.5+32.81
Я 710

*Рекомендовано к печати
кафедрой социальной философии, этики и эстетики ЕГУ*

*Печатается по решению Ученого совета
факультета философии и психологии ЕГУ*

Редактор:

Рецензент: доктор философских наук, профессор Э.А. Арутю-
нян, кандидат философских наук, доцент А.Л. Карагулян.

Яралян К.Э.

**Я 710 Морфология сетевого общества и проблема социальной
идентичности/ Яралян К.Э./ – Ереван, Издательство Ереван-
ского государственного университета, 2019, 154 с.**

В монографии рассматриваются проблемы современного общества в контексте его сетевой организации, предполагающей нарастание горизонтальных связей и отношений с одновременной интенсификацией неравновесных и нелинейных процессов, находящихся свое проявление во всех сферах общественной жизни. Центральной темой исследования является проблема трансформации социальной идентичности в условиях новой социальности и ее новой соотнесенности с традиционным и современным, «своим» и «чужим», глобальным и локальным.

Монография предназначена для специалистов-обществоведов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами информационного общества.

УДК 316 :004
ББК 60.5+32.81

ISBN 978-5-8084-2371-8

© Издательство ЕГУ, 2019
© Яралян К.Э., 2019

ВВЕДЕНИЕ

Пространственная закреплённость и временная необратимость человеческого бытия предполагает изначальную предзаданность исторического существования. Как писал К. Ясперс, «нет пути в обход мира, путь идет только через мир, нет пути в обход истории, путь идет только через историю»¹. Историческая судьба человечества на всех своих этапах всегда отличалась загадочностью, противоречивостью, порой непреодолимостью. Однако с точки зрения вступления в совершенно новое социальное, а также пространственно-временное измерение, современную ситуацию можно оценить как пороговую. Волна реформаций социального опыта, охватившая мир с конца прошлого столетия, вывела общество на путь радикальных структурных перемен, в результате которых коренной трансформации подверглись все сферы общественных отношений, а также ценностно-мировоззренческая система.

Перестройка социальности современного общества обусловлена тремя основными процессами – информатизацией, глобализацией и виртуализацией, которые представили совершенно новые возможности человеческого со-бытия и как никогда актуализировали проблему взаимопонимания в обществе. Вызовы стремительно меняющегося мира для современной социальной философии стали одной из центральных проблем, которая предполагает ее рассмотрение в соотнесенности со смыслами и ценностями информационного общества.

Понятие «информационного общества» указывает на основной ресурс, вокруг которого сконструирована нынешняя форма социальной организации. Информационные технологии и средства мгновенной глобальной коммуникации обеспечили интенсификацию

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во «Политиздат», 1991, с. 280.

фикацию социальных отношений, в результате чего совершенно по-новому зазвучали вопросы межличностного общения, отношений между государством и обществом, производителем и потребителем. Трансформации подверглись и наша повседневность, наш быт, которые стали демонстрацией нового стиля жизни и новых форм поведения, явившихся основными показателями культуры информационного мира. Конечно же, самым большим достижением информационного общества стало преодоление пространственно-временных барьеров, разъединяющих людей, что способствовало значительному ускорению темпов социального развития на планете; к примеру, знание, изначально являющееся частным продуктом, то есть результатом духовно-познавательной деятельности одного человека, в мгновение превращается в общественное достояние, носителем которого может стать любой субъект этого глобального мира. Вместе с тем, глобальный мир – это мир открытый, который предстает способом описания таких сторон демократического общества, как наибольшая степень свободы с условием социальной справедливости; становление правового государства, верного принципам уважения прав человека, мнения меньшинства, разделения органов власти, функционированию рыночной модели экономики и т.д. Главным основополагающим элементом в изложении сути открытого общества является идея, внедренная Карлом Поппером, о том, что человеческое познание по своей природе несовершенно, следовательно, идеальная модель общества, как и абсолютная истина, ему недоступна. Именно поэтому мы должны довольствоваться хотя бы такой формой организации, которая несмотря на несовершенство, открыта для дальнейшего улучшения².

² См. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. – М.: Изд-во «Феникс», Т.1: Чары Платона, с. 199-203.

С этой точки зрения за счет современных технологических достижений нынешнее общество стало самым динамичным, самым открытым, но значит и самым нелинейным и непредсказуемым. Социальная система с целью обеспечения воспроизводственных процессов всегда подвержена структурной трансформации в соответствии со способами и формами функционирования. В данном случае наиболее оптимальной структурной моделью глобального открытого общества явилась доминанта горизонтальных связей и отношений, которая, кажется, способна обеспечить самоорганизацию социальной системы. В результате, с точки зрения структурных характеристик, современное общество стало именоваться сетевым.

Переход социума к качественно новому состоянию, предполагающий, как уже отмечено, нарастание неравновесных и нелинейных процессов, всегда вызывает беспокойство с точки зрения превышения их «допустимого напряжения». Уже ясно, что сетевое общество, несмотря на доминирование процессов интеграционного характера, обеспечивших его децентрализованность и диалогичность, не стало уровнем полного преодоления конфликтности и противоречивости человеческого бытия. Наоборот, глобальный мир выявил глобальные вызовы, требующие разработки новых механизмов их преодоления. Среди них наиболее важной является проблема идентичности и новых форм и условий ее конструирования в поликультурном мире с принципиально новой соотносительностью «своего» и «чужого», глобального и локального, современного и традиционного; проблема новой формы социального расслоения, в результате которой, с одной стороны, возникает информационная (или цифровая) маргинализация определенной части мирового сообщества на уровне отдельных индивидов, социальных групп или стран, с другой – формируется новая социальная элита, именуемая «неоэлитой», «когнетариятом» или «людьми воздуха», которым удастся стать носителями эксклюзивного знания в потоке информационной волны; актуа-

ция темы человеческой свободы, которая, наряду с доступностью информационных ресурсов и предполагаемым ростом возможности выбора, рассматривается также в увеличении способов манипулирования общественным сознанием, в возможностях тотального контроля, угрозах информационной безопасности, а также в проблеме психологической неадаптированности к технологическому натиску. Среди центральных тем информационного общества рассматривается и проблема социального одиночества, которая, несмотря на плотность социальных взаимодействий, все чаще фиксируется в изоляционных психологических тенденциях. И, наконец, вся система непредсказуемости и сложности современного мира обобщается в теме виртуализации общественных отношений, в рамках которой происходит переход человеческой деятельности в киберпространство, что, в конечном счете, становится заменой социальной реальности на виртуальную. В результате появляется как возможность приобретения новых, более гибких, «текучих» форм отношений, являющихся конструкторами социального будущего, так и угроза растущей эфемерности или симуляционности социального бытия³.

Тем не менее, несмотря на сложности современного мира, сетевое общество, будучи децентрированным способом организации социальных связей и отношений, на сегодняшний день является самой приемлемой стратегией социального развития, обеспечивающей этап формирования новых представлений о целостности мировой культуры. Недаром в современном мире на первый план выходят такие ценности, как толерантность, доверие, взаимопонимание, солидарность и др. Но концепция сетевого общества требует реализации данных принципов не только в масштабах международного сотрудничества и диалога культур, но и в рамках отдельных государств в системе трансформаций

³ См. **Павенкова М.В.** Виртуализация институтов//Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000, с. 139-140.

традиционных отношений властвования и опыта социального взаимодействия. С этой точки зрения далеко не все страны соответствуют параметрам сетевого общества. Данная тема особенно актуальна и для нашего государства, которое в силу развернувшихся глобализационных процессов также обязательно должно встать на путь «сетевых преобразований», предполагающих, в первую очередь, преодоление системно-кризисных проявлений во всех сферах общественной жизни.

Таким образом, комплексный анализ и оценка информационного общества (то есть углубленное изучение новой социальной реальности, являющейся продуктом технико-технологической революции и становления информационно-технологической парадигмы, в пределах которой мы сталкиваемся с новым «статусом» информации как основным ресурсом экономики, власти и повседневного опыта) являются необходимым условием для понимания путей выхода на новый уровень социальной организации с минимальными отклонениями в сторону «информационного» хаоса, часто угрожающего современному человеку в контексте конфликтных проявлений сетевой структуры.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ СЕТЕЙ КАК СТРАТЕГИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

1.1 СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ В РАКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕФИНИЦИИ

Многомерность периодизации этапов общественного развития с целью цивилизационного анализа сущностного единства всемирного исторического процесса, а также механизмов проявления его многообразных форм, нашла свое отражение во множестве философских концепций: это теория исторического круговорота и концепция локальных цивилизаций, контовское учение о трех стадиях развития человечества и формационная теория К. Маркса, теория суперкультур П. Сорокина и концепция Д. Белла об этапах всемирной истории, теория стадий У. Ростоу и множество других. Подобное многообразие продиктовано процессами постоянного развития и трансформаций общественных структур. Эти процессы обусловлены заложенным в человеческой природе непреодолимым стремлением к рационализации собственного бытия, и соответственно, способствуют формированию все новых экономических, социальных и культурных отношений между людьми. Все это с необходимостью выдвигает на первый план социально-философского исследования проблему типологии обществ, которой и посвящены перечисленные выше концепции.

Надо отметить, что проблема типологии обществ никогда не теряет свою актуальность, что в первую очередь связано с постоянной необходимостью обоснования феноменов конкретного общества, носящего в данный исторический момент название «современного».

Естественно, что все множество исследований, касающихся этого вопроса, указывает на многообразие параметров, лежащих в основе той или иной типологии. В частности, в философской и

социологической литературе встречается деление общества на дописьменные и письменные (где в качестве основного параметра классификации выдвигается наличие письменности)⁴; простые и сложные (определяемые как таковые в соответствии с количеством уровней управления и степенью социального расслоения)⁵; первобытные, рабовладельческие, феодальные и капиталистические (в соответствии с основными параметрами формационной теории К. Маркса – способом производства и формой собственности)⁶.

Что касается современных подходов, а именно, типологий, представленных в работах Арона, Белла, Тоффлера и других, то надо отметить, что по сравнению с предыдущими концепциями они в большей степени напоминают некую «синтетическую» модель, объединяющую все перечисленные критерии и особенности. В качестве параметра для типологизации в данном случае выдвигается не какой-либо отдельный признак, а целый ряд определителей: в некоем комплексе учитываются и способы производства, и формы собственности, и особенности социальных институтов, политических режимов, культуры, образа жизни, а также вся социальная организация в целом – ее структура, строение и тип связей.

Конечно, говоря о современном обществе в целом, сложно рассуждать о некоем едином типе, ибо неоднозначность и противоречивость исторических и социальных факторов и преобразований в конкретном регионе, в судьбе конкретных стран и народов, а также культурная самобытность и уникальность последних усложняют единую схему всемирного исторического процесса.

⁴ См. **Goody J., Watt I.** The Consequences of Literacy// Comparative Studies in Society and History. Published by: Cambridge University Press, Vol. 5, No. 3 (Apr., 1963), с. 304–345.

⁵ См. **Спенсер Г.** Синтетическая философия. Киев, Изд-во «Ника-Центр», 1997, с.295.

⁶ См. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология// Собр. соч в 9 томах, т.2, М., Изд-во «Политиздат», 1985.

Но ни один народ, ни одно государство, ни одно общество не может жить в изоляции. Несмотря на многообразие судеб и историй, а также социально-культурных детерминантов, всеобщий закон человечества требует вовлеченности многовариативности конкретно-исторического в определенные рамки общей логики цивилизационного процесса. И представленные философами концепции общественного развития следуют именно этому принципу.

Каково же современное общество? Для начала отметим, что использование термина «современность» предполагает внесение определенных корректив. В данном случае под «современностью» (в смысле «сегодняшнего дня») подразумевается настоящее как отрезок исторического времени, хронологически начинающийся с периода подрыва основ индустриального общества и простирающийся в будущее. В философской литературе последних лет данный контекст чаще включен в рамки категории «постсовременность», которая в свою очередь акцентирует завершение «современности» как исторической эпохи. Фундаментальный прорыв в общество постсовременности «зафиксировали» такие представители постмодернистской позиции, как Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари. В их интерпретации термин «современность» характеризует уже прошедший этап, когда строился линейный мир с заранее предопределенной последующей «фазой проектирования». Постсовременность же или уже наш мир характеризуется потерей данной «предопределенности» или линейности, что само по себе актуализирует новый тип мышления, трансформирующий всю социальность, несущий изменения в сферах общественной жизни – экономике, политике, культуре.

Вместе с тем надо отметить, что отказу от «современности» в своих интерпретациях нашего общества следуют далеко не все авторы. К примеру, Ю. Хабермас считает, что несмотря на изменение реалий человеческого бытия, порождаемые ими задачи принципиально не изменились, а значит и нет достаточных осно-

ваний для отказа от них. Именно поэтому наш мир представлен автором в качестве «незавершенного проекта модерна»⁷. Описание общества, данное Э. Гидденсом, также фиксирует его полную трансформацию и преобразование, но и этот автор не отказывается от термина «современность», дополняя его определением «поздняя»⁸. «Рефлексивной современностью» эпоху нашего «общества риска» называет Ульрих Бек: в результате процессов индивидуализации, социальные агенты становятся более свободными от структурных ограничений и, соответственно, более способны к рефлексивному созданию не только самих себя, но и обществ, в которых они живут. Кроме того, рефлексивными становятся и социальные связи, которые должны устанавливаться, поддерживаться и постоянно обновляться индивидами. В целом, рефлексивность, по У. Беку, является характеристикой общества риска, рожденного именно развитой модернизацией⁹.

Сам спор относительно определения нашей эпохи, независимо от наименования последней и соответствующих решений выхода, лишний раз подтверждает сложность ситуации и общность вывода о том, что с нашей современностью не все в порядке, что-то в ней переменялось, что-то ушло, а что-то пришло...¹⁰

Неопределенность и неоднозначность интерпретаций в системе теоретического знания касается не только «современной-постсовременной» эпохи, но и дефиниций сопутствующего общества, наименования которого также достаточно разнообразны. Под последним мы подразумеваем «постиндустриализм» Д. Белла и «третью волну» Э. Тоффлера, общество «потребительское» и

⁷ См. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии, №4, 1992.

⁸ См. Гидденс Э. Современность и самоидентичность: личность и общество в эпоху поздней современности. – М.: «Академический проект», 2002.

⁹ См. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 2000.

¹⁰ См. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал, 1994, №4, с. 69-80.

«постмодернистское», постэкономическое и посткапиталистическое. Как видим, различные по сути точки зрения характеризуются общей тенденцией – все той же склонностью интерпретаций в своего рода «пост-префиксальном» контексте, акцентирующем последующий этап (которым в данном случае выступает наша действительность) в системе с каждым из мотивирующих понятий (капитализмом, рынком, экономикой, модернизмом и т.д.). Возможно, посредством подобных «пост-номинаций» исследователи пытаются указать на отсутствие четкого определения отдельных типов общества и их хронологических границ. То есть подобный контекст с большей силой подчеркивает эволюционность перехода от одного социума к другому и преемственность всех этапов социальной организации. Суть заключается в том, что новый уровень общественных отношений определяется не преодолением предшествующих форм, а дополнением новыми параметрами. Последние либо до сих пор не существовали, либо их количественные характеристики были недостаточными для перехода в качество. К примеру, сказанное во всей полноте проявляется в интерпретациях постиндустриалистов: общество перестает быть индустриальным отнюдь не потому, что в экономике «преодолен» предшествующий этап роста промышленного производства, а потому, что *в результате научно-технической революции и существенного роста доходов приоритет перемещается от преимущественного производства товаров в сферу услуг.* Или же другой пример: *современное общество трактуется как информационное отнюдь не по причине появления информации, ибо последняя всегда сопровождала человека, а по причине ее количественных трансформаций, переросших в качественные определители.* Подобный переход количества в качество опять-таки стал возможен за счет научно-технического прогресса и технологической революции, обеспечившей усиление информационных потоков и высокую степень коммуникативности.

Из сказанного можно сделать вывод, что описываемый современными теориями новый тип общества не замещает собой предшествующие формы социальной организации, а сосуществует с ними, еще более усугубляя их комплексность, усложняя социальную структуру и внося новые элементы в саму ее природу. При этом технологические инновации, выступающие в качестве определителей социальных изменений и затрагивающие практически все уровни социальных отношений, а также ценностно-мировоззренческую систему, обуславливают глобальность общественных преобразований. В итоге можно сказать, что многообразие наименований современного общества, представленное перечисленными концепциями, не предполагает глубоких или коренных отличий с точки зрения содержательной стороны вопроса. По сути, речь идет о разных аспектах одного и того же феномена, причем аспектах тесно взаимосвязанных. В результате, за счет основного детерминанта в лице технологического прогресса все перечисленные концепции стыкуются в рамках *общей теории информационного общества*.

В качестве примера обратимся к «постиндустриальной» трактовке, акцентирующей внимание на направленности социально-экономических трансформаций и их причин. Д. Белл в своей основной работе «Грядущее постиндустриальное общество», которую он назвал попыткой социального предсказания, выдвинул центральную идею о том, что общество, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения происходит переход приоритета от преимущественного производства товаров в сферу услуг, начинает ориентироваться вокруг новых производственных ресурсов – *информации и знаний*¹¹. Сказанное в виде своеобразной «формулы» представлено автором «третьей волны» Э. Тоффлером, взгляды

¹¹ См. **Bell D.** The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. Published by Basic Books, 1999, с. 167-265.

которого достаточно близки к взглядам постиндустриалистов: *в современном мире технология есть великий двигатель, а знание – его топливо*¹².

Технологическая революция, ускорившая коммуникацию, сближившая страны и народы, увеличившая воспроизводственные процессы во всех сферах общественной жизни, сделала информацию основным ресурсом общественного развития современного мира. Параметры, представленные в постиндустриальной теории, уже сейчас позволяют нам адекватно оценить масштабы происходящих перемен, предполагающих наличие информационно-технологической парадигмы. Именно последняя, несмотря на «сосуществование» элементов всех предшествующих форм общественной организации, позволила на основании трех факторов (или же «трех измерений» одного параметра) противопоставить современное постиндустриальное общество индустриальному и доиндустриальному:

во-первых, по основному производственному ресурсу, коим в наш век стала информация (соответственно, в предшествующих типах общества мы в качестве ресурса имели дело с энергией (в индустриальном обществе) и первичными условиями производства или сырьем (в доиндустриальном обществе));

во-вторых, по типу производственной деятельности, в качестве которой в постиндустриальном обществе рассматривается обработка информации (в то время как в индустриальном обществе таковым являлось изготовление, а в доиндустриальном – добыча);

и, наконец, в третьих, по характеру базовых технологий, которые в современном обществе определяются как наукоемкие (в отличие от предыдущих – соответственно, капиталоемких и трудоемких).

¹² См. **Тоффлер Э.** Шок будущего. – М.: Изд-во АСТ, 2002, с. 42-44.

Становление информационно-технологической парадигмы позволило японскому исследователю Йошита Масуде посчитать более целесообразным применение в отношении современной постиндустриальной эпохи термина «информационное общество», ибо последнее, согласно его мнению, более конкретно фиксирует движущую силу формирования и развития нашего мира, а именно производство информационных ценностей¹³.

Остановливаясь на «информационной дефиниции» современного общества, отметим, что не все концепции следуют идее принятия последней, и у ряда исследователей имеются определенные сомнения по этому поводу. Конечно, никто из них не исключает роль технологий, и соответственно, процессов информатизации в современном мире. Однако оценка последних как основных детерминантов социальной организации ставится под сомнение многими учеными. Сторонники этой точки зрения считают, что нынешние процессы являются лишь информатизацией уже сложившихся отношений. В отличие от авторов «электронно-цифрового общества»¹⁴, или «электронного коттеджа»¹⁵, новой «экономики знаний»¹⁶, «виртуальной экономики»¹⁷, «сетевой экономики»¹⁸ и прочих феноменов, являющихся по сути сегментами глобального информационного мира, ряд исследователей, в частности, Герберт Шиллер, Юрген Хабермас, Энтони Гидденс, считают, что основной характеризующей чертой нынешнего социума является не информация, а преемственность между на-

¹³ См. **Masuda Y.** The Information Society as Post-industrial Society/ World Future Society, 1980, с. 29.

¹⁴ См. **Тапскотт Д.** Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы сетевого интеллекта. – М.: Изд-во Рефл-бук, 1999, 432 с.

¹⁵ См. **Товфлер Э.** Третья волна. – М.: Изд-во АСТ, 2002, с. 321-342.

¹⁶ См. **Drucker P.** The Age of Discontinuity: Guidelines to Our changing Society. N.Y.: Harper and Row, 2008, p. 263-372.

¹⁷ См. **Gaddy G., Ickes B.** Russia's virtual economy. Published by: Brookings institution press, 2002, с. 4-6.

¹⁸ См. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество, культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

стоящим и прошлым. В частности, уже упомянутый Г. Шиллер – представитель неомарксизма, признавая огромное влияние информации на общественное развитие и постоянный рост этого влияния (даже акцентируя осевое значение информации с точки зрения разворачивающихся в мире событий), рассматривает информацию и коммуникацию в качестве составных частей уже сложившейся капиталистической формации (согласно Г. Шиллеру, в информационной сфере доминируют идеи именно корпоративного капитализма с приоритетом развития информационных технологий в первую очередь в интересах частного бизнеса, а не общества в целом)¹⁹.

Как бы то ни было, подобное противопоставление сторонников информационного общества и социальной преемственности несколько искусственно, так как в основе своей концепции относимые к ряду «апологетов» первого (постиндустриализм, постмодернизм, теория сетевого общества (тот же информациональный капитализм)), не противоречат принципу социальной преемственности, на что мы указывали выше. Если, к примеру, принимая в целом роль и значение информации в современном обществе, Шиллер, тем не менее, пытается доказать, что мы все равно имеем дело с капитализмом, а информация в данном случае лишь подчиняется требованиям последнего, то, на наш взгляд, ни постиндустриализм, ни теория сетевого общества Кастельса, ни все остальные «информационные» концепции не указывают на преодоление капиталистических отношений. Они лишь говорят об их трансформации в соответствии с инновационно-технологическим критерием, обеспечивающим интенсивность глобальных информационных потоков.

Другим контраргументом, выдвигаемым в отношении «информационной трактовки», является утверждение о том, что ко-

¹⁹ См. **Schiller H.** Living in number one country: reflections from critic of American empire. Seven Stories Press, 2000, p. 91-100.

личественная характеристика информации в отрыве от ее содержания не может служить достаточным основанием для принятия данного наименования: для подлинного познания сути информационного общества, сходств и отличий между ним и другими социальными системами, мы обязаны изучить значение и качество информации (какой именно вид последней претерпевает особенно быстрый рост, для каких целей и с какими последствиями она производится). Надо отметить, что перечисленные факторы имеют огромное значение и, в принципе, содержат в себе один из парадоксов современного мира. Но последний по уровню своей организации действительно нов и прогрессивен. И проблема отбора качественной и достоверной информации, как и вопрос психологической адаптации к существующим информационным потокам, проблема опасности разрыва между «информационной элитой» и потребителями, влияния на общество средств массовой информации, вмешательства в частную жизнь и многие другие являются объективно существующими сторонами, обусловленными именно «перепроизводством информации».

Возможность конструирования разнообразных «моделей» одной и той же действительности, которой в данном случае является наша современность, указывает на множественность оснований для типологии общества. Поэтому информационная дефиниция не противопоставляется другим классификациям, например, на основании типа производства и частной собственности. Просто в данном случае за основу определения берутся изменения в сфере обработки информации, влекущие за собой соответствующие преобразования общественных отношений, вследствие чего общество приобретает принципиально новое качество.

Информационно-технологический детерминант всегда действует в паре с типом коммуникации и тем самым определяет специфику взаимоотношений между членами общества. По этому поводу вспоминается концепция Маршала Маклюэна, согласно которой с появлением каждого нового средства коммуникации

между ним и его устаревающими предшественниками разгорается «гражданская война», в ходе которой освобождается огромное количество энергии. Происходит коммуникационный взрыв, в результате которого нарушается баланс человеческих органов, происходит смена господствующего поставщика информации. Возникают новые социально-экономические и культурные структуры, новые «галактики». История, по Маклюэну, – это череда сменяющих друг друга «галактик», которые могут долгое время проходить одна сквозь другую, при этом не разрушаясь, но изменяя свои конфигурации²⁰. *В результате, на каждом этапе общественного развития вырабатывается определенная совокупность «алгоритмов» совместного действия, то есть соответствующий тип социальности. Исходя из этого, можно предположить, что тип коммуникации является одним из основных факторов, задающих формы социальности как целостной системы взаимодействия «человек – общество».*

Формы социальности, приобретенные в процессе исторического развития, заданы общими условиями и отношениями, наличными в каждой из общественных систем. Это означает, что в целом тип социальности предстает синтетической характеристикой, формирующей человека и его взаимоотношения с обществом²¹. В эпоху первобытности социальность отличалась в рамках отношений личной зависимости, выражающейся в самом факте коллективности. Со временем, с возникновением экономического неравенства и отношений господства и подчинения, начальные формы социальности стали трансформироваться, дополняясь новыми факторами уже неэкономического регулирования (религиозного, политического, юридического), что стало основой социальной дифференциации, выступившей своеобразным «посред-

²⁰ См. **Маклюэн М.-Л.** Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Изд-во «Ника-Центр», 2003, с. 384-406.

²¹ См. **Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.** Теория и история. – М.: Изд-во «Политиздат», 1981, с. 123.

ником» во взаимоотношениях человека с обществом. Теперь же, с внедрением в социальный контекст информации как нового механизма регулирования общественных отношений, сфера социального не просто расширилась, но и как никогда актуализировалась, что само по себе в контексте истории человеческой цивилизации приобрело статус глобального преобразования, именуемого «переходом в поле социальности». Изложенная Д. Беллом в рамках терминологии экзистенциализма «ретроспектива» человеческого поиска и самоутверждения является наглядным тому примером. Согласно Д. Беллу, человек, следуя зову собственной природы, а именно потребности в рационализации и власти, на протяжении всей своей истории выступает на арене столкновения с множеством чуждых и враждебных ему сил, пытаясь, с одной стороны, понять, с другой, – подчинить их себе. На протяжении многих веков доиндустриальной эпохи таким «соперником» являлась природа. Со временем индустриальная революция стала попыткой замены естественного порядка порядком искусственным, или, более конкретно, техническим. Современное же общество, в первую очередь, за счет мощи информационно-коммуникационных технологий, отвергло обе эти ориентации и в «исторической борьбе» выступило с преодолением «принципа подчинения» (более конкретно, субординации и иерархии), проявляющимся на предыдущих этапах социальной организации в контексте противостояния с «внешним миром» (будь то система отношений «человек-природа» или «человек-техника») и заменой последнего на кооперацию и взаимодействие (соответственно, систему отношений «человек-человек»)²².

Естественно, каждый из исторических этапов является необходимой ступенью формирования и развития следующего: природа в свое время «потребовала» технику и технологии, которые,

²² См. Белл Д. Культурные противоречия капитализма (Фрагмент из книги) // В кн. Этическая мысль. – М.: Изд-во «Политиздат», 1990, с. 246-252.

в свою очередь, во многом определили современный уровень взаимоотношений между людьми. Также естественно, что процесс становления качественно нового общества с подобным переходом в мир социальный или, иначе говоря, с концентрацией на «внутренней» действительности, проблематичен и нуждается в коррекции и преобразованиях, разработке новой нравственной концепции или принципов, которые впредь будут связывать людей между собой.

«Переход в поле социальности» явился результатом нового способа социальной коммуникации, который, будучи охвачен технологическим каркасом, вышел за рамки локального пространства. При этом по своей природе коммуникация стала

- чрезвычайно объемной, что обусловлено множественностью информационных потоков;
- децентрализованной, то есть в большей степени зависящей от выбора индивида;
- интерактивной, то есть фиксирующей взаимодействие через обратную связь.

В комплексе изложенные параметры (объемность, децентрализованность, интерактивность) указывают на функционирование демократической модели коммуникативного действия, основанного преимущественно на убеждении, а не на приказе, как в случае модели иерархической. Естественно, что демократическая модель коммуникации в свою очередь предполагает демократизацию социальности, которая сейчас все более и более трансформируется и расширяется за счет формирования и внедрения новых слоев. Доказательством тому служит факт проявления признаков новой социальности в online пространстве: кибернетическое поле, изначально выступившее в качестве чисто технологического феномена, продиктовало свои «условия» в отношении социального обустройства. Превратив информацию в нашу «окружающую среду», а коммуникацию – в условие существования,

всемирная паутина предоставила человеку возможность впитывать все пространства и времена мира. При этом, связав воедино мир, «технологии свободы» превратили каждого в отдельный узел общей информационно-коммуникационной сети. В итоге, став технологически наиболее оптимальной системой, информационное общество попыталось обеспечить комплекс социально-экономических и научных мер, направленных на создание необходимых условий удовлетворения потребностей и реализации прав граждан и оптимального функционирования органов государственной власти.

Вместе с тем перенос социальных взаимодействий в «сетевую среду» предполагает виртуализацию последних. Если в эпоху индустриализма отношения между людьми характеризовались в контексте «овеществления», то есть опосредованности межличностных отношений вещами, то сейчас в результате виртуализации социального мы столкнулись с процессом «развеществления» общества, что предстает в качестве симуляций институционализированных практик различных сфер: экономики, политики, науки, искусства, семьи²³. В данном случае под симуляцией подразумевается замещение реальной вещи на образ, в результате чего мы как Homo Politicus-ы, Homo-Moralis-ы, Homo-Esteticus-ы, Homo-Economicus-ы, Homo-Exsistentialis-ы и даже Homo Humanus-ы оказываемся в погоне в первую очередь за стилем, имиджем и респектабельностью, но никак не за реальными вещами, явлениями и ценностями. В результате возникает несколько парадоксальная ситуация, когда *технологии, изначально направленные на рационализацию общества, стали инструментом симуляций. Следовательно, расширение и демократизация социальной, о которой мы говорили выше, не только стали условием оптимизации отношений, но и причиной антропологических*

²³ См. **Иванов Д.В.** Виртуализация общества. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000, с. 33-57.

трансформаций, а именно «расширения» самого человека с искажением его внутренних границ.

Помимо этого отметим, что демократизация социальности, закрепляющая гражданские права и предполагающая большую возможность личного выбора в соответствии с собственными духовными интересами, отнюдь *не означает преодоление иерархичности в системе социальной дифференциации*, ибо сложно представить общество без социального неравенства. Последнее предполагает различия, порожденные социальными факторами. В данном случае, в результате изменения содержания трудовых функций и объема умственной деятельности, а также выделения роли и значения знания и информации в качестве основного ресурса, ось социальной дифференциации не исчезает, а постепенно сдвигается. Если в недавнем прошлом детерминирующую роль играл экономический фактор, а именно неравное распределение материальных благ или, иначе, неравное отношение к экономической собственности, то сейчас в «наукоемком» обществе возникают социальные слои, именуемые «нетократами»²⁴, «оверстрадами»²⁵, «когнетариатом»²⁶, выступающие в качестве новой элиты. В самом широком смысле все три указанных понятия подразумевают группу людей, чьим основным средством производства является интеллектуальная собственность, а видом труда – интеллектуальный труд, направленный на создание информационного продукта²⁷. Наиболее детальное описание социальных последствий перехода к информационному обществу через механизмы перераспределения власти представлено А. Бардом и Я. Зодерквистом в их работе «Нетократия: новая правящая элита и

²⁴ См. **Бард А., Зодерквист А.** Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. – Стокгольмская школа экономики: СПб.: 2005, с. 145-180.

²⁵ См. **Орехов А.М.** Проблемы интеллектуальной собственности //Собственность и реформа. – М.: МГУ, 1995.

²⁶ См. **Тоффлер Э.** Метаморфозы власти. – М.: ООО Изд-во «АСТ», 2003.

²⁷ См. **Орехов А.М.** Собственность как предмет изучения социальных наук // Социально-гуманитарные знания. – М.: 2000, №5, с. 101-114.

жизнь после капитализма». Основным отличием нетократов являются собственные жизненные ценности: если в недавнем прошлом главным способом достижения высокой социальной позиции являлось обладание необходимым уровнем экономического капитала, то родившийся в информационном обществе нетократ в первую очередь ориентирован на достижение доминирующей позиции в социальных связях. Здесь появляются новые формулы человеческого бытия, связанные не столько отношениями собственности, сколько умением манипулировать сетевой информацией. В данном контексте рассматривается вопрос интерпретации современного информационного общества как общества знания. На наш взгляд это достаточно актуальный вопрос, так как в последнее время часто высказывается мнение, что переизбыток информации, бессистемность и недостаток контекста ставят под сомнение верность отождествления информационного общества с обществом знания. Но концепция нетократии, кажется, все расставляет на свои места, ибо верно, что по мере того, как информация становится ключевым товаром новой экономики, а мир тонет в океане хаотических информационных сигналов, все большую ценность приобретает существенное и эксклюзивное знание. В отличие от невежественных энтузиастов капитализма, нетократия прекрасно это осознает²⁸. В самом общем смысле, нетократа можно представить обладателем эксклюзивного знания и «поглотителем» внимания в сложной системе социальных связей. Дефицит последнего в современном обществе налицо, что опять-таки обусловлено перепроизводством информации. Поэтому способность усиления концентрации и привлечение внимания на собственной форме деятельности является немаловажным фактором в приобретении соответствующего социального статуса. Это дает повод некоторым авторам выступить с предложением заме-

²⁸ См. Бард А., Зодерквист А. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. – Стокгольмская школа экономики: СПб.: 2005, с. 175-180.

ны «информационного» наименования новой парадигмы на аттенционализм (от англ. «attention» – внимание)²⁹. В любом случае, какой бы интерпретации мы не придерживались, в современном обществе именно «люди воздуха»³⁰ оказались способными выдержать борьбу за темп, преодолеть государственные границы и выступить созидателями транснациональной культуры.

Обобщив сказанное, можно заключить, что информационное общество – это, в первую очередь, новый уровень отношений, основанный в целом на «игре между людьми», строящийся в контексте выдающихся достижений в науке и концентрирующий внимание на услугах – человеческих (персональных), профессиональных или технологических. Становление информационного общества определяет начало новой эры социального развития и социального уклада: новые качественные определители, возвещающие о рождении новой эпохи, диктуют собственные представления о мире, собственные способы использования времени, пространства, логики и причинности.

Сегодня фактор перехода в «поле социальности», выдвинутый в качестве одной из основных характеристик информационной эпохи, позволяет говорить о формировании единого информационного пространства в контексте глобализационных процессов. При этом последние предполагают не просто углубление и расширение процессов экономической, политической, культурной интеграции стран и народов, но и рост взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений наряду с растущей интеграцией социально-экономической жизни. Возможность реализации этого обусловлена соответствующим технологическим укладом, базирующимся на массовом использовании информационных сетей, перспективных средств компьютерной техники и телекоммуникационных связей. В связи с этим, в качестве базис-

²⁹ См. там же, с. 285-313.

³⁰ См. **Неклесса А.** Nomines Aeries. Люди воздуха, или Кто строит мир? – М.: Институт экономических стратегий, 2005.

ных принципов современного информационного общества все чаще и чаще рассматриваются не только критерии, связанные с технологией, экономикой или сферой занятости, но и так называемый «географический принцип», в рамках которого основной акцент делается именно на информационные сети, имеющие глубокое воздействие на пространственно-временную организацию общества, что, в свою очередь, кардинально влияет на особенности структуры последнего и позволяет нам называть его сетевым³¹.

1.2 СЕТЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ КАРКАС ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Обновленный формат социально-экономических, политических отношений, образовательной деятельности, индустрии развлечений, повседневности и быта информационного мира нашел соответствующий способ реализации, которым стали информационно-коммуникационные сети. Именно данная структурная особенность социальной системы определила трактовку современного общества как сетевого. При этом отметим, что под социальной структурой подразумевается внутреннее устройство общества, состоящего из определенным образом расположенных, упорядоченных частей, взаимодействующих между собой в определенных рамках³².

Рассмотрение нашего общества как сетевого, так же как и другие его интерпретации, требует достаточного обоснования, что само по себе является непростой задачей. Этим и обусловлен тот факт, что основная часть исследователей задается вопросом о сути сети вообще. Речь в данном случае идет об обнаружении и,

³¹ См. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. – М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2004, с. 14-25.

³² См. **Фролов С.С.** Социология. – М.: Наука, 1994, с. 248.

соответственно, обосновании того базисного основания, которое позволит нам полноправно называть наше общество сетевым. Ведь, как справедливо отмечается некоторыми исследователями, историю информационных сетей можно напрямую связать с появлением почтовой связи, телефона и телеграфа, а возможно, и более ранним периодом. Напомним, что само понятие «сеть» всегда имело необозримый спектр приложений практически ко всем сторонам человеческого бытия: анализ современной науки и культуры указывает на реализацию сетевых структур практически во всех сферах и на всех уровнях не только социума, но и природы³³, что само по себе вызывает интерес с точки зрения возможности утверждения общеонтологического статуса указанного понятия. Это стало причиной того, что понятие «сеть» как один из исторически сложившихся типов социальной коммуникации и организации применялось и в ряде философских систем³⁴.

Но несмотря на естественность вовлеченности сети как в мир физический, так и в социальный, философская теория сетевого общества была изложена лишь в конце прошлого столетия. Ее формирование связано с именами двух исследователей – голландца Яна Ван Дейка³⁵ и американского философа Мануэля Кастельса³⁶. Кроме того, среди западных исследователей данной проблемы можно отметить Бари Велмана³⁷, а также авторов совместной концепции – Р. Хилтц и М. Тюрорфа³⁸.

³³ См. **Олескин А.В.** Сетевая организация социума: проблемы и перспективы // Государственная служба, 1999, №1 (3), с.73-82.

³⁴ См. **Бурдые П.** Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2005. Луман Н. Общество общества. – М.: Изд-во «Логос», 2004.

³⁵ См. **Van Dijk J.** The network society: Social aspects of new media (De Netwerkmatschappij (1991), L. Spoorenberg, Trans.). Thousand Oaks, CA: Sage. 2006.

³⁶ См. **Castells M.** The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.2000.

³⁷ См. **Wellman B.** Computer Networks as Social Networks//Science, 293, September 14, 2001, p. 2031-2034

³⁸ См. **Hiltz, S. R., Turoff M.** The Network Nation, Revised Edition. MIT Press, 1993.

Возникает вопрос: что же произошло в «контексте» социального пространства и каковы те социально-экономические факторы, которые в 70-ые годы прошлого столетия обусловили соответствующие трансформации всех сфер общественной жизни и возвестили генезис нового сетевого мира, формирование которого продолжается по сей день. М. Кастельс отвечает на этот вопрос следующим образом: «сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества»³⁹. То есть в данном случае речь не просто идет о том, что новые информационные и коммуникационные технологии стали причиной многонаправленной трансформации всех сфер общественной жизни (здесь в контексте термина «информационное общество» лишь подчеркивается роль информации в социальной системе), а о том, что в современных технологических условиях мы столкнулись со специфической формой социальной организации, при которой «генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти»⁴⁰ (по определению Кастельса, такое общество называется уже не информационным, а «информациональным»). *Информационно-технологическая революция, преобразившая материальную основу социума и способствующая глобализации, изменила и отношения между обществом, экономикой и государством, что конкретно проявилось в культурных и социальных движениях 70-х годов XX века, а также в кризисе, приведшем «к переконструированию двух существовавших в то время систем – капитализма и этатизма».* Практически, техно-

³⁹ **Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // В кн. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. Иноземцева В.Л. – М.: Изд-во «Academia» 1999, с. 494.

⁴⁰ **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество, культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 33.

логии возымели огромные социальные последствия, что вполне естественно, так как «технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов»⁴¹. Примером указанной зависимости социальных трансформаций от технологий является роль государства, тормозящего, ускоряющего или возглавляющего технологическую инновацию, что становится решающим фактором процесса развития; фактором, организующим и выражающим суть социальных и культурных сил, доминирующих в данном пространстве и времени.⁴² Это означает, что в принципе, судьба технологических изменений – в руках государства. Соответственно, бюрократические иерархии из страха перед технологиями, способствующими распространению духа свободы, препятствуют развитию последних, что непременно предопределяет и кризис общества. Именно такой кризис, а позже и крах, пришлось «пережить» советскому этатизму, что определило дальнейшую однополярность мира, ускорение глобализационных процессов и, соответственно, реструктуризацию самого капитализма. Началось масштабное становление информационализма как новой материальной и технологической основы экономического развития и социальной организации с сетевой логикой его базовой структуры. Такая сетевая логика повлекла за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы: власть структуры оказалась сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой, наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим, выступили в качестве источников власти и перемен в современном мире, что дало нам

⁴¹ Там же, с. 3-4.

⁴² См. Там же, с. 438.

право на определение последнего как общества сетевых структур (network society)⁴³.

Несмотря на то, что современный уровень технологий способствовал распространению сетевых структур, обоснование становления общества нового типа не может ограничиваться лишь этим фактом и считаться его достаточным основанием, ибо структурная трансформация общественной организации определено предполагает более широкий спектр причин и условий. На первом месте в данном ряду «предвестников» создания новой структурной модели координации социальных процессов стоит глобальность как один из основных результатов технологического прорыва и процессов информатизации мира. Именно поэтому проблема глобализации в последние годы встала в центре практически всех социально-философских исследований. Каковы же формулы реализации последней и что под ней необходимо подразумевать?

Изначально, проблема сущности данного явления предполагает ответ на вопрос о начале процесса. Если под глобализацией понимать процесс расширения социальных границ как результат контактов между народами, то в этом случае можно согласиться, что исторически глобализация восходит к «осевому времени» Ясперса, открывшему смысл и назначение истории в единстве общечеловеческих ценностей⁴⁴. Однако ускоренная фаза глобализации связана с модернизацией, которая дала новые импульсы для формирования единых норм общественного поведения: появление индустриально развитых стран привело к ускорению общецивилизационного процесса, ибо сами по себе достижения науки, технологии и потребности экономики приводят к необхо-

⁴³См. **Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // В кн. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. Иноземцева В.Л. – М.: Изд-во «Academia» 1999, с. 494-505.

⁴⁴ См. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во «Политиздат», 1991, с. 32-39.

димости усиления взаимодействия. Тем не менее, глобализация эпохи модернизма, которая акцентировала установление взаимосвязи мира в первую очередь через прогресс, значительно отличается от ее «постсовременной» фазы. По сути, процесс модернизации стал своеобразной вестернизацией, в котором Запад в качестве модели инновационного общества представил основные критерии капиталистического порядка – гражданское общество, светское государство и автономного (т.е. свободного и ответственного) индивида. В данном контексте модернизацией стало освоение западных достижений и переход от традиционного общества к современному, что изначально определило четкие границы между «ведущим» и «ведомым», то есть центром и периферией. Однако «эта глобализация не создала «сетевого общества», ибо в отличие от нашего времени принято было говорить не о «встречах» европейцев с населением, скажем, американского континента, а об открытии европейцами новых земель за океаном»⁴⁵.

Было бы справедливо отметить, что многие исследователи и сегодня не снимают проблему соотношения «глобализация-вестернизация», а лишь переводят ее в контекст «американизации» мира. В частности, данной точки зрения придерживается В.Л. Иноземцев, считающий, что в отличие от европейской экспансии XVI-XX веков, целью которой было «цивилизовать» народы периферийных стран и приобщить их к своей культуре, американизация направлена на использование возможностей периферийных народов и навязывание им своего видения мира⁴⁶. То есть, если следовать этой точке зрения, то необходимо согласиться, что и сейчас в мире исторические процессы и регулирование общественных отношений осуществляется с применением иерархической модели социальной координации или социальной политики, основанной на принципе контроля. Естественно, что говоря

⁴⁵ Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии, 2004, №4, с. 60-61.

⁴⁶ См. там же, с. 66-68.

о любом обществе, мы не предполагаем полного исключения того или иного способа координации и взаимодействия, ибо любой тип социальной организации никогда не существует в чистом виде, а предполагает сосуществование и взаимопроникновение. Соответственно, любое общество во все времена сохраняет и определенную пирамидальность: даже в системе политической власти, в контексте демократизационных процессов, направленных в первую очередь на децентрализацию, сами демократии также оказываются организованными иерархично. Именно такой пример приводит Ф. Фукуяма: «...Америка обладает большей властью в системе мирового сообщества. Разница в том, что власть в демократическом обществе делается законной благодаря народному согласию и ограничена в своих правах относительно индивидов. Демократическим иерархиям присущи те же несовершенства, что и их авторитарным аналогам, и в результате фактически все современные демократии испытывают сильное давление, направленное на децентрализацию, федерализацию, приватизацию и делегирование власти»⁴⁷. Соответственно, интерпретация строгой централизованности современного мирового развития неприемлема, ибо технологический мир, подкрепивший взаимосвязь и взаимозависимость стран и народов, умножил число субъектов действия на мировой арене. В первую очередь это связано с *переходом в постсовременность, в которой «модернистский прогресс» в силу обнаруженной противоречивости и слишком большой цены, потерял свою притягательность, что повлияло на специфику глобализационных процессов, которые сейчас больше переопределились в гибридизацию фрагментирующих и унифицирующих сил, ставших фактором реорганизации социальных пространств*⁴⁸. Это означает, что мир лишился существующей до этого единой парадигмы и преобразовался в децентрализованный

⁴⁷ **Фукуяма Ф.** Великий разрыв. – М.: Изд-во АСТ, 2004, с. 267-268.

⁴⁸ См. **Pieterse J.N.** Globalization as Hibridization / In *Global Modernity*. London, 1995, с. 45-68.

и плюралистичный «хаос». Одновременно, развитие информационных технологий актуализировало интерпретацию глобализации как процесса вовлечения различных обществ в единое коммуникационное пространство. В соответствии с этим для описания глобализационных процессов сетевого мира достаточно характерен подход Э. Гидденса: для него глобализация есть «интенсификация всемирных социальных отношений, в результате чего отдаленные регионы оказываются связанными друг с другом в том смысле, что местные происшествия отражают события, происходящие за много миль от них, и наоборот»⁴⁹. Соответственно, в современном обществе глобализация в первую очередь стала расширением сети контактов и коммуникаций на всех уровнях социальности (экономическом, политическом, культурном, а также в сфере повседневного опыта), что способствовало **диалогу** различных культурно-мировоззренческих систем. В указанном определении термин «диалог» передает всю суть новой социальной конструкции, осуществившей «технологический прорыв» через границы национального государства и сформировавшей глобальное сообщество. Осуществление иерархического контроля и управления глобальным миром практически невозможно, и связано это не с желанием государств или уровнем цивилизации, а с характером сложившейся социальной системы, которая стала *открытой, неравновесной и нелинейной* – особенности, которые в контексте аналогии между эволюцией в сторону сетевого общества и процессами самоорганизации в природе, были рассмотрены еще одним из основателей синергетики И.Г. Пригожиным. Согласно И. Пригожину, человеческое общество с очевидностью удовлетворяет условиям дисбаланса. Жизнь возможна только в открытых системах, обменивающихся материей, энергией и информацией с внешним миром. Сетевое общество

⁴⁹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004, с. 61.

– структура неравновесная, возникшая в результате недавних процессов в информационной технике⁵⁰. Соответственно, оно также и нелинейно – качество, предполагающее множественность решений, что изначально осуществимо в рамках горизонтального взаимодействия, а не иерархического контроля.

Исходя из сказанного, можно склониться к мнению, что современный этап глобализации целесообразнее представить не как американскую экспансию, а как процесс нарастающего воздействия факторов международного значения на социальную жизнь отдельного общества⁵¹. Более конкретно в числе перечисленных факторов выделяются:

- расширение деятельности и экспансия транснациональных корпораций;
- возрастание роли наднациональных политико-экономических и социальных организаций, таких как ООН, НАТО, Европейский союз, «Большая восьмерка» и др.;
- создание единого финансового рынка, берущего под свое влияние экономики отдельных стран;
- рост международной миграции населения в первую очередь в соответствии с потребностями глобализирующегося рынка труда;
- расширение межкультурного взаимодействия, которое с антропологической и культурологической точек зрения можно представить как отражение в сознании людей процесса расширения взаимодействия между различными регионами мира.

Таким образом, исторический путь человечества на любом этапе своего развития с самого начала возникновения характеризовался наличием сложных социальных процессов, «бравших на

⁵⁰ См. **Пригожин И.Г.** Сетевое общество // Социс, №1, 2008, с. 82-88.

⁵¹ См. **Robertson R.** Globalization: social theory and global culture. London, 1992, с. 8.

себя» ответственность за регулирование общественных отношений. В ходе истории эти процессы были отрефлексированы и выведены в определенные модели – иерархию, основанную на принципе контроля; рынок, основанный на поиске баланса, и сеть, основанную на принципе горизонтального взаимодействия. Характеристика социальной организации зависит от доминанты того или иного принципа. Соответственно, о факте сетевой координации заговорили тогда, когда последняя стала рассматриваться не как проявление маргинального поведения некоторой модели (будь она социальная, политическая или экономическая), а как нечто автономное и самоуправляемое. Глобальность и открытость современного мира предопределили перестройку социальной стратификации и общественной конфигурации в соответствии со стоящими перед обществом социально-политическими, экономическими и культурными задачами. Общество оказалось неспособным терпеть «пирамиду» отношений в условиях тотальной информатизации, активизации коммуникационных процессов и при общей тенденции к демократизации отношений. Требование замены иерархической модели в соответствии с общественными потребностями выдвинуло необходимость в дополнительном социальном ресурсе, способствующем *активизации сетевых конфигураций, в контексте которых видится возможность реализации нового глобального социально-экономического, политического и антропологического проекта общественного мироустройства.*

Каковы же конкретные проявления реализации данного «сетевого проекта» в сферах общественной жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся представить нынешние политико-экономические трансформации. В первую очередь отметим, что стремительно растущий захват мира информационными сетями ознаменовался рождением «новой экономики», которая в системе своих характеристик предполагает уже указанные нами взаимопределяющие проявления современной модели мира, а именно,

информационность, глобальность и горизонтальность. В данном контексте

под информационностью понимаются такие правила хозяйствования, которые предусматривают наиболее широкое применение электронных технологий в процессах производства, распределения и потребления. Одновременно, информационность обеспечивает ту сторону новой экономической инфраструктуры, согласно которой последняя характеризуется преобладанием неосязаемых активов, то есть услуг и технологий, образования и науки, что в свою очередь означает наличие высокого удельного веса человеческого капитала. Более обобщенно можно сказать, что новая экономика предполагает переход в электронную среду различных видов экономической деятельности. Переход же этот стимулируется множеством международных и наднациональных организаций, что подтверждает глобальность преобразований.

Глобальность экономической инфраструктуры современного общества означает, что мировая экономика функционирует уже не просто как совокупность взаимодействующих национальных хозяйств, но и как единая экономическая система, способная работать в режиме реального времени в масштабе всей планеты. Основную роль в формировании глобальной экономики играют транснациональный капитал и банки, мировые и региональные государственные союзы, международные организации. Соответственно, управление капиталом осуществляет глобальный финансовый рынок. Вместе с тем, глобализация, способствующая универсализации различных, в том числе и экономических моделей, предполагает и универсализацию проблем, тем более, что нынешняя глобализирующаяся реальность, в силу своей нелинейности и неравновесности, о которых мы говорили выше, значительно более сложна и неустойчива, чем глобализация эпохи модерна. Доказательством тому, что формирование глобальной инфраструктуры предполагает не только общие тенденции развития, но и возможности глобального кризиса, стала ситуация, взволно-

вавшая практически все человечество, когда резко ухудшились главные экономические показатели практически всех стран мира, чему последовал финансовый кризис, сопровождаемый повышением цен, уменьшением прибыли, потерей работы, задержками с выдачей заработной платы, пенсий и т.д. «Провокатором» же ситуации оказался ипотечный кризис, начавшийся в США за два года до приобретения «мировых масштабов».

Информатизация и глобализация предопределили рождение третьего определителя современного мира, а именно, перестройку социальной структуры и установление доминанты сетевых отношений. Если в стабильном и неизменном мире модерна наличествовала изначальная предсказуемость проблем, то в глобальном нелинейном мире усложнение и ускорение перемен приводит к необходимости преобразования традиционных иерархических форм организаций. Каждая эпоха создает форму организации, соответствующую ее темпу жизни. Информационный поток, ускоривший темп нашей жизни, требует замены пирамиды отношений на латеральную коммуникацию: «центральная, самая важная, решающая деятельность организаций все больше переходит от прямых отношений верх-низ к отношениям, направленным как бы «вбок».⁵² Данное преобразование необходимо для достижения гибкости с целью своевременной реакции на глобальные трансформации. Причем сетевая модернизация затрагивает не только финансово-промышленные и международные объединения, но и нижний уровень, состоящий из отдельных фирм и корпораций. М. Кастельс отмечает: «Чтобы маневрировать в новой глобальной экономике, характеризующейся непрерывными лавинами новых конкурентов, использующих новые технологии и приемы сокращения затрат, крупные корпорации должны были стать прежде всего более эффективными, а не более экономными. Се-

⁵² См. **William H.** The Decline of Hierarchy in Industrial Organizations.// Academic Journal «Business Horizons», с. 72.

тевые стратегии добавили системе гибкости, но они не решили для корпораций проблему приспособляемости. Чтобы усваивать выгоды сетевой гибкости, корпорация сама должна была стать сетью и пропитать динамизмом каждый элемент своей внутренней структуры: в этом, в сущности, и заключается смысл и цель модели «горизонтальной корпорации», которая часто подразумевает децентрализацию ее единиц и наделение каждой из этих единиц растущей автономией, позволяющей им конкурировать даже друг с другом, хотя и в рамках общей стратегии»⁵³. Подобные фирмы и корпорации сейчас принято называть «*сетевым предприятием*». В качестве классического определения последнего можно представить подход президента крупнейшей компании Nokia Йорма Оллилы: «Сетевое предприятие – это организация, в основе которой лежит непрерывное взаимное общение всех участников бизнес-процесса. Последний можно условно разделить на администрирование, производство, научные исследования, разработки и маркетинг. При этом важно, что все единицы, входящие в такое предприятие, могут обладать полной юридической и экономической независимостью и самостоятельностью (stand-alone), по сути, являясь совершенно другими компаниями. И в то же время зачастую именно эти «другие и независимые» являются ключевыми участниками бизнес-процесса, делая что-то для Nokia, а стало быть они – тоже звенья одной сети»⁵⁴. Надо сказать, что «сетевая политика» подобных предприятий предполагает не только наличие компаний «stand-alones», сотрудничающих на договорной основе, но и «гибкость» штата, доминирование неформальных отношений и в целом выбор такого организационного принципа, как *адхократия*, «демонстрирующего наименьшее «почтение» к классическим принципам менеджмен-

⁵³ **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 46-47.

⁵⁴ **Лисовая Л.** Nokia: как использовать успешный опыт сетевого предприятия // <http://www.marketing-ua.com/articles.php?articleId=478>

та, и прежде всего к единоначалию»⁵⁵. Так как глобальная экономика, являясь постоянным балансом между хаосом и самообновлением, все время требует новых навыков и правил, то вполне естественно, что такая организационная модель отношений, как адхократия, выступающая в качестве проектного или оперативного менеджмента, становится достаточно приемлемой. Сам термин был введен в 60-ые годы прошлого столетия американским социальным психологом Уорреном Беннисом⁵⁶. Однако подробное описание адхократии в современном обществе представлено Э. Тоффлером, который предсказал следующее: «Пытаясь приспособиться к новому стилю организации, человек встретится с огромным количеством трудностей. Но он увидит себя не заключенным в узкую щель, уничтожающую его личность, а освобожденным, странствующим в мире кинетической организации с новой, свободной формой. В этом незнакомом пейзаже его позиция станет постоянно меняющейся, текучей, разнообразной. И его организационные связи, так же как его связи с вещами, местами и людьми, будут обновляться с огромной и постоянно увеличивающейся скоростью»⁵⁷. Можно сказать, что адхократия утвердила человека нового типа, заменив «преданного организации функционера» на творческого, активного профессионала, с помощью которого значительно легче производить постоянную реорганизацию системы отношений в компании. Сегодня, даже в функционально устойчивых образованиях, с целью решения конкретной задачи все чаще и чаще возникают проектные команды, которые после расформирования. Управленцы в данной ситуации становятся больше координаторами, связывающими эти группы профессионалов. Соответственно, люди в подобных сис-

⁵⁵ Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. – СПб.: Питер, 2004, с. 204.

⁵⁶ См. Bennis G.-W. Beyond Bureaucracy: essays on the development and evolution of human organization. Jossey-Bass, 1993, 254 с.

⁵⁷ Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: Изд-во АСТ, 2002, с. 145.

темах, начинают дифференцироваться не по вертикали, в соответствии с их рангом и их ролью, а гибко и функционально, в соответствии с их навыками и профессиональными знаниями.

«Открытая архитектура» сети, предполагающая отсутствие четкого центра и четких границ, а также влияющая на трансформацию внутренней мотивации компании, отражается не только на реорганизации «пирамиды», но и на реорганизации рынка. В отличие от иерархии, рынок признает равноправное положение всех участников по отношению друг к другу. Но, как отмечает один из современных швейцарских исследователей Феликс Сталдер, рынок, являясь совокупностью отдельных действий (производство, сбыт и потребление), осуществляемых потребителями и фирмами, становится местом, в котором социальные акторы вовлечены в стратегические действия исключительно по максимизации своих ресурсов и минимизации своих потерь. Сеть же выступает не простым наличием узлов (будь то индивид, корпорация или страна), а их соединений. Именно связи создают или конструируют узел как таковой (например, личность вне Интернета не может выступать в качестве узла; или же некоторое периферийное государство, не вовлеченное во всемирную торговлю через сеть соглашений и организаций не может рассматриваться узлом в сетевой структуре)⁵⁸. В результате, если рыночная модель, акцентирующая торговую сделку и максимизацию особого интереса, ориентируется на конкуренцию, то *сетевая модель предполагает и кооперацию*. Последняя присутствует уже в обсуждаемой нами адхократии, когда в результате гибкости отношений возникает утрата длительных рабочих контактов: профессиональные навыки, приобретающие большее значение в общении между людьми, заменяют «преданность фирме» на «преданность стандартам», что в условиях глобализирующегося мира

⁵⁸ См. **Stalder F.** Open Cultures and Nature of Networks. New Media Center, 2005, с. 79-87.

вполне объяснимо. Современные правила игры на мировом рынке таковы, что ни одной, даже самой мощной компании, не удастся работать в одиночку. Компании и корпорации вынуждены объединяться в глобальные альянсы, число которых постоянно увеличивается. Наглядным примером тому является стремительное развитие рынка телекоммуникаций и сферы научно-исследовательских разработок: дело в том, что сейчас все ведущие мировые поставщики и производители этой сферы (Ericsson, Intel, Microsoft, Toshiba и другие) объединены во всемирную Ассоциацию GSM (Global System for Mobile Communications), куда представляют совместные требования по каждой конкретной задумке. Так как GSM является открытым, единым для всех стандартом, то мировые конкуренты, в лице перечисленных фирм и компаний, вынуждены объединяться и сотрудничать.

Отметим, что в данном контексте интересен не только факт кооперации конкурирующих фирм, но и трансформация отношений между производителем и потребителем. Известно, что одной из характеристик новой экономики является виртуальный характер последней, то есть наличие модели взаимодействий субъектов рынка исключительно посредством компьютерных сетей. Киберпространство, став средой для экономической деятельности, привело к изменениям в ведении бизнеса и появлению электронного рынка. Сейчас в сети мы имеем интернет-магазины, online аукционы, каталоги товаров и услуг, платежные системы и интернет-банкинг, рекламный бизнес и интернет-маркетинг. Переход рынка в электронную среду дает возможность потребителям стать активными участниками бизнеса. Дело в том, что в настоящее время доминируют не только отношения между производителями и потребителями (business to consumer), но и отношения между потребителями (consumer-to-consumer), которые предполагают возможность обмена коммерческой информацией. В данном случае потребитель и его мнение становятся для компании своеобразным «рекламным щитом», так как обмен опытом потребе-

ния того или иного товара, а также в целом обмен опытом взаимодействия с той или иной компанией или фирмой становится наиважнейшим рейтинговым фактором.

Остановимся теперь на ряде трансформаций общественных отношений в политической сфере. В данном контексте на первый план выдвигается проблема реконструкции отношений государство-общество, которая подробно проанализирована в рамках «теории политических сетей». Согласно данной концепции сети «открывают правительство перед обществом». Здесь полностью меняется ракурс государства как агента политики: в противоположность бюрократической идее доминирования государства в выработке политики, сетевой подход выставляет последнее и его институты в качестве *важных, но не единственных акторов политических решений*. Обусловлено это в первую очередь тем, что опять-таки благодаря информационным технологиям *государство теряет монополию на информацию*. В свою очередь *утрата информационной власти предполагает снижение властных полномочий*. Государство оказывается вынужденным вступать в обмен ресурсами с другими политическими агентами, что в условиях сетевой организации позволяет ввести термин «управление без правительства» («governing without government»)⁵⁹. Естественно, что упоминание о других политических акторах в первую очередь предполагает структуру управления общественными делами, в которой государство сотрудничает с гражданским обществом. Соответственно, в подобных условиях трансформируется управленческая функция самого государства: «современное управление характеризуется системами принятия решений, в которых территориальные и функциональные дифференциации преобразуют эффективную организацию разрешения проблем в набор субсистемных акторов со специальными задачами и ограничен-

⁵⁹ См. **Rhodes R.** Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham: Open University Press, 1997, с. 394.

ной компетенцией и ресурсами»⁶⁰. То есть в данном случае государство оказывается вынужденным включить общество в процесс принятия решений, в результате чего руководство и управление осуществляются через организацию переговоров между государственными и негосударственными структурами с принятием решения на основе соглашения.

Сказанное является как-бы изложением сути современных моделей демократии, все больше склонных к *партиципаторности*⁶¹, предполагающей активное участие граждан в обсуждении и принятии решений по главным вопросам общественной жизни. С другой стороны, современные модели с точки зрения позиции государства являются рефлекслирующими или «размышляющими демократиями», при которых в условиях наличия «восприимчивой» общественной системы, власть чутко реагирует на сигналы, поступающие из общества⁶². В целом, в контексте взаимодействия обеих сторон – общества и государства, эти две модели как бы получают свое окончательное воплощение в делиберативной (совещательной) модели Юргена Хабермаса, изначально направленной на разрешение противоречий либерализма (защищающего сферу личной свободы от государства, религии, национальных предрассудков и морали на основе признания формальных законов) и коммунитаризма (направленного на сплочение людей в единое целое на основе чувства солидарности). Критика либерализма со стороны коммунитаризма заключалась в том, что последний слишком сосредоточен на индивидуе, на первостепенности его индивидуальных прав, при которой игнорируется значи-

⁶⁰ Hanf K., O'Toole L. Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the management of Inter-Organisational Relations // European Journal of Political Research. Special issue, 1992, Vol. 21, p. 166.

⁶¹ См. Barber B. Strong Democracy. Participatory Politics for a New Age. University of California Press, 1992, с. 139.

⁶² См. Etzioni A. The New Golden Rule: Community and Morality In a Democratic Society. Basic Books Press, 1996.

мость всеобщего блага. Это означает, что коммунитаристы актуализируют непосредственно социальную природу личности (а значит и такие общие ценности, как безопасность, стабильность, сохранение общественных связей), а не свободу и автономию последней. Естественно, что подобная разнонаправленность предполагает расхождения и в отношениях к государству: для либералов политика выступает в качестве выражения политической воли граждан и выполняет функцию проведения в жизнь частных интересов, имеющих общественное значение; для коммунитаристов же сведение политики лишь к роли посредника неприемлемо, так как она имеет важное самостоятельное значение, направленное на поддержание существования общества. Именно в контексте столкновения двух изложенных моделей демократии и выступила делиберативная модель, ставшая политической схемой сетевого общества. Центральным элементом, обеспечивающим сетевые характеристики социальной системы, в модели Хабермаса выступает его концепция гражданского общества, являющегося связующим звеном между отдельными гражданами и государством. В данном случае, гражданское общество предполагает постоянно возникающие ассоциации, организации и движения, которые резонируют с тем, что происходит в сфере частной жизни, усиливая и посылая все это в публичную сферу (гражданское общество выступает своего-рода «гарантом» сохранения коммуникативной структуры публичной сферы)⁶³. При этом принцип целостности (в конкретном случае, сети), несводимой к механической сумме отдельных индивидов, реализуется в рождении гражданского общества с соответствующим статусом единого сетевого агента, опирающегося на «...бессубъектные формы коммуни-

⁶³ См. **Habermas J.** The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquire into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity, 1991, с. 73-79.

кации, которые <...> управляют потоком дискурсивного образования мнений и воли»⁶⁴.

В делиберативной модели гражданского общества наглядно реализуются такие характеристики сети, как открытость и децентрализованность. Известно, что основным принципом делиберативной демократии является предоставление возможности свободного обмена мнениями, в ходе которого каждый заявляет и защищает свои собственные интересы, однако реализует те, которые прошли проверку на общественном форуме и получили общественную поддержку. В данном случае коммуникативная рациональность, на которую опирается эта модель, преобразовывает делиберативный процесс в явление массовых консультаций фабрик мысли по общественно значимым проблемам, что происходит с привлечением к разработке публичной политики как можно большего числа граждан. Делиберативная модель демократии является преодолением принятого демократического «стандарта диктатуры большинства». Если последний предполагает диктатуру большинства в принятии законов и диктатуру меньшинства при их проведении в жизнь, то концепция сетевого общества в контексте делиберативной политики реализовывает механизм непосредственного учета роли меньшинства в создании законов и участие большинства в деле их практического применения⁶⁵. В условиях подобной совещательной демократии, устанавливающей равновесие в отношениях Я-Другой, каждый выступает равноправным звеном сетевого сотрудничества, своего рода отдельным узлом в сетевых потоках и определенным центром целостной системы с одновременной реализацией принципа полисистемности: «в ассоциации свободных и равных все должны иметь возможность понимать себя в качестве авторов тех

⁶⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Изд-во «Наука», 1992, с. 75.

⁶⁵ См. Багратян Г.А. Общество и государство. – М.: Изд-во «Изограф», 2000, с. 261.

законов, связанность с которыми каждый в отдельности ощущает как их адресат»⁶⁶.

Анализ экономических и политических трансформаций указывает на то, что в социальной структуре современного общества действительно налицо такие характерные черты сетевой организации, как ее открытость, целостность и децентрализованность. Некоторыми авторами на основании анализа, предполагающего сохранность семантической связи всякой сети с ее «архетипом», то есть с сетью в буквальном смысле этого слова, в качестве определителей выводится и такой ее элемент, как фрактальность⁶⁷. Можно сказать, что в контексте сетевого общества данная характеристика реализуется в рамках его «кибернетического измерения». Отметим, что в целом под фрактальностью понимают свойство, предполагающее определенное подобие частей целому. Если следовать данному определению, то становится ясно, что, основанная на принципе самоподобия фрактальность, всегда являлась характеристикой структур как мира природного, так и мира социального. В этом смысле можно утверждать, что и человек на протяжении всей своей истории выступил сложным самоорганизующимся фракталом. Однако на современном этапе цивилизационного развития социальная фрактальность стала особенно наглядной (недаром сама теория фракталов, изложенная американским математиком Бенуа Мандельбротом, была представлена лишь в 70-ых годах прошлого столетия, когда определился переход к нанотехнологиям и в целом уход в проблемы наномира). Развитие современной науки и техники, а тем более технологий, оказало на нас огромное влияние: технологическая среда стала для человека очередным «полем самоподобия», и если уже с начала культурно-исторического пути человека стал формироваться

⁶⁶ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: 2001, с. 196.

⁶⁷ См. Олескин А.В. Сетевая организация социума: проблемы и перспективы // Государственная служба, 1999, №1 (3), с. 73-82.

его соответствующий фрактал в образе homo technicus (как результат «самопознания» многих аспектов собственной функциональности через подобие в технике), то сейчас уже практически весь технико-технологический мир стал кибернетическим образом человека⁶⁸. Можно сказать, что художественное описание виртуального мира, данное «отцом киберпанка» Уильямом Гибсоном, вполне является развернутым концептуальным «портретом» фрактального киберпространства, когда друг на друга налагаются два различных уровня: с одной стороны, мир виртуальных отношений, с другой, – реальный человеческий мир. Здесь киберпространство предстает воплощением единения кибернетической технологии и человеческой сферы, поскольку за каждый «клик» в сети отвечает нервная система реально существующего пользователя⁶⁹. Одновременно, помимо трактовки фрактальности в контексте актуализации реального мира человеческих отношений в виртуальном пространстве, «отображение отображения» получает свое продолжение и в пределах исключительно виртуального, где «человек кликающий» постоянно преодолевает «многомерность» киберпространства за счет бесконечного множества «интеракций-перескоков», поддерживающих виртуальное взаимодействие с миром.

Изложенный выше анализ социально-экономических и политических трансформаций показал, что вовлеченность в сеть стала необходимым условием полноценного участия в жизни общества. При этом сейчас, как и на всех этапах человеческой истории, которые являлись новым уровнем рационализации бытия, продолжают возникать очередные вызовы, связанные в первую очередь с социально-антропологическими параметрами, определяющими общественные изменения. Это стало причиной того, что в преде-

⁶⁸ См. **Тишин А.И., Эгембердиев Т.М.** Фрактальность человека // В сб. «Фракталы и циклы развития систем»: материалы 5-ого Всерос. Науч. Семинара. – Томск, 2001, с. 80-91.

⁶⁹ См. **Gibson W.** Neuromancer. New York: Ace Books, 2000.

лах социогуманитарных дисциплин, в частности, множества социологических и философских концепций оценка самой сетевой организации достаточно неоднозначна и предполагает как наличие положительных, так и отрицательных мнений и обоснований. Отклонение позиции в ту или иную сторону определяет соответствующие интерпретации вопросов относительно государственного-политического устройства, проблем свободы выбора, возможности идентификационных конструкторов, кризиса идентичности и других, которые пополнили ряд парадоксов современного мира.

1.3 СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОПТИМАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Информационное общество, отдавшее предпочтение сети как форме спонтанного порядка, возникающего в результате действий децентрализованных агентов, в качестве основного воспроизводственного принципа представило процессы самоорганизации. Это означает, что став формой «общественного диалога», сетевое общество установило внутреннюю способность добровольного совместного действия, что непосредственно соотносится с понятием «социального капитала».

Известно, что первоначально понятие «капитал» сформировалось в политико-экономическом контексте. При этом под последним подразумевалась *совокупность ресурсов, которые задействованы в процессе человеческих взаимодействий* (в частности, в экономическом контексте предполагается хозяйственное взаимодействие). Но если экономическая трактовка капитала указывает на его «овеществленную» форму, то виды капитала, рассмотренные такими современными философами, как Пьер Бурдьё, Джордж Коулман, Роберт Патнэм, Френсис Фукуяма, предполагают новое качество его инкорпорированных форм, воплощенных в первую очередь в самом человеке и в отношениях между людьми.

ми, а иначе говоря, в социальных отношениях и связях. Соответственно, если речь идет о капитале, то естественно, что понятие социального капитала не ограничивается рамками социальных взаимодействий, реализуемых лишь в экономической сфере, где в первую очередь фигурируют коммерческие предприятия, но затрагивается все общество в целом.

Надо сказать, что широкое использование понятия капитал в современной философии и социологии во многом было определено выходом в свет книги Г. Беккера «Человеческий капитал». В ней автор определил «человеческий капитал» как совокупность навыков, знаний и умений, расходы на получение которых могут со временем принести ощутимую прибыль и самому работнику, и работодателю⁷⁰. В дальнейшем Г. Беккер совместно с Дж. Стиглером ввел новое понятие «потребительский капитал», с помощью которого попытался объяснить привычки, увлечения и привязанности потребителей, не отменяя при этом наличия постоянных, устойчивых потребительских предпочтений. Однако инкорпорированные или «приобщенные» формы капитала не ограничились перечисленными двумя, и со временем в один ряд с ними встали

- культурный капитал, под которым понимаются в первую очередь преимущества, приобретаемые в процессе социализации посредством усвоения различных эстетических ценностей, способов взаимодействия, речевых навыков и всего того, что ложится в основу культурной компетентности человека;
- символический капитал, который является таковым ввиду своего соответствия «кредиту доверия», основанному на престиже, репутации, знаках достоинства, высоком социальном статусе;

⁷⁰ См. **Becker G.** Human Capital. The University of Chicago Press, 1993, с. 21-23.

- физический капитал, связанный с состоянием здоровья, физическими данными человека и измеряемый главным образом его способностью к труду.

Одну из центральных позиций в данном ряду занял капитал социальный. Обратимся непосредственно к сути социального капитала и *зависимости уровня последнего от формы социальной организации*.

Надо сказать, что рождение понятия «социальный капитал» одновременно связывают с несколькими именами. Конечно же в первую очередь тема социального капитала заставляет нас обратиться к французскому философу Пьеру Бурдьё, который и ввел в оборот данное понятие⁷¹. Вместе с тем было бы справедливо отметить, что именно Бурдьё ввел его непосредственно в научное пространство. Сам же термин был впервые употреблен в 1916-ом году Лидом Джадсоном Ханифаном в дискуссиях по деревенским школам для описания важнейших обстоятельств, влияющих на повседневную жизнь каждого: необходимость воспитания воли, братских чувств, симпатии, умения налаживать социальные взаимоотношения и коммуникацию между людьми как социальными единицами. Основная суть, заложенная Ханифаном в его понимание социального капитала, заключается в том, что *сообщество выигрывает от сотрудничества его членов*⁷². Ф. Фукуяма в своей киевской лекции на тему социального капитала связал данное понятие с именем французского философа-аристократа Алексиса де Токвиля, являющегося автором книги «Демократия в Америке». Несмотря на то, что Де Токвиль не использовал термина «социальный капитал», однако в 30-ые годы XIX столетия, посещая США, он отметил, что американцы пользуются тем, что он назвал «искусством объединения» – констатация факта

⁷¹ См. **Bourdieu P.** The Forms of Capital //Handbook of Theory and Research for Sociology of Education. N.Y.: Greenwood Press, 1986.

⁷² См. **Hanifan L.Judson**, The Rural School Community Center //Annals of the American Academy of Political and Social Science 67, 1920, с. 130-138.

объединения людей в разнообразные добровольные сообщества (литературные клубы, религиозные общества, группы для борьбы с рабством). В данном случае тенденция объединения предстала возможностью консолидации действий слабых, что само по себе явилось важным условием успеха американской демократии⁷³. Согласно Фукуяме, именно такая постановка явилась основанием для дальнейшего осмысления понятия социального капитала другими исследователями⁷⁴. Следовательно, можно предположить, что мысль о ценности социальных связей и большом весе социальных контактов в обществе сформировалась еще задолго до изложения теории социального капитала.

Но вернемся к рассмотрению философского определения последнего, которое целесообразно изложить в контексте совокупности ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания, то есть с членством в группах⁷⁵. Это означает, что *социальный капитал является коллективным феноменом*, то есть ресурсом, направленным в первую очередь на увеличение не индивидуальной, а коллективной «производительности». Подобной точке зрения придерживаются практически все исследователи. Например, согласно Дж.Коулману, социальный капитал предполагает ресурс связей и отношений, преодолевающий индивидуальный уровень и выдвигающий понятие «*общественное благо*». В этой связи автором затрагивается проблема изначального наличия элемента деструктивности в условиях рынка, что наводит на мысль о возможности создания социального капитала лишь нерыночными силами, будь то какие-либо государственные структуры, имеющие социализирующий

⁷³ См. **Токвиль А.** Демократия в Америке. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000, с. 278-380.

⁷⁴ См. **Фукуяма Ф.** Социальный капитал // Киевская лекция, Ежедневная всеукраинская газета «День», №177 (от 17 октября 2006 года).

⁷⁵ См. **Bourdieu P.** The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for Sociology of Education. N.Y.: Greenwood Press, 1986, с. 51.

эффект, или же разного рода негосударственные объединения. В противном случае имеет место *характерная для рыночных отношений нацеленность на прибыль, реализуемая в пределах ориентаций на получение выгоды в контексте «личного блага», что само по себе более соотносимо с критериями капитала человеческого*⁷⁶. Было бы справедливо отметить, что изложенную позицию разделяют не все ученые, и многие из них пытались обосновать фактор роста или стабильности социального капитала и в условиях рыночной экономики. К примеру, Самюэль Рикар утверждает, что коммерция привязывает людей друг к другу взаимной полезностью, при помощи коммерции человек учится мыслить, приобретает манеры, становится благоразумным и сдержанным в разговорах и действиях: ощущая необходимость быть мудрым и честным для достижения успеха, он избегает порока или, по крайней мере, его поведение высказывает приличие или благопристойность, чтобы не вызывать каких-либо враждебных суждений со стороны сегодняшних или будущих знакомых⁷⁷. Но в данном случае, на наш взгляд, интерпретация С. Рикара понятия «социальный капитал» и рассмотрение последнего практически в качестве частного блага, также более соотносимы с определениями капитала человеческого или символического, но никак не социального. Конечно же, определитель «коллективности» социального капитала не исключает и не может исключить то, что последний является ресурсом получения выгод. Но его своеобразие проявляется именно в том, что он интерпретируется в качестве средства групповой солидарности, группового ресурса, который не может быть измерен на индивидуальном уровне. Все это акцентирует не столько выступление социального капитала в

⁷⁶ См. **Коулман Дж.** Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, 2001, №3, с. 136-138.

⁷⁷ См. **Фукуяма Ф.** Великий разрыв. – М.: Изд-во АСТ, 2004, с. 345-350.

роли причин тех или иных выгод, сколько проявление последнего в качестве социально-экономических условий и обязательств⁷⁸.

Другой попыткой «оправдания» рыночной экономики в контексте проблемы наращивания социального капитала явилась позиция Йозефа Шумпетера, согласно которому, несмотря на все изъяны, в самом капитализме заложена принципиально положительная тенденция «конструирования» класса элиты, который противостоит силам, сделавшим возможным его существование⁷⁹. Здесь прослеживается идея становления того культурного слоя, который перманентно выступает против наличествующего порядка, тем самым выполняя необходимую регулятивную роль в системе «государство-общество». Но и в данном случае, на наш взгляд, Шумпетер смещает акцент непосредственно с рыночной экономики и обосновывает фактор роста или во всяком случае стабильности социального капитала в контексте становления гражданского общества.

На основании определения социального капитала как результата реализованных связей и отношений в рамках сформированного сообщества или социальной сети (то есть именно коллективности данного феномена) выделяются и соответствующие характеристики, или «мерила» последнего. Естественно, что ими *должны выступать определенные нормы и ценности, позволяющие решать проблему предоставления общественного блага*. Таковыми выступают доверие, солидарность, уважение к окружающим, готовность помогать, толерантность и т.д. Перечисленные ценности являются своеобразными когнитивными формами существования социального капитала, помимо которых предполагаются и структурные формы последнего, а именно социальные институты или объединения, ассоциации и клубы, благотвори-

⁷⁸ См. **Jenson J.** Identifying the Links: Social Cohesion and Culture.// Canadian Journal of Communication, 2002, №2, с. 141-150.

⁷⁹ См. **Шумпетер Й.А.** Капитализм, Социализм и Демократия. – М.: Экономика, 1995, с. 300-358.

тельность, волонтерство, развитость некоммерческих организаций и многое другое. Конечно же, в ряду основных ценностей или когнитивных форм существования социального капитала имеются более «приоритетные» и менее «приоритетные». Скажем, достаточно неоднозначно в рамках данной проблемы интерпретируется чувство солидарности, которое в принципе может рассматриваться как результат накопления социального капитала. Но несмотря на то, что в общественном развитии высокий уровень интеграции является шагом вперед, фактор сплоченности и солидарности при данном рассмотрении нельзя считать определяющим. Например, Роберт Патнэм интерпретирует ситуацию следующим образом: несмотря на то, что социальный капитал формируется и поддерживается в межличностных отношениях и группах, его не надо путать со сплоченностью и солидарностью, которые могут сопровождаться как позитивным отношением к внешнему миру с «большим радиусом доверия», так и негативной оценкой окружения с «большим радиусом недоверия». Примером могут послужить политические организации, солидарность которых предполагает эскалацию враждебности к представителям других общностей⁸⁰. Как бы в продолжение данной темы М. Вулкок отмечает, что средоточие внимания только на интеграции несет в себе определенную опасность, ибо высокая степень солидарности лишает членов сообщества возможности контактировать с внешним миром и в то же время ограничивает доступ аутсайдеров в такую закрытую общину. В качестве примера подобного сообщества М. Вулкок рассматривает иммигрантские общины США, указав на то, что если община хочет поддержать себя как живое образование, то внутренние силы со временем должны подкрепляться связями с гражданским обществом в целом, ибо именно за счет экономического, культурного и социального об-

⁸⁰ См. **Putnem R.D.** Making Democracy Work: Civil Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993, с. 167-171.

мена общины восстанавливаются и продолжают развиваться⁸¹. В данном контексте наглядным примером предстает и такое явление, как клановость, которая, несмотря на тенденцию создания системы поддержки и взаимопомощи, ограничивает ее рамками отдельных «объединений», в результате чего становятся неизбежными фрагментация общества, а соответственно, социальные конфликты и процессы разрушения социального капитала.

Но вернемся к ряду перечисленных ценностей. В данном случае и солидарность, и толерантность, и уважение, и взаимопомощь предполагают наличие такого наиважнейшего элемента социальных отношений, как факт признания друг друга членами сообщества, что само по себе организует систему ценностей или когнитивных способов существования социального капитала *вокруг фактора доверия*, приобретающего все большую и большую значимость во всякого рода взаимоотношениях, будь то отношения между государствами, социальными группами или отдельными людьми. Это означает, что доверие выступает одним из основных, центральных компонентов социального капитала. Естественно, что доверие само по себе предполагает в первую очередь веру в добрые намерения субъектов взаимодействия. Тем не менее, многие считают, что часто «доброта намерений» определена не тем, что мы знаем другого субъекта нашего взаимодействия, а тем, что в контексте всех социальных связей и отношений собственными позитивными действиями мы ожидаем определенной отдачи⁸². Однако ожидание определенного «вознаграждения» за оказанную услугу, сопровождаемое взаимным сотрудничеством, является отражением социальных связей микроуровня, естественным фундаментом которого служит личное доверие между хорошо знакомыми людьми (в данном случае мы имеем дело с

⁸¹ См. **Woolcock M.** The Place of Social Capital in Understanding social and economic outcomes. Isuma: Canadian Journal of Policy Research, 2001, с. 11-17.

⁸² См. **Newton K.** Social Capital and European Democracy. London and New York: Routledge 1999, с. 3-24.

закрытым социальным капиталом (bonding social capital))⁸³. Но феномен доверия не ограничивается лишь микроуровнем социального взаимодействия и, в частности, в контексте социального капитала предполагает «доверие макроуровня» (открытый социальный капитал (bridging social capital))⁸⁴, то есть сеть условий и отношений, в пределах которых доверие перестает рассматриваться как индивидуальное качество личности, а распространяется на группу или общество в целом (отметим, что первые теоретические концепции, рассматривающие феномен доверия как коллективного фактора, связаны с именами Дюркгейма и Вебера)⁸⁵. Соответственно, на данном этапе или уровне происходит трансформация эмоционально насыщенных, интенсивных, интимных и взаимных «сильных» межличностных связей (воплощающихся к примеру, в семейственности или дружбе), в менее продолжительные, эмоционально нейтральные, отстраненные и функциональные «слабые» связи (знакомство или членство в организациях или сообществах). При этом, *несмотря на то, что преобразование «сильного» в «слабое» снижает интенсивность и экспрессивность человеческих отношений, оно все же расширяет инструментальную вовлеченность разных людей в сети гражданского действия и увеличивает охват этими сетями разные сферы общества*. В этих условиях возможность реализации социальных связей и отношений на принципе доверия макроуровня предполагает формирование определенных интегрирующих ценностей, что становится основой социального консенсуса. Исходя из этого, в современном мире позитивно функционирующими можно считать те общества, в которых наличествует воз-

⁸³ См. **Dilworth R.** SocialCapital In the City: Community and Civil life in Philadelphia. Temple University Press, 2006, с.6.

⁸⁴ См. Там же.

⁸⁵ См. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. – М.: 1996, с.256-309; **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990, с. 81.

возможность добровольного регулирования социальных отношений между людьми и выход принципа доверия за пределы «клановости». В данном случае изложенное явно демонстрирует, что *богатым источником социального капитала является именно сетевая организация общества, так как моральные взаимоотношения доверия реализуются в первую очередь посредством горизонтальных связей и норм, отдающих предпочтение моделям неформальных отношений, утверждающим большую свободу выбора и добровольность консолидации вокруг нравственных ценностей*. В такого рода отношениях на первый план выходят принцип уважения личности и социальной справедливости, в результате чего доверие как основной элемент социального капитала приобретает характер объективной необходимости⁸⁶.

Естественно, что одним из главных условий, от которого в определяющей степени зависит чувство безопасности и защищенности граждан, выступает позиция государства. Отметим, что недостаток или дефицит неформальных норм и отношений всегда становится причиной потери доверия, а значит и истощения социального капитала. Суть «истощения» раскрывается в первую очередь через особенности иерархических государств, в которых связь как между различными общественными организациями, так и между гражданами осуществляется при посредничестве органов государственной власти или государственных структур, что трансформирует или, точнее, деформирует возможные равноправные горизонтальные связи и отношения в вертикально структурированную пирамиду. Именно такое «истощенное» наследство получили бывшие страны социалистического лагеря, которые до сих пор в условиях структурных трансформаций пытаются преодолеть утерянность навыков сотрудничества и солидарности, так необходимых в условиях открытого глобального мира.

⁸⁶ См. **Seligman Adam B.** The Problem of Trust. Princeton University Press, 1997, с. 101-103.

В отличие от иерархической модели *преимуществом сетевого общества в деле наращивания социального капитала является возможность общения и взаимодействия с представителями государственных структур на основе широкого пространства неформальных межличностных отношений, реализуемых посредством множества социальных сетей, приобретающих в современном мире все большую и большую популярность.*

Заданность социального капитала через наличие социальных сетей как добровольных сообществ или ассоциаций, необходимость социальных ценностей, а также нравственных обязанностей и норм, придает последнему чрезвычайно большое значение с точки зрения воздействия на все сферы общественной жизни. Огромное множество проблем детерминировано именно спадом социального капитала, и, наоборот, успешная аккумуляция последнего непременно стимулирует как высокофункциональность экономической системы, так и соответствующий уровень политической интеграции. В своей работе, посвященной анализу правительственных реформ в Италии, направленных на реорганизацию местных органов самоуправления, Р. Патнем рассматривает предпосылки развития прочных репрезентативных институтов и перспективной экономики. В результате, наиболее удачными были оценены реформы в Северной Италии, где данный процесс сопровождался подъемом или расцветом гражданского общества, что в свою очередь и стало перспективой экономического развития данного региона по сравнению с другими областями страны. Активность гражданского общества как основного фактора экономической и правительственной эффективности определяется такими критериями, как участие в голосованиях, чтение газет, включенность в разного рода клубы и добровольные объединения: «На севере решающими социальными, политическими и даже религиозными связями являлись горизонтальные, в то время как на Юге – вертикальные. Сотрудничество, взаимное содействие, гражданский долг и даже доверие, конечно, не универсаль-

ны, тем не менее выход последних за пределы родства стал отличительной чертой Севера, в то время как Юг характеризовался иерархической позицией власти...»⁸⁷. Это означает, что в системе отношений «власть – общество» и в деле формирования социального капитала государство имеет огромное значение и может играть неоднозначную роль. В статических системах вмешательство власти в функции как рынка, так и общества в целом чрезвычайно гипертрофировано, что неминуемо разрушает социальный капитал, в то время как в условиях сетевой модели социальной организации функциональная направленность власти становится более координированной. Здесь государство уже вынуждено ограничиться лишь отведенной ему ролью определителя базовых формальных правил. Последовательное выполнение своих обязательств государственной властью является необходимым условием накопления социального капитала. Последнее же возможно при наличии горизонтальной модели социальной зависимости, в которой в качестве политических акторов выступают не просто субъекты, а граждане. Следовательно, можно сказать, что рассмотрение гражданского общества в качестве наглядного примера сетевой организации является реализацией диалога между государственными и общественными структурами. В данном случае становится ясно, что сетевое общество, стимулируя рост социального капитала, является на сегодняшний день наиболее оптимальной моделью социальной системы, так как уровень самоорганизации последней позволяет достичь подотчетности властных структур, что естественным образом повышает качество государственного управления. Фактически, *в контексте социального капитала в очередной раз прослеживается «диалогичность» сети, которая устанавливает не одностороннюю зависимость эффективности воспроизводства различных сфер общественной*

⁸⁷ Putnam R. Making Democracy work. Civil Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993, p. 130.

жизни от государства, но и зависимость качества государственного управления от общества. Ясно, что в условиях хорошо функционирующего правительства и процветающей экономики общественная активность граждан создает атмосферу высокого взаимного сотрудничества, существенных социальных сетей, сдержанных и равных политических отношений и традицию гражданского участия. То есть в современном обществе социальный капитал выступает в качестве своеобразного индикатора демократичности последнего, ибо в рамках своей политической функции он предполагает установление определенного баланса в отношениях «власть – общество», что может быть осуществимо внешними структурами за счет возможности реализации контроля правительства или государства. Только так можно обеспечить мотивацию к демократизации, некоррупционности и, в целом, учета общественных требований.

Обобщить изложенное выше можно следующим образом. Двумя основными факторами, определяющими социальный капитал, являются взаимное сотрудничество и сеть гражданских обязательств, основанные на чувстве ответственности за выполнение определенных действий, направленных в первую очередь на благо общества. Условием же их реализации является действенность принципа доверия в своем комплексе микро- и макроуровней. В результате, социальный капитал становится эффективным источником социального развития. Центральная позиция сети в социальной конфигурации современного общества явилась достаточно весомым фактором, стимулирующим нарастание социального капитала, так как развитие технологий подвело к максимуму плотности взаимодействий между людьми, одновременно превратив каждого в активного участника социальной самоорганизации. Члены сети приобрели определенную степень свободы, что позволило им определиться в соответствующих приоритетах относительно характера и направленности собственной деятельности. В результате, любой человек, являющийся носителем ка-

кого-либо ресурса (производственного, финансового или коммуникационного), важного в данный момент для работы сети, стал лидером, что изменило систему командных отношений и власти. В итоге, повысилась доля коллективных форм управления и одновременно изменилась «направленность» ответственности: если в иерархических системах ответственность в первую очередь понималась как некий отчет за взятые обязательства перед вышестоящими органами, то в системе сетевых отношений на первом месте встала ответственность перед самим собой.

На протяжении истории человечества формы социальной организации преобразовывались именно за счет постепенного внедрения горизонтальных отношений в вертикальные иерархии: «Тот факт, что в разрешении дилемм коллективного действия горизонтальные сети более эффективны, чем вертикальные, может быть одной из причин, по которой в XVIII веке капитализм оказался более эффективным по сравнению с феодализмом и по которой в XX веке демократия продемонстрировала свою большую эффективность по сравнению с автократией»⁸⁸. Соответственно, на данном этапе с уверенностью можно констатировать, что современное общество за счет максимального наращивания сети гражданского действия в системе социальных связей и отношений общественной самоорганизации способствует значительному росту социального капитала как одного из определителей уровня общественного развития.

⁸⁸ Putnam R. Who Killed Civil America? Prospect: 1996, p. 66.

1.4 ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ «СЕТЕВОГО МИРА» В КОНТЕКСТЕ «СЕТЕВОЙ СВОБОДЫ»

Рассмотрение социального капитала как одного из основных индикаторов общественного прогресса предполагает, что уровень сетевой организации общества так же является показателем его развитости и цивилизованности. С этой точки зрения, соответствие сетевым характеристикам на данном этапе человеческой истории является не просто желаемой, но и необходимой задачей. Именно поэтому практически все особенности сетевой организации являются оправданными: это и глобальность, охватившая все сферы общественной жизни, связавшая компании, фирмы, рынки, регионы, города, просто отдельные личности и сделавшая их узлами единого пространства; это и особенности экономического развития, предполагающие сосредоточенность на производстве знаний; и смена источника власти, сопровождающаяся прогрессом и процессом гуманизации человеческого общества, когда на протяжении веков насилие постепенно менялось на обладание капиталом, которое, в свою очередь, стало вытесняться знанием и владением информацией; это и повседневность, ибо когда экономика, политика, культура все больше и больше организуются по принципу сетей, то и доминирующая часть непосредственно человеческого опыта также внедряется в данную структуру с «безвременным временем», возможностями мгновенного общения, «пространством потоков» с соответствующим приоритетом вовлеченности в «коммуникационную среду» над географическим положением или физическим местонахождением и т.д. В этих условиях рождается новый феномен антропологии – сетевой человек, одним из наиболее значительных завоеваний которого является обладание не только реальностью, но и виртуальностью. «Кибервозможности» сети способствуют реализации всех перечисленных особенностей современного общества, что само по

себе открывает перед нами все большие возможности выбора, являющиеся условием реализации нашей свободы.

Однако рождение и становление принципиально нового социума (в данном случае, сетевого), свидетельствует о трансформационном характере исторического времени. Неизменными же попутчиками социально-экономических трансформаций являются разного рода социальные парадоксы и кризисные процессы. Сетевое общество, несмотря на уже отмеченный нами качественно новый уровень социальной организации, не лишено неопределенности и парадоксальности. Именно наличие последних и тенденция их углубления вынуждают снова и снова поднимать вопрос о том, куда же направлен вектор нашего движения, вопрос о перспективах нашего будущего. Тем более, что в настоящее время, в эпоху социокультурных трансформаций современности, подобные постановки вопросов перестают носить исключительно локальный характер (хотя, естественно, во многих вопросах национальный срез проблематики также неизбежен), а плавно переходят в общечеловеческое измерение, перерастая в поиск путей и механизмов цивилизационного развития. Представленная ситуация сама по себе доказывает актуальность философского анализа практически любой социально-культурологической темы, ибо именно на него возлагается задача отработки мировоззренческих основ и оснований своего рода швейцеровского культурологического мировоззрения, раскрывающего основное противоречие современной цивилизации в контексте несоответствия и растущей отдаленности между технологическими достижениями общества и его нравственным самосовершенствованием⁸⁹.

С целью демонстрации парадоксов «сетевого мира» остановимся на таком проявлении «сетевой парадоксальности» как «сетевая свобода». Выбор в качестве примера данного «экзистенциального измерения» обусловлен тем, что оно, на наш взгляд, яв-

⁸⁹ См. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Изд-во «Прогресс», 1973.

ляется ключевыми антропологическим фактором, аккумулирующим различные феномены человеческого бытия и, соответственно, проектирующим основные характеристики образа человека соответствующего общества.

Надо сказать, что продолжительные и болезненные процессы различных трансформаций (степень которых часто бывает такова, что вполне можно было бы заменить термин «трансформация» на «мутацию»), которые пережило общество на протяжении своего исторического развития, периодически выявляли проблемы, решение которых становилось судьбоносным для человека и человечества. Естественно, что смена одного типа социального порядка другим (в частности, обусловленным фактом экспансии мира техники и технологий и перестройкой социальной конфигурации) затрагивает все аспекты человеческого бытия – от быта до состояния психики. Человеку приходится приспосабливаться к постоянно обновляющемуся типу социальных связей, воспринимать все более совершенные способы познания и освоения, а соответственно и преобразования окружающего мира, становиться участником новых типов общения и способов коммуникации. Последние, в свою очередь, полны противоречия и неоднозначности: с одной стороны, имеется возможность многопланового общения, мгновенного установления контакта вне зависимости от местонахождения, расширения круга друзей посредством сети, а с другой - высвечиваются все те же экзистенциальные феномены страха, тревоги и одиночества. Все это означает, что вновь и вновь актуализируется запрос на решение множества социально-философских проблем, которые в конечном счете все без исключения соотносимы с проблемой свободы личности, ибо любые трансформации обретают полноту своего смысла через обеспечение самореализации человека в обществе. То есть развитие общества без фактора свободы невозможно, ибо в такой ситуации социальная система, как и любой живой организм, непременно заболевает и, в конце концов, погибает.

Эрих Фромм пишет: «Если человеку не удастся достичь свободы, спонтанности, подлинного самовыражения, то его можно считать глубоко ущербным, коль скоро мы допускаем, что каждое человеческое существо объективно стремится достичь свободы и непосредственности выражения чувств. Если же большинство членов данного общества не достигает этой цели, то мы имеем дело с социально заданной ущербностью»⁹⁰. Духовные и аксиологические перспективы общества зависят от трансформации форм бытия отдельного человека как уникального социального «атома», и поэтому проблема свободы, а вместе с ней непременно и нравственной целостности современного человека приобретают все новые познавательные горизонты.

Естественно, что затрагивая данный вопрос, необходимо уточнить, о какой именно свободе идет речь? Действительно, свобода – слишком многоаспектный феномен, ибо жизнедеятельность человека протекает в самых различных сферах его общественного и индивидуального бытия: политической, экономической, духовной, нравственной, эстетической и т.д. Соответственно, категория свободы обнаруживает различные грани и выступает и как свобода слова, и как экономическая свобода, и как свобода творчества и свобода вероисповедания, то есть в совокупности всех своих проявлений. Э. Фромм сформулировал это так: «Я все время подчеркивал психологический аспект свободы, но неоднократно напоминал, что психологические проблемы не могут быть отделены от материальной основы человеческого бытия: экономической, социальной и политической структуры общества»⁹¹. Иными словами, многогранность и вариативность общественных отношений обуславливают множественность проявлений свободы – ее «видовое многообразие». Рассматривая данный вопрос в предложенном контексте, можно сказать, что современ-

⁹⁰ **Фромм Э.** Здоровое общество/Пер. с англ. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной // Здоровое общество. Догмат о Христе. – М.: Транзиткнига, 2005, с. 21-22.

⁹¹ **Фромм Э.** Бегство от свободы. – М.: Изд-во «Прогресс», 1995, с. 225.

ная ситуация вновь и вновь доказывает проблематичность и относительность человеческой свободы во всех перечисленных аспектах – и в физическом, и в моральном, и в социальном.

Разнообразие оснований в соответствии с основными специфическими характеристиками информационной цивилизации обеспечивает многоаспектное рассмотрение феномена свободы, затрагивающее понимание последней и как возможность полной творческой самореализации, и как ее соотнесенность с поиском ограничителей индивидуального, группового или государственного произвола (контекст, в рамках которого понятая свобода ассоциируется со свободой человека изолированного и отчужденного, ибо она сама по себе уже начинается с поиска тех границ, в которых человек может двигаться, не задевая других, что одновременно может спровоцировать взгляд на другого человека как причину ограничения собственной свободы), и как понимание свободы в качестве возможности реализации гражданских и политических прав, и как обеспечение условий проявления своего физического и интеллектуального потенциала. При этом в каждом из упомянутых проявлений речь идет в первую очередь о субъективно-нравственном аспекте свободы, ибо в конечном счете она всегда ощущается как личное чувство, как субъективное явление, заключающееся в возможности самостоятельного выбора, принятия решения и его реализации.

Тем не менее, несмотря на многочисленные возможности, кардинально меняющие жизнь как отдельно взятого человека, так и всего общества (в частности, речь идет главным образом о доминанте горизонтальных связей и отношений, предполагающих рост гражданского участия, о влиянии неформальных организаций, о возможностях большего контроля над государственной властью и, в целом, об обеспечении гарантий открытого общества), налицо двойственность и противоречивость ситуации. В первую очередь наглядно, что анализ практически всех аспектов «сетевой парадоксальности» так или иначе выявляет связь и зависи-

мость последней от технологических возможностей данной структуры и скорости передачи информации. За счет прогресса техники и технологий, раскрывшего «бескрайние горизонты» разнопланового обслуживания человека и общества (одна только информационная среда способствует значительному расширению границ духовной свободы человека посредством обеспечения его исчерпывающими сведениями), в мире неимоверно ускорились воспроизводственные процессы. Мир получил беспрецедентную техничекую и технологическую базу не только для принятия решений, но и для их реализации. Однако возникает вопрос: какого рода информация передается посредством информационных сетей?

В современном постиндустриальном обществе с сетевой структурой основная часть деятельности властей, предпринимателей и компаний направлена на сбор информации о людях и, соответственно, основная часть содержания информационных потоков касается людей и их статуса как граждан, сотрудников, потребителей и т.д. Современный уровень развития технологий настолько способствовал распространению возможностей сбора данных, что иногда разговоры о сетевом обществе как *обществе «тотального надзора»* становятся вполне оправданными. Конечно же, сам «надзор» предполагает разноплановое содержание: с одной стороны, может подразумеваться обычное наблюдение, технологии которого используются в целях безопасности, предотвращая разного рода криминальное или просто недопустимое поведение в публичных или частных местах. В сетевом обществе данная задача особо актуализируется в связи с появлением понятия «исчезающих тел» (*disappearing bodies*), фиксирующего факт возможности построения взаимоотношений и проявления нашей активности на расстоянии, минуя непосредственно физическое присутствие. Естественно, что подобное «бестелесное», или «внефизическое» взаимодействие актуализирует проблему доверия (к примеру, у работодателя в случае получившей сейчас достаточ-

ное распространение работы на дому, или же в online магазине для уверенности в наличии у покупателя необходимых возможностей для покупки, не говоря уже о таких опасностях, как террористические акты и прочее). В этом случае контроль, который является мерой правопорядка и обозначается понятием «*электронное наблюдение*», конечно же, оправдан (камеры видеонаблюдения, современные возможности дактилоскопирования, ДНК-тестирование, кредитные карты, базы данных обращения пользователей к определенным веб серверам в сети, способы выявления маршрутов перемещения и многое другое, что в силу возможностей современных технологий практически полностью исключает анонимность). Все эти действия и возможности безусловно способствуют процессам идентификации, однако допустимые границы подобного рода «наблюдения», которое время от времени более соотносимо со «слежкой», не всегда учитываются и часто начинают затрагивать практически все стороны общественной жизни. Это в свою очередь угрожает формированием общества тотального контроля. В результате этого, в качестве одного из аспектов феномена сетевого человека вводится понятие «*цифровой человек*» – явление, характерное исключительно для нашего «информационно-информационного века». В качестве цифрового человека каждый из нас имеет определенную траекторию активности и интересов, которые обеспечены многопланово используемыми базами данных: кто-то с помощью этих баз исследует генеалогическое древо, кто-то контролирует кредиты, кто-то занят сбытом товара и т.д. Однако, кроме подобных «невинных» назначений, *возможно множество факторов, затрагивающих нашу частную жизнь и актуализирующих проблему защищенности ее границ*, потому что помимо «благородного» предоставления информации те же самые базы данных семь дней в неделю и 24 часа в сутки собирают информацию о нас: практически с каждым нашим входом в Интернет в памяти компьютера регистрируется и сохраняется неисчисляемое количество персональной ин-

формации, что наталкивает на мысли о серьезной опасности, угрожающей нашей свободе и позволяющей называть информационные возможности «цифровым досье».

В результате, «технологии свободы», наряду с невероятным количеством дарованных благ, приобретают окраску «ласковой тирании» (*benevolent tyranny*), к которой, по мнению западного исследователя Л. Морисета, у человеческих существ проявляется крайняя адаптивность (так же как и к климатическим условиям или различным жизненным ситуациям)⁹². Выходит, что в каком-то смысле использование информационных возможностей в качестве своего рода средства господства над человеком не просто сохраняется, а приобретает все более широкие горизонты: парадоксальность налицо – *технологии свободы, угрожающие самой свободе*.

Конечно, проблема свободы человека в современном обществе достаточно многоаспектна. Пример использования кибернетических возможностей с целью тотального контроля является лишь одной гранью. Не менее угрожающей является непосредственная *зависимость от той же техники и технологий*. Сейчас уже многие современные исследователи часто интерпретируют достижения сетевого общества и информационной эпохи в определителях негативного полюса. К примеру, мгновенность передачи информации для Г. Шиллера является фактором, значительно повышающим манипуляционные возможности системы. В данном случае речь идет не столько о технологиях, сколько о социальной системе, использующей последние для распыления и лишения информации смысла, что само по себе значительно снижает ее восприятие и одновременно провоцирует такое интеллектуально-физическое измерение общества как пассивность⁹³. Это

⁹² См. **Morrisett L.** Technologies of Freedom? // Democracy and New Media. First MIT Press paperback edition, 2004, с. 24-26.

⁹³ См. **Шиллер Г.** Манипуляторы сознанием. – М.: Изд-во «Мысль-Язык», 1980, с. 43-46.

означает, что *растущая обеспокоенность по поводу установления всемирной «технотронной диктатуры» во всех ее проявлениях оправдана в первую очередь угрозой серьезных антропологических последствий, проявляющихся в изменении поведенческих стереотипов и превращении человека в биоробота*: «Не окажется ли, что интеллектуальные машины, особенно объединенные в коммуникационные сети, выйдут за пределы возможностей нашего понимания и станут неконтролируемыми? Не сможет ли однажды Старший Брат 2 подключиться не только к нашим телефонам, но и тостерам и телевизорам, взяв на учет не только каждое наше движение, но и всякое суждение? В какой мере мы позволим себе зависеть от компьютера и чипа? По мере того, как мы все большим и большим интеллектом накачиваем материальную среду, не атрофируется ли наш собственный разум? И что произойдет, если кто-нибудь или что-нибудь выдернет вилку из штепсельной розетки? Сохранятся ли у нас до тех пор основные навыки, необходимые для выживания?»⁹⁴. Надо сказать, что данная тоффлеровская постановка вопроса охватывает широкий спектр проблем – от правовых до психологических. И именно в этом аспекте начинает высвечиваться определенная дегуманизация ценностных установок политики, морали и науки. Как отмечает Г. Кан, «опасность от компьютерных систем более реальная, чем опасность от загрязнения окружающей среды, ядерная опасность или опасность от физического увечья в связи с применением новой техники»⁹⁵. Анализируя все это, невольно думаешь о справедливости слов О. Шпенглера, считающего, что «властелин мира стал рабом машин. Она вовлекает его, нас, притом всех без

⁹⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М.: Изд-во «АСТ», 2002, с. 286.

⁹⁵ Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // В кн. Новая технократическая волна на Западе. – М.: Изд-во «Прогресс», 1986, с. 164.

исключения, помимо нашего сознания и воли в свой бег; в этой бешеной упряжке победитель мира будет загнан насмерть»⁹⁶.

Обобщив социально-философский аспект ситуации в контексте открываемых перед нами сетью перспектив, можем сказать, что высвечиваются два тесно взаимосвязанных параметра – *будущее сугубо человеческих возможностей при подобной зависимости от техники и технологий и проблема тотального контроля как первый признак тоталитарного государства*. Неудивительно, что многие философы и ученые придерживаются того мнения, что современные кибернетические технологии неизбежно способствуют именно централизации политической власти, укреплению репрессивных функций государства, ограничению политических свобод граждан, то есть отмеченному нами тотальному контролю уже на государственном уровне. Но надо сказать, что анализ изложенных «сетевых возможностей» с точки зрения предоставления или, наоборот, ограничения человеческой свободы актуален исключительно в контексте кибернетических возможностей современного мира. Понятие же «сетевое общество» не исчерпывается лишь обладанием новейшими информационными технологиями, а предполагает систему реальных общественных отношений с приоритетом горизонтальных связей. В этом случае информационные технологии рассматриваются лишь как необходимое условие формирования и функционирования сетевого общества. Тогда возникает вопрос: насколько верно представление ситуации в качестве « сетевого парадокса»? Возможно, что в этом случае мы имеем дело скорее со спецификой или трудностями трансформационного общества как арены борьбы между сетью и иерархией. И тогда реакция со стороны иерархии вполне оправданная – «инстинкт самосохранения». В частности, подобное противостояние наиболее наглядно проявляется в дей-

⁹⁶ Шпенглер О. Человек и техника // В кн. Культурология. XX век: Антология. – М.: 1995, с. 457.

ствиях государства, когда власть начинает использовать сетевые возможности крайне односторонне – актуально «цифровое досье» и нежелательна сетевая свобода (с целью подавления или ограничения которой любое государство в той или иной степени предпринимает определенные шаги). Так, в разных странах становятся популярными формы государственного контроля над интернетом. В частности, Китай после своего скандала с Google, решившей приостановить свою деятельность на территории этой страны из-за цензуры и нежелания сотрудничать в этих вопросах с властями, не только не ослабил, а наоборот, усилил цензуру в сети: теперь любой желающий зарегистрировать новый сайт должен не только направить властям полный пакет документов, включающий помимо всего прочего копию паспорта, но и лично встретиться с представителями властей. В начале 2010 года власти Китая также заявили о намерении закрыть доступ китайцам к онлайн азартным играм. В связи с тем, что в Китае государство пытается взять под свой контроль виртуальное пространство, по данным социологов, уже 70% китайцев заявили, что никогда не регистрируют в интернете собственный сайт. Другим примером посягательств на сетевую свободу со стороны государства является Индонезия, которая, следуя описанному выше примеру, решила создать программный фильтр, блокирующий доступ к ресурсам, «нарушающим общественную мораль и право на частную жизнь». Все это доказывает, что, несмотря на технологические возможности и вовлеченность этих государств в кибернетическое пространство (что само по себе просто требование времени), под сетевую дефиницию они не подходят, хотя, несмотря на такого рода давление со стороны властей, формирование элементов сетевого общества неизбежно.

Таким образом, наличие и использование информационных технологий еще не доказывает факт сформированного сетевого общества. Для большей ясности ситуации хотелось бы привести еще один конкретный пример, связанный с таким принципиально

новым феноменом, как электронное правительство. Уже понятно, что механизмы реализации власти со стороны государства на протяжении веков претерпевали и продолжают претерпевать изменения. На данном этапе повышение роли информации как одной из доминант современного уровня развития социальной системы стало первостепенным и в функционировании такого политического института как государство. В данном случае последнее также может рассматриваться как развитая информационная система, основанная на получении, анализе и распространении информации. Именно поэтому государственные организации все же вынуждены следовать эффективности функционирования и вводить новые концепции государственного управления, которые помогут привнести элементы прямой демократии и осуществлять взаимодействие с гражданами на более постоянной основе.

В условиях современного сетевого общества государство, несмотря на свое «природное сопротивление», вынуждено подчиняться многим требованиям структуры, примером которой и является начало функционирования так называемого электронного правительства как рожденного сетью явления (своего рода «государство в сети»). Но механизмы функционирования электронного правительства как организации государственного управления на основе электронных средств обработки, передачи и распространения информации достаточно сложны, ибо суть последнего не ограничивается лишь использованием технологических возможностей и наличием факта предоставления услуг государственными органами различных ветвей власти всем категориям граждан электронными средствами. Использование информационно-коммуникационных технологий и осуществление исключительно электронного взаимодействия органов государственной власти в пределах собственной сети и с обществом в целом может указывать лишь на деятельность онлайн правительства. Отличие же электронного правительства от онлайн заключается в первую

очередь в приятии ценностей именно открытого гражданского общества⁹⁷.

Конечно, было бы ошибочным считать, что действия, направленные на подавление сетевой свободы, предпринимаются исключительно странами с авторитарными формами правления. В частности, США могут оправдывать осуществляемый ими сетевой контроль борьбы с терроризмом; Франция собирается требовать от интернет-провайдеров закрытия доступа к «криминальным» сайтам и онлайн магазинам, торгующим без соответствующей лицензии и т.д. Это лишний раз доказывает, что даже при либерально-демократической форме правления государство старается не допускать, чтобы его граждане получали полную информационную свободу, особенно если таковая тяготеет к транснациональным масштабам. Подобная ситуация объясняется сутью самого понятия «государство», которое, абстрагируясь от всех сложных понятий и терминологических конструкций политологии, можно определить просто как власть над людьми. Тем не менее, все эти страны держат в центре внимания вопрос о таком реформировании законов, которое, позволяя нам пользоваться благами техники и технологий, одновременно максимально защищало бы от посягательств на нашу свободу.

Таким образом, можно сказать, что о полной взаимогамонии сети и государства говорить слишком рано (возможно, даже утопично, ибо свобода, в первую очередь информационная, сама по себе несовместима с сущностью государства). Власть всегда наступала и будет продолжать наступать на свободу (в данном случае, сетевую), пытаясь вновь и вновь указать на ее пределы. В связи с этим вопрос о действенности «Декларации независимости Киберпространства» Джона Барлоу⁹⁸ (которая также была вызва-

⁹⁷ См. The World of E-Government / by Gregory G.Gurtin, Michel H.Sommer, Veronika Vis-Sommer. Journal of Political Marketing. Volume 2, 2003, с.89-147.

⁹⁸ См. **Барлоу Дж.** Декларация независимости Киберпространства // Информационное общество. – СПб., М.: ООО Изд-во «АСТ», 2004, с. 350.

на к жизни попыткой американского правительства ввести цензуру в Интернете) как выражении принципов сетевого либерализма все больше и больше начинает ставиться под сомнение, ибо приобретение «всемирной паутиной» полной независимости от государственных структур на данный момент нереально. При желании барьер для ограничения циркуляции нежелательных сведений может быть выстроен с большим успехом с использованием самих же сетевых технологий. Однако, вне всякого сомнения, киберпространство, как неотъемлемая часть сетевого общества, тяжелее поддается директивной регламентации и тотальному государственному контролю, чем другие средства массовой коммуникации (такие как книги, газеты, телевидение).

Обобщая изложенное, согласимся, что проблема свободы сама по себе – это в первую очередь вопрос человеческой сущности, его внутренней противоречивости, проявляющейся на любом этапе развития общества или истории человечества. С этой точки зрения, возможность тотального контроля – это проблема сетевого общества лишь постольку, поскольку одним из определителей последнего явилось развитие и высокий уровень технологий. Но с точки зрения реализации свободы по своим структурным характеристикам и их «требованиям» сетевое общество на несколько уровней выше предшествующих типов социальных систем в первую очередь по той причине, что на основе применений информационно-коммуникационных технологий оно вызывает к жизни новые права человека. В частности, речь идет о тенденции реализации всеобщего права каждого на возможность пользования преимуществами глобального информационного пространства, на доступ к информационным и коммуникационным сетям, которые на основе диалога и взаимопроникновения культур открывают выход к мировым, общечеловеческим ценностям, все больше приобретающим свойство всеобщности и уже являющимся принадлежностью формирующегося международного пространства. А если говорить о контроле, который часто ставится в укор сете-

вой организации, то, на наш взгляд, *суть сетевого общества не исключает последний, однако дополняет вектор направленности, предполагающий также возможность общественного контроля над государством.* Развитие идей электронной демократии (примером которой является уже упомянутое нами электронное правительство), включающей рост гражданского участия и, соответственно, вовлечение людей в процессы государственного управления является единственным и реальным путем реализации власти, служащей интересам общества.

Мы в самых общих чертах рассмотрели проблему свободы в современном сетевом обществе, актуализируя в первую очередь последствия зависимости человека от технологий, рассматривая возможности тотального контроля в обществе с подобным технологическим уровнем, а также проблему соотносительности сети и иерархии в контексте отношений «общество-государство». Но надо сказать, что проблема свободы не исчерпывается перечисленными аспектами, ибо особенностью сетевого общества является то, что помимо государства появляется и другой источник власти, позволяющий обнаружить иерархию как бы в пределах самой сети, что акцентирует необходимость рассмотрения проблемы свободы также в контексте роста возможных манипуляций и воздействия на общественное сознание (особенно в системе царящих постмодернистских ценностей). Получается, что вертикаль власти, характерная для иерархии, переходит в руки «нетократов», являющихся в определенном смысле «кураторами» киберпространства через виртуальные сообщества. Они имеют возможность закладывать в сознание людей соответствующие стереотипы, образы и модели поведения. Выходит, что сетевое общество, следующее горизонтальному принципу организации и выступающее в качестве некой платформы, разделенной на множество секторов, где уже нет необходимости в неуклонном продвижении к вершинам социальной пирамиды, тем не менее, не может противостоять иерархии в полной мере и последняя про-

должает играть свою определяющую роль в современном обществе, то есть конкуренция за власть прослеживается и здесь. При этом, если в системе отношений общество-государство последнее выступает жесткой формой управления, ибо порядок взаимоотношений между членами общества и применения власти определяется конституцией, законами или иными правовыми документами, то в случае нетократии мы имеем дело с использованием «мягкой власти», действующей через формирование психологии, этики, эстетики, стиля поведения и т.д.⁹⁹ Эффективность подобного воздействия обусловлена в первую очередь тем, что современное информационное или сетевое общество является также «постмодернистским» обществом потребления (о чем уже упоминалось), в котором потребитель, или иначе «консьюмер», во многом ориентируется на моду, стиль и образы. Получается, что именно нетократы значительно влияют на наше мироощущение и во многом определяют нашу жизнь, способствуя формированию новых идентичностей в современную эпоху. Если согласиться с наличием подобной формы власти и проанализировать возможности дальнейшего развития событий, то вполне вероятны тенденции к противоречию с такими основными институтами общества как государство и нация, которым все труднее будет устоять в условиях подобной конкуренции, ибо «нетократы», как уже было отмечено выше, пользуясь «мягкой властью» как способностью создавать для людей привлекательные образы и смыслы, а значит и новые образцы поведения, объединяют граждан не вокруг традиционных прав и обязанностей, диктуемых государством, а вокруг того, что им действительно интересно. Но с точки зрения «теоретиков нетократии», «популярность и привлекательность», в сравнении с «неповоротливостью и старомодностью», отнюдь не есть залог свободы и демократичности, ибо в любом

⁹⁹ См. **Bard A., Soderqvist J.** Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism. Pearson Education, 2002, с. 269.

случае «доминанта» сохраняется в руках того или иного. В данном случае, если следовать логике сетевого общества и основным принципам его функционирования, можно сказать, что здесь происходит переход «доминанты» из рук обладателя силы и богатства в руки владельца больших объемов информации и их успешных применителей.

Таким образом, трансформируя тип власти по принципу «гибкого и мягкого», «строители» новых сетевых отношений, а именно средства массовой коммуникации, виртуальные сообщества, различные организации и просто отдельные личности, которые в качестве «организатора» того или иного сетевого звена становятся конструкторами новых смыслов, ценностей и в целом стилей жизни, пытаются *заменить грубое господство на силу убеждения*. Такая «сетевая реальность» и соответствующие перспективы стали источником настороженного отношения со стороны некоторых исследователей, которые позволили дать определение Сети как «исторического тупика человечества» или же как «общества свободных рабов». По их мнению, таковым сетевое общество является в силу своего несоответствия особенностям социальной самоорганизации, необходимой для становления социальной системы. Несомненно, новые системы коммуникаций повлияли на функциональную значимость границ, снизив, тем самым, барьеры пространственного общения. Но согласно сторонникам данной точки зрения, вызванное к жизни технологическим прогрессом принципиально новое качество социума в своих организационных формах, не нашло адекватного воплощения. Вместо ожидаемого «благоденствия» оно может привести к общесистемному кризису. К примеру, К. Гордеев считает, что «конец такого типа организации неизбежен, так как социальная система, которая в качестве своей высшей ценности имеет не творчество, а потребление, очень быстро растратит и истощит свои имеющиеся ресурсы – сырьевые, энергетические, человеческие и, в конечном итоге, организационные: ибо социум, направляющий увеличение

связности до самых высших пределов (следуя тому принципу, что «умный результат можно получить, верно соединив не слишком разумные части») на определенном этапе уже постарается естественным образом избавиться от человечества, «отягощенного» «развитым интеллектом», творчеством и самобытностью»¹⁰⁰.

Естественно, подход Барда и Зодерквиста, интерпретация К. Гордеева и других – это лишь определенное видение «возможностей и перспектив» сетевого общества. Но сведение последнего к «обществу рабов» или новой форме угрозы человеческой свободе и демократии, на наш взгляд, было бы неверным. С точки зрения эффективности, сеть в качестве организатора взаимодействия никак не уступает другим формам общественной организации, а на данном этапе исторического пути является лучшим гарантом уже имеющихся свобод личности, предоставляющей ей, при этом, новые свободы...¹⁰¹

Анализируя современные процессы, в том числе и в контексте описанных выше парадоксов, можно сказать, что в комплексе проблема сетевой свободы является результатом столкновения двух парадигм – технологической и социальной. Данное столкновение – явление, конечно же, не новое, но уровень противоречий уже таков, что зародившаяся в условиях информационной цивилизации проблема начинает постепенно порождать качественные трансформации, вырисовывающие новый, уже отмеченный нами антропологический образ – образ сетевого человека. С этой точки зрения, *рождение сетевого человека никак нельзя оценить ни с положительной, ни с отрицательной стороны, а можно лишь*

¹⁰⁰ См. Гордеев К. Сетевое общество – исторический тупик человечества./Электронный ресурс. <http://www.kongord.ru/Index/Articles/netsochistdock.html>

¹⁰¹ См. Давыдов А.В. О некоторых аспектах социально-политических последствий становления сетевой структуры общества. //Аналитический вестник”, #17 (173), специальный выпуск. Сборник материалов Совета Федераций Федерального собрания Российской Федерации. М.:2002.

воспринять как некую «адаптивную модель», позволяющую действовать в современной информационно-сетевой среде.

Несмотря на все плюсы и минусы сетевой организации общества, во всех сферах общественной жизни (отмеченных многочисленными исследователями данной области) и особенно в деле «набрасывания основных штрихов» к портрету современного человека, факт наличия объективных предпосылок цивилизационного развития, определивших современную эпоху, возвещает становление уже сетевой цивилизации: можно сказать, что как структурные, так и функциональные характеристики пока еще формирующегося сетевого общества свидетельствуют о новой исторической реальности, которая, как и любая из эпох, становится неким испытанием для человека или человечества в целом. Скорее всего, подобным «испытанием» в контексте своего времени было становление аграрной эпохи, затем – индустриальной, техногенной, информационной. При этом, *история показывает, что чем больших возможностей (и в первую очередь технико-технологических) достигает человек, тем больше нравственных требований предъявляется ему.* В связи с этим можно сказать, что в данном случае наступил черед сетевой организации ставить альтернативы перед нами – альтернативы, в которых мы опять обязаны разобраться, ибо множество из перечисленных возможностей современности при дезориентированной (в антропогенном, и в первую очередь, в нравственном смысле) системной трансформации может привести к превалированию деструктивных процессов и тенденций. Последнее в своем предельном воплощении чревато глобальным хаосом и высокой степенью катастрофичности. С другой стороны, разумное, нравственное использование сетевых возможностей откроет необозримые горизонты, что позволит осуществить положительные преобразования во всех без исключения сферах общественной жизни: обеспечивающая высокий уровень прав и свобод децентрализация управления; широкое участие граждан в политике как залог формиро-

вания гражданского общества; возможность инновационной деятельности и развития творческого подхода и многое другое. В целом, вырисовывается модель реализации открытого (демократичного) общества, в котором решения принимаются на основе интеллекта и критического мышления с использованием договоренностей, достигнутых в процессах обсуждения. Подобная социальная система предполагает и соответствующий уровень общественного сознания, меняющий в целом качество общественных отношений.

Таким образом, из сказанного ясно одно: «реализация свободы» всегда оставалась и остается самым сложным процессом человеческой жизни. Человечество развивается, достигая на каждом этапе своей истории определенной ступени. Тенденция доминирования сети в системе современного социального устройства в ближайшей перспективе налицо. Это путь, по которому надлежит следовать согласно требованиям времени, требованиями эпохи, и повернуть вспять означало бы затруднить ситуацию до невозможного. Очередная парадоксальность человеческого общества (в данном случае, сетевого) еще раз демонстрирует человеку его же внутреннюю сущность, его противоречивую, «конфликтную» природу, которая и побуждает каждый раз высказывать порицания в адрес тех или иных факторов. На самом же деле *современный мир – это мир громадных возможностей, выбор которых (как и всегда) предоставлен человеку, так как только лишь из способа «самобытия» вырастает подлинное воздействие на обстоятельства, а потому и условие свободного бытия человека и общества заложено в нас самих.*

Следовательно, раствориться в социальной «матрице» или же с использованием всех предоставленных той же «матрицей» уникальных возможностей достойно выйти на качественно новый уровень культурно-цивилизационного развития – решать нам. Значит, *о каком бы понимании свободы ни шла речь, если проблема свободы в сетевом обществе существует, то проблема эта –*

опять-таки результат духовного кризиса цивилизации, неспособности человека справиться с какими бы то ни было внешними факторами и обстоятельствами, а в первую очередь с самим собой, что уже тесно переплетено с вопросами этики и нравственной ответственности.

ГЛАВА 2. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

2.1 СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА КАК СРЕДА МОДЕРНИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современные темпы процесса информатизации, влияющие на расширение социального пространства человеческого бытия, превратили в глобальную задачу само построение сетевого общества. Несмотря на то, что основные критерии последнего уже высвечиваются, тем не менее, в системе наличного социогуманитарного знания окончательного определения понятия «*сеть*» пока нет. Это связано с тем, что для полномасштабной картины подобного общества констатация горизонтальности отношений, соответствующей децентрации социальных связей и прочих основных структурных характеристик недостаточна, и освоение новой социальной реальности продолжается. Мы уже говорили о проблеме дефиниции сетевого общества, условиях последнего с точки зрения формирования и роста социального капитала, а также рассмотрели возможные парадоксы в контексте феномена свободы. Обобщив изложенное, можем отметить, что сеть влечет за собой в первую очередь трансформацию опыта социальных взаимодействий, что, возможно, в будущем определит новые представления о целостности мировой культуры. Соответственно, все это означает, что указанные перемены неминуемо находят свое отражение в системе социокультурного пространства, которое также приобретает новые особенности и оттенки.

Необходимость исследования социокультурной определенности сетевого мира продиктована в первую очередь целью раскрытия особенностей идентификационных процессов в современном обществе. Идентичность, которую можно определить как относи-

тельно стабильное состояние, являющееся базовым свойством человека и проявляющееся на трех уровнях (организмическом, личностном, социальном) жизнедеятельности в качестве динамической организации потребностей, мотивов, способностей, убеждений, ценностей и норм¹⁰², предполагает значимость факторов, определяющих социокультурное поле действительности. Рассмотрение же социокультурного аспекта сетевого мира в первую очередь продиктовано тем, что данная проблематика направлена не просто на анализ выражения чисто эмоциональных и когнитивных элементов в контексте личностного «Я» и его ядра – идентичности, а на исследование актуальных для нашего времени процессов самопрезентаций, характерных для виртуального пространства, проблем соотношения «Я-подлинного» и «Я-мнимого», соотношения «Я для других» – «Я для себя» и многого другого. Соответственно, исследование сетевого общества с точки зрения выявления специфики и учета особенностей последнего, а значит – изучение всех его «законов и закономерностей», с необходимостью предполагает рассмотрение социокультурного пространства с характерными для него процессами. Само изучение социокультурных оснований дает возможность для расширения представлений о детерминирующих факторах развития современного мира, трансформациях жизненных ценностей в условиях формирования социальной реальности на базе мировой системы коммуникаций (как основы и базиса сетевого общества) и возможностях ориентаций и реализации процессов самоидентификации в условиях сетевых конструкторов.

Уже сам термин «социокультурное пространство» предполагает факт сопряжения таких равнозначных по своему влиянию антропогенных факторов как *культура* и *социальность*. Основываясь на действии данных элементов, можно констатировать, что

¹⁰² См. Арутюнян С.Ф. Идентичность: от теории к практике. – Ереван. Изд-во «Тигран Мец», 2010, с. 28.

специфика социокультурного подхода в изучении общества в первую очередь состоит в интеграции трех измерений человеческого бытия (уместно вспомнить, что в целом любой социокультурный феномен предполагает эти аспекты):

- во-первых, личность как субъект взаимодействий и носитель социальных практик;
- во-вторых, общество как совокупность взаимодействующих индивидов, способов организаций и регуляций социального взаимодействия;
- в-третьих, культуру как совокупность значений, ценностей, норм, а также материальных условий, определяющих способы реализации потребностей, ценностей и установок.

Все члены данной «триады» – личность, общество и культура – взаимосвязаны, и ни один из них, являясь важнейшей составляющей человеческих общностей, не может существовать без другого: культурный мир создается человеком определенного образа и стиля жизни, определенного мировоззрения, обрисовывается через характер социальных взаимодействий, а с другой стороны – именно культура является некоторым основанием, программирующим каждую личность в рамках цивилизации, в рамках общества. Свидетельством этого является положение о том, что «формы культуры возникают не над и не при общественной жизни народа, а суть формы, в которых и внутри которых осуществляется эта жизнь»¹⁰³. Естественно, что лишь в свете этих факторов и на перекрестке их взаимодействий человек и ищет пути собственного самоопределения. И именно здесь фигурирует множество феноменов, исследование и выявление трансформационных особенностей которых позволит глубже понять отличия самого сетевого общества и его внутренних закономерностей, а также место человека в нем.

¹⁰³ Геворкян Г.А. Философия. Наука. Культура. – Ереван. Изд-во «Гитутюн», 2010, с. 452.

Какие же социокультурные явления можно выделить в качестве предмета исследования в соответствии с тремя указанными аспектами – личностью или типом социальности, характером социальных связей или взаимодействий и характером культуры.

Перед тем, как приступить к анализу каждого аспекта социокультурного пространства в отдельности, хотелось бы напомнить о том, что характеристика сети выдвигает некоторые общие детерминанты, определяющие ее специфику. Таковыми в первую очередь являются *виртуальность* и *техногенность*, которые выходят на первый план в условиях формирования сетевой среды информационного общества. Следовательно, при рассмотрении всех аспектов социокультурного пространства последнего (образа человека, сферы социальных взаимодействий и специфики культуры) и соответствующем акценте на его становлении в качестве одного из «кульминационных» проявлений информационной эпохи, связанных с неимоверной силой информационного обмена, невозможно не рассмотреть технико-технологический формат сети, сложившийся в структуре киберпространства.

Дело в том, что появление в нашей жизни виртуального явилось кардинальным поворотом в бытии современного человека. В каком-то смысле подобное внедрение «неявного» стало новым испытанием, которое мы переживаем (своего рода «испытание виртуальностью», без которой на данный момент опыт развития социальной реальности просто неосуществим). Поэтому в философско-мировоззренческом контексте попытка максимально целостного представления структуры сетевого пространства как сферы человеческих взаимодействий с необходимостью предполагает рассмотрение киберпространства как одной из сторон современной социальной реальности и сферы качественно новых социальных взаимодействий, гарантированных особенностями сети. Современный контекст анализа социальных связей и отношений уже не ограничивается привычной для нас формой, а требует обязательного принятия существования уже сформирован-

ной, «альтернативной нашему обществу» новой глобальной общности, осознаваемой нами в качестве определенной социальной единицы с собственной, сложившейся структурой взаимодействий. Иначе говоря, «развитие технологий создает и новое измерение социальной среды, требующее изменений и в наших способах осмысления социальных процессов»¹⁰⁴.

Восприятие виртуальности в качестве основного детерминанта в деле «выявления» личностной определенности современного человека оправдано. Однако изначально интересен вопрос о том, насколько вообще виртуальность близка человеческой природе и человеческому восприятию и какой трансформации она подверглась. Поиск ответа важен в первую очередь с точки зрения определения граней ожидаемого. Если обратиться к истории философии, то становится ясно, что категория «виртуальности» уже достаточно давно стоит в центре философских исследований. В частности, она активно разрабатывалась в контексте разрешения фундаментальных проблем средневековой философии (конструирования сложных вещей из простых, энергетической составляющей акта действия, соотношения потенциального и актуального). К примеру, для Фомы Аквинского категория виртуальности являлась средством осмысления ситуации сосуществования (в иерархии реальностей) души мыслящей, души животной и души растительной: «Ввиду этого следует признать, что в человеке не присутствует никакой иной субстанциальной формы, помимо одной только субстанциальной души, и что последняя, коль скоро она виртуально содержит в себе душу чувственную и душу вегетативную, равным образом содержит в себе формы низшего порядка и исполняет самостоятельно и одна все те функции, которые в иных вещах исполняются менее совершен-

¹⁰⁴ Cerulo K.A. Reframing Social Concepts for Brave New (Virtual) World // Sociological Inquiry, 1997, V 67, №1, p. 49.

ными формами»¹⁰⁵. Позже Николай Кузанский в работе «О видении Бога» также пытался определенным образом решить проблемы виртуальности и актуальности существования и энергии¹⁰⁶. В постклассической науке виртуальность предполагает понятие, посредством которого обозначается совокупность объектов следующего (по отношению к низлежащей, порождающей их реальности) уровня. Здесь эти объекты онтологически равноправны с порождающей их «константной» реальностью и автономны; при этом их существование полностью обусловлено перманентным процессом их воспроизведения порождающей реальностью – при завершении указанного процесса объекты виртуальной реальности исчезают (категория «виртуальности» вводится через оппозицию субстанциальности и потенциальности: виртуальный объект существует, хотя и не субстанциально, но реально; и в то же время – не потенциально, а актуально. То есть в данном случае виртуальная реальность интерпретируется как «недо-возникающее событие, недо-рожденное бытие»)¹⁰⁷. Что касается современной философской литературы, то здесь уже проложен путь виртуалистике как подходу, основанному на признании полионтичности (или многоуровневости) реальности и осуществляющем в таком контексте реконструкцию природы последней¹⁰⁸. Конечно, если провести подробный историко-философский обзор проблемы виртуальности, то заметим многозначность и некоторую неопределенность данного термина. Однако в целом можно сказать, что для всех эпох *виртуальность, наряду с особенностями интерпретаций и восприятия, предполагает своеобразный модус видения мира в определенных «воображаемых» проекциях*. Само

¹⁰⁵ Аквинский Ф. Сумма теологии. Сумма против язычников. // Антология мировой философии. Т.1. Ч.2. – М.: 1969, с. 850-851.

¹⁰⁶ См. Кузанский Н. О видении Бога // Соч. в 2-х томах, Т. 2. – М.: Изд-во «Мысль», 1980, с. 33-94.

¹⁰⁷ См. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии, 1997, №6, с. 67.

¹⁰⁸ См. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. – М.: Изд-во «Путь», 2001.

наличие «воображаемых» проекций достаточно характерно для человеческой природы. Именно поэтому постоянное конструирование виртуальной реальности вполне оправдано. Что же касается современной интерпретации и понимания термина «виртуальность», то надо сказать, что последний прошел путь от соотнесения с «мнимыми» качествами объектов в физике, через репрезентацию реальности, не имеющей физической субстанции до современной позиции технически конструированного пространства интерактивной среды порождения и оперирования объектами. Помимо этого, что наиболее важно, современная трактовка виртуальной реальности все больше захватывает человека и посредством все тех же технологических достижений и становления сетевого общества в рамках киберпространства предполагает эффект присутствия в данной среде, сопровождающийся ощущением единства реального и виртуального в собственной жизни. *Получается, что виртуальная реальность постепенно все больше и больше стала уходить от степени воображаемого, в результате подняв вопрос своего нового качества как конструктивного элемента жизни современного человека. «Наша виртуальность» уже не пытается, да и не может сохранить нейтральность по отношению к «нашей повседневности», а последняя, в свою очередь, впала в большую зависимость от виртуальности, представив себя в качестве среды актуализации последней.* Все это превратило виртуальную жизнь буквально в символ нашего времени, нашей информационной эпохи, а значит и представило в качестве социально значимого феномена. С каждым днем социокультурное пространство виртуальной реальности расширяется, что предполагает проникновение последней в сферу межличностных отношений и конструирования собственного «Я».

Если виртуальность сама по себе не чужда человеческой природе, значит не чужд и искусственный мир киберпространства, тем более, что «искусственность» мира еще не означает его противостояния сущности и природе человека. Сам процесс порождения

дения «искусственного» в принципе вполне естественен для нас, ибо является специфически человеческим способом отношения к действительности. Он предопределен стремлением людей к изменению окружающего мира и самого себя посредством целенаправленной деятельности, мотивированной созданием объектов и процессов, не существующих в природе. Естественно, что само создание той или иной искусственной системы не может не отразиться на образе самого человека и не может не стать неотъемлемой частью его жизни. Таких искусственных целостных систем, управляемых не только волей их создателей, но и собственными автономными закономерностями, на протяжении истории человеческого общества было достаточно: это вся материальная культура, на основе которой в наше время уже сформировалась своеобразная предметная среда человеческого бытия как совокупность технических устройств и технологических процессов; на социальном уровне это совокупность «надбиологических» программ межчеловеческих, межличностных взаимодействий, которые в условиях развития современного общества переходят уже в плоскость киберпространства и приобретают характер сетевой структурной организации; и конечно же, в целом само понятие духовной культуры, которая также, будучи изначально созданной, искусственной системой, некоей знаковой средой для кодирования и трансляции надбиологических программ жизнедеятельности человека как социального существа в современном обществе, также переходит на новый уровень генерации, осуществляемой в системе киберпространства.

Обосновав рассмотрение виртуальности и техногенности, а следовательно, и их симбиоза — киберпространства в качестве основных детерминантов сетевого общества (не забывая при этом о глобальности, без которой описание любого социокультурного явления также оказывается невозможным), перейдем к исследованию социально-антропологических параметров, начав с проблемы личности в сети. В этом отношении некоторые авторы,

останавливаясь на тех или иных аспектах социокультурного пространства, в качестве наиболее характерных отражений социокультурной динамики рассматривают именно социальный образ человека: все особенности социокультурной среды, в которой пребывает человек, непременно атрибутируются последнему, делая его центральной фигурой, выступающей в качестве «отражателя» социальной реальности¹⁰⁹.

Так каковой же стала социальная реальность в результате виртуализации и глобализации общества? В первую очередь указанные факторы стали определителями, обеспечившими функционирование *единой системы в режиме реального времени и в масштабах всей планеты*¹¹⁰. В итоге сформировался тип культуры, который можно представить в качестве результата новых условий социальной коммуникации, выступающих непревзойденными возможностями «информационной бомбардировки», в результате которой формируется особый тип личности с расщепленным сознанием, несколько искаженным мировосприятием и деформированной шкалой ценностей. Как отмечает С.Г. Кара-Мурза, живущее в потоке такой культуры общество иногда называют «демократией шума», что предполагает расщепление целостной, упорядоченной культуры как свода знаний и идей на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий¹¹¹.

Данные определители во многом акцентируют проблематичность сетевого общества, ибо оказывается, что социальная система, с помощью модернизации экономики решившая множество задач, создавшая наиболее эффективно действующие институты

¹⁰⁹ См. **Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Университетская книга, 1998, с. 134.

¹¹⁰ См. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика общества и культура – М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 105.

¹¹¹ См. **Кара-Мурза С.Г.** Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во «Алгоритм», 2000, с. 81.

демократии, достигшая высокого уровня жизни, кардинально поменяла свой «жизненный стиль», формы поведения, виды досуга и в целом всю совокупность мировоззренческих ориентиров как основы ценностной установки. Соответственно, изменился человек, формирование которого сейчас происходит под воздействием потока сообщений как некой совокупности «разрозненных обрывков», обрушивающихся через Интернет и обуславливающих «клиповость сознания» и фрагментированность мышления. Такой человек, по определению А. Моля, познает мир по законам случая, через множество проб и ошибок: «Он идет от случайного к случайному, но порой это случайное оказывается существенным»¹¹².

Потребление информации в мозаичном виде в течение последних лет уже у нескольких поколений людей успело выработать клиповое мышление, трансформирующее восприятие окружающего мира, способность к анализу информации и отражающееся на системе морально-этических ценностей. Говоря образно, клиповое мышление – это мышление «человека картинки», которое заменило «человека книги». «Человек картинки» является представителем поколения с сиюминутным восприятием, предпочитающим экран лицу. В результате, трансформируются не только мыслительные возможности, теряется способность к анализу, системности, установлению причинно-следственных связей, но и чисто человеческие качества (значительно снижается степень понимания, сопереживания, чувство единства, что больше и больше актуализирует проблему социального одиночества). Все больше и больше «человек нового поколения» отдаляется от привычных идеалов и создает образ «сверхчеловека», обладающего нечеловеческими возможностями.

Помимо изложенного, «виртуализирующийся мир» поставил еще одну глобальную по своим масштабам проблему: *речь идет*

¹¹² Моля А. Социокультурная динамика. – М.: Прогресс, 1973, с. 44.

о некой искусственности положения «сетевого человека» и соответствующем стремлении последнего создавать своих искусственных двойников, проникая в их «искусственную тень». Естественно, что здесь трансформации связаны с внедрением нового вида деятельности, который был определен технологическим прогрессом, и возникающее состояние «двойственности», формируемое в первую очередь под воздействием информационных процессов, по сути, достаточно противоречиво, ибо мы уже отметили, что сеть, содержащая как значительный позитивный потенциал, так и определенные риски, сама по себе «конфликтна». Став обитателем киберпространства, человек не просто использует его в целях своей деятельности, но и обретает как совершенно новое для себя психологическое восприятие последнего (киберпространства), так и новое психологическое восприятие себя самого как активного элемента данного поля деятельности. Естественно, что все (как объективные, так и субъективные) факторы «пребывания» человека в «мирах», «комнатах» и на «территориях» киберпространства способствуют как бы «продолжению» собственной личности на данном уровне, во многом сходном со вкусами и интересами человека. Психологи описывают данную среду как своего рода «промежуточное пространство» (transitional space), которое расширяет внутренний психический мир. Однако подобное состояние может настолько захватывать, что временами возможно растворение собственного «Я», задевающего внутреннюю определенность и целостность личности.

Можно сказать, что все изложенное выше (речь идет как об особенностях сетевой среды в целом, так и о социально-психологических последствиях ее технико-технологической основы – киберпространства) свидетельствует о том, что, попав в сеть и подчинившись законам и закономерностям последней, личность уже не может рассматриваться в понятиях гомогенности и универсальности: *бытие современного человека начинает характеризоваться множественностью*. И как мы видим, в философии

данная проблема, возникающая, с одной стороны, как результат воздействия виртуального на процесс становления человеческой личности, с другой – как процесс трансформации личности под воздействием фактора пересечения множества сетей, обеспечивающих многопозиционный и многоплановый процесс коммуникации и определяющих необходимость «самоконструирования», постоянно актуализируется «границами идентичности». Последняя под воздействием характерных факторов непременно подвергается трансформации. В результате, часто, вместо ожидаемых нами самостей (в частности, национального, этнического «Я»), мы обретаем новую культурную идентичность, детерминированную установленной в обществе связью людей одним способом видения мира. При этом, войдя в сеть, человек вступает в контакт и начинает процесс самопрезентации. Естественно, возникает вопрос: каковы «точки соприкосновения» самопрезентации и реального «Я», и есть ли они вообще: является ли первое (самопрезентация) всего лишь примеркой определенных масок и никаких коррелятов с собственной личностью человека не имеет, или же, наоборот, возможность своеобразного освобождения от собственного физического тела и обретение некоей виртуальной субстанции, получающей свободу преобразований, одновременно дает нам возможность собственной реализации? Ответ на этот вопрос во многом зависит от позиции, которой придерживаются исследователи: соответственно, идея «расщепленной личности» более близка подходу, следующему концепции единой идентичности. Вместе с тем, традиционная позиция не является единственной теоретической платформой, и сейчас, в условиях становления сетевого общества с такой его составляющей, как киберпространство, более активно стали разворачиваться наработки о некотором комплексе идентичностей, которые реализуются в разных социальных практиках.

Если перечисленные характеристики сетевого человека напрямую отражали последствия виртуализации общества, то «мир

глобализирующийся» высветил такое «измерение» бытия последнего, как потребительство (степень последнего достигла того, что потребление стало активным модусом отношения не просто к вещам, а к миру в целом, и заставило осознать актуальность бодрийяровского высказывания о том, что «человека характеризуют его вещи»¹¹³).

Известно, что «общество потребления» является одним из принятых наименований современного мира. Почему же мы продолжаем соотносить общество потребления и, соответственно, человека-потребителя с сетевой структурой?¹¹⁴ Суть в том, что именно указанные нами детерминанты сетевого общества (виртуальность и глобальность) еще больше способствовали становлению образа потребителя (неспроста потребление как свойство современного человека стало привлекать внимание исследователей именно в период перехода от индустриализма к постиндустриализму). Конечно, чтобы понять, кто такой человек-потребитель, необходимо понять, что из себя представляет теоретическая модель потребления в целом. С этой точки зрения, потребление как деятельность, направленная на удовлетворение потребностей, всегда было и будет одним из основных свойств человека. Однако в итоге все потребности, изначально имеющие физиологическое происхождение, приобретают социально-культурные формы, тем самым, становясь средством социализации: «Человек обеспечивает свое существование не столько путем прямого потребления природных ресурсов, сколько путем их культурной переработки. Он все менее зависит от реальностей природы и все более – от социальной и технологической ситуации культуры»¹¹⁵. Социально-технологическая же ситуация современной культуры

¹¹³ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Изд-во «Рудомино», 2001, с. 212.

¹¹⁴ См. Tapscott D. Grown up digital: how the net generation is changing the world. N.Y.: McGraw-Hill, 2000, с. 185-219.

¹¹⁵ Бережной Н.М. Человек и его потребности. – М.: Московский Государственный Университет Сервиса, 2000, с. 17.

в результате виртуализации и глобализации вылилась в то, что потребление не просто перестало рассматриваться лишь как способ борьбы за физическое выживание, а превратилось в инструмент конструирования социальных идентичностей, способ социокультурной интеграции в общество¹¹⁶ (своеобразный вариант разрешения дилеммы «иметь или быть» через принцип «быть (собой) за счет того, что имеешь»). То есть потребительская ориентация, став универсальной чертой общественной жизни, актуализировала проблему человека-потребителя в социальной динамике сетевой структуры, направив основную часть мира на одномерное потребление вещей, что и стало доминирующим мотивом в социальном поведении современного человека. Это означает, что потребление как философская проблема переросла из социальной в антропологическую или культурологическую, потому что именно на фоне потребительского общества сложилось представление о постматериальных ценностях, при которых акцент с экономической и физической «безопасности» переносится на проблемы индивидуального самовыражения и на «качество жизни». Такая постановка вопроса лишней раз напоминает, что с экономической точки зрения сетевое общество достаточно благополучно, ибо понятие о постматериальных ценностях возможно в тех системах, которые достигли наивысшей ступени своего социально-экономического развития, то есть там, где экономика становится «чем-то само собой разумеющимся, гарантированной и чуть ли не автоматически воспроизводящей структурой»¹¹⁷, где уровень богатства и уверенности в будущем наивысшие ценности, и, соответственно, «ценности выживания» теряют свою актуальность, уступая место «постматериальным ценностям» с максимизацией качества жизни. Получается, что в подобном общест-

¹¹⁶ См. **Ильин В.И.** Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность / Мир России, 2005, №2, с. 3-40.

¹¹⁷ **Гречко П.К.** Интеллектуальный импорт или о периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность, 2000, №2, с. 172.

ве потребление из простого утилитарного процесса перерастает в социокультурное явление, в рамках которого личность приобретает очередной, но несколько специфический способ преподнесения собственного «Я» обществу.

Как видим, и в контексте современного человека-потребителя, и в контексте «виртуальных составляющих», проблема «образа человека» при необходимости актуализирует поиск идентичности как возможности некоего самоопределения в условиях трансформационных процессов, охвативших мир.

Идентичность становится мишенью и при рассмотрении второго аспекта социокультурного пространства, который направлен на анализ специфики социальных связей и взаимодействий как основных элементов в системе общества, ибо естественно, что в любом социуме, всегда и везде, человеческие существа живут в ассоциации друг с другом, а значит, ограничиваться лишь «образом» нецелесообразно. Тем более, что современные информационные технологии в первую очередь резко изменили именно специфику взаимодействий, в результате чего полностью трансформировалась направленность человеческой деятельности (в целом изменился характер работы человека), и соответственно, преобразовались социальные связи, организационные формы осуществления социальных отношений, что и способствовало рождению нового, упомянутого нами типа личности – «сетевому человеку».

Подобная трансформация и степень информационной насыщенности сетевой структуры стимулировали оживление всех без исключения социокультурных процессов. В результате информационного взаимодействия сетевое общество явилось более динамично организованной моделью социальной реальности, требования которой к интенсификации обмена информацией позволили освоить новые формы социальной дифференциации, конструирования, кооперирования и сотрудничества. Становление сетевой структуры, и особенно, появление в его системе киберпространства как особой среды обитания, уже привело к изменению

сложившихся в обществе архетипов, ритмов функционирования, эстетических образов, моделей экономической деятельности и т.д. Мы уже указали на то, что в настоящее время все больше и больше жителей планеты становятся обитателями не только «оф-флайн»», но и «онлайн»» пространства, социальная система которого диктует свой порядок, выдвигает свои требования к межличностной коммуникации, свои правила поведения, требует освоения определенных социальных норм и ценностей. То есть киберпространство является не просто способом обмена информацией, а новой средой с точки зрения социализации человека, которая, в свою очередь играет одну из главных ролей в конструировании уже отмеченной нами как личностной, так и коллективной идентичностей.

Надо сказать, что формирование новых структур сетевого взаимодействия, детерминированного нарастающей силой коммуникационных технологий, в первую очередь определено пространственно-временной характеристикой сети (а более конкретно-преодолением последней, что само по себе означает конец обособленным социокультурным мирам и уже позволяет нам задумываться о едином социокультурном пространстве). Кроме того, информационный обмен, ставший основным содержанием социальной структуры киберпространства и наполнивший смыслом процесс межличностной коммуникации (да и вообще, процесс социализации в целом), спровоцировал рождение в последнем (в киберпространстве) принципиально новых социальных явлений, новых феноменов современного общества, которыми являются виртуальные корпорации, виртуальные развлечения, виртуальные преступления (как типы девиантного поведения, характерного для сети) и прочее. Подводя все перечисленные способы виртуального взаимодействия под общий корень, можем сказать, что «наглядным пособием» для их изучения является формирование виртуальных сетевых сообществ, исследование которых началось на Западе в начале 90-ых годов XX века.

Предметом изучения стали понятия «виртуальное сообщество» и «онлайновое сообщество», из которых первое делает акцент на виртуальном характере агрегации людей в киберпространстве, а второе указывает на интерактивность общения. Оба являются сторонами одного и того же явления – виртуальной коммуникации, фиксирующей основные характеристики сетевого взаимодействия. При этом, виртуальное сообщество, в свою очередь, также стало очередным постоянно развивающимся и меняющимся социальным конструктом, занявшим центральное место в деле конструирования виртуальных идентичностей, которые могут рассматриваться как определенный уровень идентичности сетевой (виртуальность обеспечила большую свободу, анонимность и, соответственно, принадлежность к определенному сообществу стала одним из современных способов идентификации).

В сетевом обществе виртуальность не смогла остаться равнодушной и к уровню социальных взаимодействий. Уже отмечено, что несмотря на разграничение трех аспектов в системе социокультурного пространства (что проделано исключительно с целью систематизации исследования последнего), личность, общество и культура не могут восприниматься изолированно. Соответственно, глобализация и виртуализация современного мира, создавшие образ сетевого человека и в целом всей эпохи смены коммуникационных технологий, полностью трансформировали социальные отношения и взаимодействия с многочисленных точек зрения. Во-первых, сетевое общество само по себе явление новое и поэтому в его пределах пока еще существует проблема столкновения «представителей» разных времен. Смену технологий мы уже образно охарактеризовали как замену «времени книги» на «время картинок», что совершенно меняет всю ценностную систему, идеалы и в целом восприятие действительности. И вполне понятно, почему в данной системе актуализируется проблема отношений между поколениями. Родители в современном обществе по большей части являются все еще «людьми книги»,

дети же – носителями нового мировоззрения, ориентированного на дары технологий. Бесспорно, сложности в отношениях между поколениями в контексте проблемы «отцов и детей» существовали и будут существовать всегда и везде, однако сейчас именно в результате коммуникационно-технологического переворота человечество оказалось внутри такого процесса, когда количество общих (в пределах возможного) ассоциаций и понятий у детей и родителей сведено к минимуму. Это значительно усложняет отношения родителей со своими детьми, одновременно сокращая способы воздействия на них.

Отношения между поколениями – не единственный пример трансформаций социальных взаимодействий. Не менее актуальным является изменение отношений между полами, в результате чего полностью перестроился институт семьи. Маргарет Мид в своей книге «Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире» писала, что брак когда-то был гаванью, из которой некоторые супружеские пары беспечно отправлялись в плавание, некоторые ложились в дрейф в гавани и гнили, а некоторых просто разбивало о берег. Сейчас же брак – это плавание в открытом море, где нет гавани нигде, и каждый партнер должен держать свою вахту и очень заботиться о том, чтобы корабль вообще куда-то плыл¹¹⁸. Это означает, что в результате разительных перемен в социокультурной жизни, в представлениях о взаимоотношениях полов, проблема отношений между мужчиной и женщиной стала еще более явственной: скорость и радикальность культурных изменений, смешение мужских и женских идеалов, расхождения в поло-ролевых установках и многое другое создают основу для возникновения новой семьи. Все чаще слышатся разговоры об альтернативных типах брака, что позволяет многим специалистам характеризовать ситуацию как кри-

¹¹⁸ См. **Мид М.** Мужское и женское: Исследование полового вопроса в меняющемся мире. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 174-188.

зисную. Причина, видимо, в том, что сетевое общество, как система, явилось обладателем достаточно усложненной социально-групповой структуры. Последнее обусловило радикальный переворот в системе социальных связей человека. В силу резко возросших темпов социальных изменений эти связи стали терять устойчивость, определенность и однозначность, что само по себе было более характерно для традиционного общества. *Получилось, что являющееся гарантом демократичности и высокого социально-экономического уровня сетевое общество, наряду с оптимизацией социальных условий, попало в кризисную ситуацию с точки зрения межличностных отношений.* Кризис не ограничен сферой указанных взаимодействий, он поднимает множество проблем экзистенциального характера. В частности, специфика характеризующих сетевое общество социальных связей и отношений, актуализировала проблему социального одиночества (о котором, как о результате личностных трансформаций, упоминалось выше) – очередной парадокс современности, когда высокая плотность связей сопряжена с их поверхностностью, в результате чего намечается депривация социальных контактов, то есть некая сенсорная недостаточность, приводящая к утрате чувственности и притуплению эмоциональных переживаний. Причиной тому, видимо, является определенная «симуляционность» виртуальных отношений, которая, по сути, наводит на мысль о наличии постмодернизма, высвечивающегося на всех отмеченных нами уровнях социокультурного пространства и в целом играющего немаловажную роль во всей ценностно-мировоззренческой системе, составляющей основу культурного среза общества.

Таким образом, мы подошли к третьему аспекту нашего исследования – культуре, которая в качестве соответствующей ценностной системы берет на себя доминирующую роль в социокультурном пространстве и может быть воспринята как базисная в деле формирования социальной реальности. Как видим, сеть стала специфичной формой жизненной среды и, соответственно,

подобное качественно новое пространство несет в себе также поток глубочайших трансформаций «жизненного мира» культуры.

Не раз упоминалось, что в отношении современного общества, в рамках дефиниций последнего, возможна приложимость различных наименований. В частности, сетевым оно является в первую очередь по своим структурным характеристикам. При анализе личностного уровня социокультурного пространства мы упомянули «потребительскую» трактовку. Одновременно и потребление со своим переносом акцента с вещей на социальную маску¹¹⁹, и «искусственность положения» современного человека с его технологическими возможностями, и в целом вся направленность социокультурных связей и отношений значительно активизировали постмодернистские традиции. Более конкретное обращение к исследованиям характеристик культуры сетевого общества приводит к тому, что в описании данного аспекта социокультурной реальности большинство ученых склонно не просто использовать понятие «постмодерн», а выделять его в качестве первоочередного, считая, что именно информационно-технологическая направленность культуры постмодерна с его особым отношением к смыслу, традициям, игре и прочим феноменам является определителем направленности современного социокультурного пространства.

Конечно, сама по себе проблема постмодернизма, даже безотносительно к вопросу о становлении сетевого общества, также является предметом обсуждения, о чем свидетельствует достаточно широкий спектр противоречивых позиций, охватывающий как точки зрения полного отрицания подобного социокультурного явления, так и позиции полной «постмодернизации» современного общества. Однако проблема «жизни и существования» постмодернизма решается самими реалиями современного мира,

¹¹⁹ См. **Ортега-и-Гассет Х.** Две главные метафоры // Восстание масс. – М.: Изд-во «АСТ», 2002, с. 474.

адекватное описание которого сейчас уже удастся представить в рамках понятий и категорий этой философии. В частности, именно средствами последней можно попытаться раскрыть и объяснить такую из перечисленных нами сторон и особенностей сетевого общества, как все та же виртуальность. Можно сказать, что здесь постмодернизм, воспользовавшись возможностями информационной эпохи, взял на себя ответственность за возвращение человеку множества миров. Причем, в противовес всем предшествующим интерпретациям «виртуальности» на протяжении веков, постмодерн возвращает человеку, как пишет Л. Ионин, «его собственное множество, которое ему не навязано ни Богом, ни природой; Божий мир, так же как и объективный мир модерна – лишь элемент этого множества. Переход из одного мира в другой – предмет более или менее свободного выбора. Существуют и развиваются институциональные средства такой мобильности, иногда имитирующие деятельность церкви, но чаще выступающие в светском обличии. Парадоксальным образом существуют и замкнутые «тоталитарные» миры, характерные для традиционной эпохи. Однако сама их тоталитарность изначально сомнительна по причине существования бок о бок с ними «открытых» миров, предполагающих свободу выбора, в том числе свободу выбора «тоталитарности»»¹²⁰.

Действительно, как пространство «сплошного текста», следующего принципам аксиологического плюрализма, стилевого синкретизма, клиповости или фрагментарности, цитатности, игре и в целом значительной хаотичности и неопределенности, виртуальная реальность вполне может интерпретироваться как мир, «возвращенный постмодерном». Кстати, с этой точки зрения многие авторы считают, что в эпоху столь бурного развития информационных технологий именно постмодернизм с его принципами децентрализации, фрагментарности и иронии служит сред-

¹²⁰ См. **Ионин Л.Г.** Социология культуры. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004, с. 401.

ством спасения современного общества от превращения его в некое подобие тоталитарного государства, описанного Джорджем Оруэллом в романе «1984». Согласно этой позиции, в современном обществе люди чувствуют себя свободнее, так как имеют большую возможность избегать стандартное поведение, не пытаются втиснуться в рамки реальности или просто механически заимствовать ее готовую модель. Вместо этого они все чаще желают устроить все на собственный лад, изобретая приемлемые для себя «образцы», что, в свою очередь, открывает возможности для развития индивидуальности и демассификации культуры. Одновременно, выступая против любых монополизирующих тенденций в культуре, постмодернизм становится залогом недопущения тоталитаризма в любом его виде (в том числе и технологическом). Но как мы уже отметили, это одно из пониманий роли постмодернизма, и для справедливости надо отметить, что есть и крайне противоположная позиция, согласно которой в истинно демократическом обществе основанием для мировоззренческих ориентиров всегда остается строгая рациональность, а постмодернизм в своих культурных последствиях сам часто напоминает тоталитаризм (в первую очередь из-за того, что децентрализация и фрагментация приводит к дегуманизации и деперсонализации, разрушающей целостность личности, а люди, утратившие ценностные ориентиры, значительно легче поддаются разного рода манипуляциям)¹²¹. Одно только столкновение данных позиций поднимает множество вопросов, связанных с трактовкой постмодернизма как культурного фона сетевого общества: является ли постмодернизм логическим воплощением требований современного общества с точки зрения структурной организации последнего и насколько он охватывает ценностно-смысловое содержание духовной сферы данной социальной системы?

¹²¹ См. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. – М.: Изд-во «Феникс», Т. 1,2, 1992.

На самом же деле тенденции постмодернизма являются достаточно характерными явлениями для сетевого общества. Недаром само формирование сети и становление культуры постмодерна оказались одновременными процессами. Кроме того, когда мы говорим о концепции сетевой структуры, то подобная организация социальной системы уже одним своим содержанием обращается и описывает развитие социального уклада, основанного в первую очередь на информационных коммуникациях и, соответственно, отражающих воздействие информационных технологий на социум. Роль и значение последних в процессе становления сетевой организации бесспорны, ибо они выступают в роли материальных носителей сетевых отношений, своеобразных символов времени. Это означает, что в современном обществе информационные технологии преодолели рамки того, что относится исключительно к миру техники и взяли на себя роль детерминанта мировоззренческого и культурологического аспектов. Техногенность и виртуальность сети вполне допускают актуализацию категорий постмодерна в рамках современных реалий.

Помимо этого, с точки зрения категориального аппарата, в пределах которого даются определения сети и культуры постмодерна, имеется множество общих понятий (децентрализация, фрагментация, плюрализм). В частности, горизонтальное построение социальных связей в сетевом обществе, которые из-за постоянной смены центров притяжения и отсутствия строгой иерархичной системы отличаются предельной подвижностью, фактически предполагает исключение «принципа единоначалия» — того определенного центра, вокруг которого вращалась бы жизнь. То есть один из основных принципов сети — принцип децентрации, совпадает с такой общей установкой постмодернизма, как утверждение плюрализма и неприятие господства целого над отдельным.

В свою очередь социокультурная ситуация оказывается таковой, что принцип децентрализации через детерминацию характе-

ра социальных связей и взаимодействий вызывает к жизни следующую характеристику – фрагментарность. Происходит это в результате того, что социальные связи и взаимодействия в сети, определяясь подвижностью, обуславливают отход от власти всеобъемлющих универсалий, отход от общезначимых и постоянно воспроизводящихся схем мышления, что приводит к утверждению бесконечного множества нестандартного (что вполне характерно для постмодернизма). Таким образом, децентрация социальных взаимодействий и отношений проецируется и на образ мышления, которое, само становясь децентрированным, способствует формированию уже упомянутого нами «клипового», фрагментированного сознания, «обладатели» которого приобретают кратковременность своего личностного «Я» и отказываются от компонентов последнего быстрее, чем когда-либо¹²².

Помимо этого, доказательством все большей фрагментарности общества является активизация проявлений так называемой «контркультуры». В действующей социальной системе виртуального пространства со своими средствами массовой информации, кинотеатрами, музеями и выставками, библиотеками и даже кафе, наряду с «цифровой экономикой» и собственной системой правопорядка, детерминированных, в первую очередь, процессами создания, распространения, потребления информации, нормами сетевой этики и своеобразным взаимодействием с оффлайновыми социальными образованиями, возросли тенденции возникновения различных маргинальных движений, а также сообществ или групп, характеризующихся так называемым девиантным поведением. Естественно, это не является утверждением того, что киберпространство является негативной средой девиантной направленности, но такие особенности сетевого общества, как трансцендентность (то есть выход за пределы пространственных, вре-

¹²² См. Тоффлер Э. Раса, власть, культура // В кн. Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986, с. 280-286.

менных, организационных и технологических ограничений и независимость от географических факторов) и высокая степень анонимности во многом способствуют возникновению данной модели поведения.

Родство понятийных аппаратов, характеризующих сетевую структуру и философию постмодернизма, не ограничивается перечисленными принципами децентрализации, фрагментации и плюрализма. Есть чисто постмодернистские понятия, которые вполне приложимы к сетевой организации общества (в частности, наиболее часто в качестве примеров упоминаются понятия «ризомы» и «симулякр»¹²³, которые в силу особенностей своих смысловых содержаний во многом напоминают структуру самой сети и феномены, рожденные ею).

Подобных точек соприкосновения можно найти множество, однако естественно, что ответ на вопрос о соотнесенности постмодерна с сетью более конкретно должен воплотиться в объяснении роли постмодернистских ценностей в жизни современного общества. Данная постановка не может обойти выявление большей определенности в самом понятии «постмодернизм».

Известно, что «постмодернизм» в своем первоначальном значении был призван объединить различные художественные тенденции середины прошлого века (музыку, живопись, архитектуру и т.д.). Тем не менее, вполне естественно, что вхождение постмодернистской направленности во все указанное многообразие жанров не могло не получить своего теоретического осмысления в рамках современной философии, пытающейся представить весь набор ценностно-смысловой линии общества. Особенность понятия «постмодернизм» заключается уже в самом наименовании, что указывает на необходимость осмысления данного феномена в его соотнесенности с понятием «модернизма», ибо содержание

¹²³ См. **Deleuze G., Guatari F.** Rhizome: Introduction. Publisher "Minuit", 1976; см. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Published by The University of Michigan Press, 1994.

первого (постмодернизма) напрямую связано с тем, что мы подразумеваем под вторым. Однако связь постмодернизма с модерном не предполагает прямого ценностно-смыслового продолжения, а в каком-то смысле даже, наоборот, – преодоление или «выход за пределы» последнего. То есть постмодернизм есть «не-что», наступающее после модерна, однако не предполагающее антимодернизма, а скорее, характеризуемый как некий «гипермодернизм» (по определению одного из современных американских исследователей феномена сетевого общества Д. Барни)¹²⁴.

Сопоставление модерна и постмодерна встречается во многих современных исследованиях. В частности, достаточно подробный анализ данных понятий проведен в работе В. Ильина «Поведение потребителей». Здесь автор определяет модернизм как тип мировоззрения, сопровождающий индустриальное общество, и представляет его характеристику через ряд мифов (причем нужно отметить, что все эти мифы вполне вписывались в мировосприятие как капиталистического, так и социалистического лагерей, организующих наше сравнительно недавнее прошлое). В частности, это миф об однолинейном развитии общества, миф о «светлом будущем», миф о «прогессе», миф о единообразии мира, миф о познаваемости мира и миф об управляемости мира. То есть уже из представленного ряда становится вполне понятным, что основой модернизма является определенная рациональность, стремление к поиску завершенности во всем (в искусстве, науке, политике и т.д.)¹²⁵. И здесь уместно вспомнить метафору Зигмунда Баумана, который, пытаясь определить подобную «повсеместную управляемость» модернистского мира, провел параллель с садовником, строящим свой сад по заранее разработанному плану¹²⁶.

¹²⁴ См. **Barney D.** The Network society. Polity Press, 2004, с.143-176.

¹²⁵ См. **Ильин В.И.** Поведение потребителей. Краткий курс. – СПб.: Питер. 2000, с. 12-23.

¹²⁶ См. **Бауман З.** Спор о постмодернизме // Социологический журна, 1994, №4, с. 69-80.

Другой ряд особенностей представлен Ихабом Хасаном, который в числе характеристик модернизма выделил, к примеру, такие, как закрытость, замкнутость формы, иерархию, логос, центрирование, парадигму и т.п., при этом параллельно противопоставляя определители постмодернизма, являющиеся непосредственными антитезами (соответственно, открытая разомкнутая антиформа, анархия, исчерпывание/молчание, рассеивание, синтагма и пр.)¹²⁷. Естественно, что все исследователи при описании данных мировоззренческих систем выдвигают свой предел категорий, которые в рамках той или иной теоретической конструкции трактовки как модернизма, так и постмодернизма достаточно разнообразны. Тем не менее, все они предполагают определенную общность. В частности, применительно к модернизму данную общность характеристик можно определить как приоритет настоящего перед прошлым, рассматриваемым как нечто, подлежащее замене: ориентация на новое, которое преодолевает «вчерашние ошибки» и станет основой будущего развития. Что касается постмодернизма, то отличительную черту последнего, проходящую красной нитью через все подобные построения, можно проследить уже в философии Фридриха Ницше, ставшей своего рода кульминацией эпохи модернизма. В частности, речь идет об утверждении философа о том, что западное общество достигло черты, которая находится «по ту сторону добра и зла», то есть достигло состояния, при котором как нравственные категории, так и истина рассматриваются как исторические артефакты, зависящие от степени человеческой воли и власти. Не вдаваясь в подробный историко-философский анализ данного направления, обобщим основной мотив последнего, коим является его определяющая установка на невозможность описания мира как некоего целого с помощью каких-либо общих теорий, претендующих на истинное, единст-

¹²⁷ См. **Hassan Ihab**. *Toward a concept of Postmodernism //Postmodern Turn: essays in postmodern theory and culture*. Ohio State University Press, 1987, с. 6.

венно верное знание о действительности¹²⁸. Подобный подход постмодернизма, исключая истину и как метафизическую категорию, и как соответствие материальному миру и трактуящий ее как регулируемый и институционализированный продукт человеческой деятельности, обуславливает гамму позиций и точек зрения, обеспечивающих постмодернистский подход к многочисленным проблемам и вопросам различных сфер человеческой деятельности и общественной жизни в целом. Тем не менее, кажется, что именно эта внутренняя, смысловая неопределенность, характерная для постмодернизма, отражается и на восприятии самого данного течения. Последнее наглядно проявляется в разнообразии и противоречивости данных ему, как явлению, оценок: постмодернизм трактуется и как «дух времени», самая актуальная и продвинутая часть культуры, так и как «распад сознания» и «прогресс к смерти». Однако, как бы ни расценивался постмодернизм, он был реально предопределен потоком определенных событий, которыми пополнился век XX и которые продолжают заполнять день сегодняшней. И несмотря на всю привлекательность модернизма с его разумом, прогрессом и эмансипацией, все же становится ясно, что далеко не все так достоверно, далеко не все определено, и уж тем более, далеко не все так объективно, а порой даже совсем наоборот – слишком парадоксально. Несмотря на то, что многие авторы не склонны исключать модернизм из нашей жизни, парадоксальность, которую мы отметили и которая внесла определенный скепсис по поводу «вечного и неизменного», строгой определенности этических смыслов и эстетических ценностей, достоверности в возможностях научного познания и многого другого, дала право параллельного сосуществования и миру постмодерна.

¹²⁸ См. **Емелин В.А.** Постмодернизм в поисках определения. Электронный ресурс: <http://emeline.narod.ru/postmodernism.htm>

Но насколько правильно признавать постмодернизм «путеводителем» в будущее, в так называемую «постсовременность»? Во-первых, надо сказать, что на данном этапе развития мировой цивилизации, также как и сетевое общество, постмодернизм как тенденция перехода из современности в постсовременность неповсеместен. Это означает, что сама «современность» достаточно растяжимое понятие. Но тогда, как же определить современное общество и как вписать в него постмодерн? Достаточно большой интерес по этому поводу представляет работа П.К. Гречко, в которой ее автор, на основе анализа понятия современности, рассматривает идею постмодерна в призме «центра и периферии». При этом «порочность», которая часто является основной темой интерпретаций постмодерна и допускает восприятие последнего в вышеперечисленных качествах «распада сознания» или «прогресса к смерти», также рассматривается автором в контексте обществ «прошлого», «настоящего» и «будущего», и, соответственно, связана с изначальной инородностью культурному сознанию конкретного социума, живущего теперь, но «пребывающего» в прошлом. Если темпоральность общества обращена в прошлое (то есть основная часть людей живет прошлым), то это общество далеко от современного. Это и есть так называемая периферия, в восприятии которой понятие «постмодерн» в силу ее неподготовленности и незрелости чрезмерно предвзято. Неподготовленность к постмодерну и даже некоторый страх перед ним возникают тогда, когда общество, оставаясь в прошлом, не вкусило плодов модерна с присущим ему разумом и прогрессом. Естественно, что для такого общества постмодернизм, с его презентативностью и одновременным скачком в будущее, совершенно непонятен и даже опасен. В условиях подобной неопределенности наиболее затронутой оказывается сфера нравственности: человек начинает относиться к себе подобным не как к личностям,

достойным уважения и заботы, а как к своеобразному объекту, который должен лишь удовлетворить множество потребностей¹²⁹. Центр же в рамках естественной логики процесса и результата переживает трансформацию или «ломку» модернизма в постмодернизм, где первый является «процессом», а второй – «результатом». И именно в условиях полноценности «процесса» в пределах разума и прогресса «результат» в облике постмодернизма из «прогресса к смерти» трансформируется в исторически оправданную тенденцию: в поистине современном сетевом обществе (которое, в данном случае, автор считает западным) «запас рационально-аналитической прочности настолько велик, что в буквальном смысле расшатать его постмодернизму никогда не удастся. Западное культурное сознание, надо сказать, переваривает постмодернистскую критику с немалой для себя пользой. Исходно разрушительная энергия этой критики довольно успешно трансформируется в адаптационную, само культурное сознание от этого становится более рефлексивным и мобильным»¹³⁰.

Таким образом, рассматривая сетевое общество в качестве поистине современной структуры, направленной в будущее, можно предположить, что постмодернизм, является не уничтожающей рациональность опасностью, а продуктом «гиперрациональности»: постмодернизм есть некое состояние духовной сферы современного общества, когда процесс экономического воспроизводства достигает наивысшей интенсивности, когда наука превращается в наиважнейшую производственную силу, когда общество овладевает совершеннейшими методами управления и технологиями, когда имеем дело со сформированным открытым демократичным обществом, объединяющим государство и граж-

¹²⁹ См. Սողոմոնյան Գ.Ա. Վարքի առանձնահատկությունները անորոշության պայմաններում: / Անցումային հասարակություն. Անցումշակութային փոխակերպումներ. Պրակ IV, Երևան, Լիմուշ, 2008, с. 25.

¹³⁰ Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или о периферийном постмодернизме. // «Общественные науки и современность», 2000, №2, с. 174.

дан. То есть постмодернизация явилась состоянием духовной сферы в результате модернизации сфер экономической, политической и социальной. Следовательно, утверждать, что постмодернизация является единственной тенденцией в современном обществе, на наш взгляд, неверно. Став ареной для постмодернизма, сеть продолжает содержать и одновременно распространять множество средств, возвращающих интерес к теоретическому мышлению и теоретическому знанию, к образованию, множество средств «возвращения к оригиналам», то есть к классическим текстам, по поводу которых в тех же виртуальных сообществах или блогах (современных сетевых дневниках) могут организовываться различного рода дискуссии и обмен мнениями. То есть сетевое общество предполагает пространство, которое, наряду с постмодернистскими тенденциями, позволяет выстраивать кардинально другой тип коммуникации, характеризующийся исключительно мыслительно-позиционной направленностью. Это означает, что если попытаться охарактеризовать культуру сетевого общества в наиболее широких границах как область человеческой деятельности, связанную с проявлениями его субъективности (навыков, умений, знаний, отношений, характера и т.д.), то можно определить последнее как некую паракультуру, через нераздельный синтез модерна и постмодерна.

Многоаспектный социокультурный анализ сети дает повод предположить, что сеть, «содержащая узлы, звенья и потоки»¹³¹, является глобальным образованием и, естественно, не ограничивается отражением лишь постмодернистского мировосприятия, но предполагает также проявление множества других тенденций. Являясь местом соединения нескольких «нитей», включая и постмодернизм, и глобализацию, и постфордизм, и информационное общество, и постиндустриализм, сетевое общество явилось чем-то большим, нежели простая сумма перечисленных тенден-

¹³¹ **Barney D.** The Network Society. Polity Press, 2004, p. 26.

ций, и в качестве таковой именно в социокультурном аспекте дало старт поистине новой человеческой популяции с совершенно новым мироощущением. Именно поэтому перспективы формирования принципиально новой модели социальной реальности требуют знания как сильных, так и слабых сторон развития сетевой структуры, необходимой для адекватной трактовки явлений современной действительности.

Как видим, анализ социокультурных особенностей сетевого общества является центральным в деле раскрытия концепции идентичности в современном обществе, т.к. оно обусловлено в первую очередь структурными трансформациями социальной системы и соответствующей спецификой социокультурных явлений. Конечно же, структурные трансформации общества не ограничиваются лишь социокультурными изменениями: это и экономические изменения как реструктуризация экономических ресурсов, переход к информационной экономике; это и политические изменения, то есть трансформация природы власти от власти капитала к владению информационными кодами; это и социальные явления или замена социального взаимодействия сетевыми формами связи, создание репрезентативных образов социальных структур. Но весь перечисленный комплекс общественных трансформаций задает персонифицированный и интерактивный характер информации в целом, что предполагает переосмысление «феноменов человеческого бытия» в информационном социуме, что, естественно, неотделимо от «Я» о – ядра идентичности.

Как мы заметили, «сетевая идентичность» соответствует принципу плюрализма и строится сообразно сменяющимся взаимосвязям. Это выдвигает такие ее определители, как контекстуальность, множественность, фрагментарность, временность. Все это несколько трансформирует классическую постановку вопроса «кто я?» в сторону постановки вопроса о возможности противоречивых комбинаций с поиском ответа на вопрос «какова моя наличная конфигурация сегодня?». Технологические способы

бытия в мире также не могли обойти «деконструкцию» современного субъекта, ставшего неким слиянием человеческого и технологического (киборга), что обеспечило «эффект» двойного присутствия и по-новому актуализировало проблему собственно-го самоопределения.

Рождение сетевой организации общества, структурные особенности последнего, социокультурные трансформации соответствующих элементов и взаимосвязей новой общественной структуры, внедрение в нашу жизнь такого феномена как киберпространство и, конечно же, все более и более утверждающаяся система постмодернистских ценностей и понятий логически подвели нас непосредственно к проблеме идентичности, ставшей своеобразной проекцией или даже «квинтэссенцией» всех перечисленных трансформаций.

2.2 ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

Русский философ Николай Бердяев считал, что единственным путем познания вселенной является путь антропологический, который предполагает исключительное человеческое самосознание¹³². Именно поэтому все попытки познания внешнего мира, окружающей нас действительности невозможны без погружения вглубь человека. И именно поэтому философия на протяжении всей своей истории старается держать в фокусе своего внимания проблему человеческого самосознания, человеческого самопознания, человеческого «Я». В философской литературе вся представленная проблематика изложена в контексте «концепции идентичности», которая в силу своей обязательности и одновре-

¹³² См. **Бердяев Н.** Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1985, с. 87-100.

менной неотчетливости продолжает оставаться объектом многочисленных исследований и сохраняет свою актуальность в деле выработки «технологий» этого всепроникающего и неуловимого «Я». По этому поводу вспоминаются слова Поля Валери, которые передают всю загадочность феномена идентичности: «То, что наиболее истинно в индивидуе, то, в чем он больше всего является Самим Собой, есть его *возможное*, выявляемое историей его весьма неопределенно...»¹³³.

Как мы уже не раз отмечали, вполне естественно, что все структурные трансформации общества как системы приводят к соответствующим изменениям в ряду тех или иных феноменов человеческого бытия. Не стала исключением и идентичность, которая в своей современной интерпретации получила определенную специфичность. Нашей задачей является попытка проецирования социокультурных особенностей сетевой организации на новый образ идентичности.

Надо сказать, что любая исследуемая проблема для начала предполагает введение некоторой определенности в исследуемое понятие, которым в данном случае является «идентичность» (соответственно, с последующей заявкой на рассмотрение вопроса о личностных и социальных трансформациях и возможностях идентификации в условиях определенных социокультурных факторов, а также конкретной структурной организации общества).

Для начала отметим, что само понятие идентичности является объектом исследования не только философии, но и логики, а также социогуманитарных дисциплин (в частности, таких как социология, антропология, психология). Однако данное замечание не предполагает установления междисциплинарных «перегородок», о чем свидетельствуют последние исследования по данной проблеме, отличающиеся тенденцией универсализации указанно-

¹³³ Paul Valéry. Oeuvres complètes. t. 1, Paris, 1957, p. 1203-1204. См. на эту тему: Свасьян К.А. Голоса безмолвия. – Ереван, 1984, с. 94.

го понятия и наличием многочисленных точек соприкосновения в процессе изучения.

Тем не менее, каково же определение идентичности? На этот вопрос, впрочем, как и на многие другие, в философии давались различные ответы. В частности, австрийский философ Франц Brentano определил идентичность как «соответствие, мыслимое в совершенстве»¹³⁴. В книге современного исследователя Самюэля Хантингтона идентичность определяется просто как самосознание индивида или группы¹³⁵. Несмотря на множество определений идентичности, мы не можем говорить об их противоречивости, а можем говорить лишь о некоторой взаимодополняемости и сосредоточенности на тех или иных проявлениях самого процесса идентификации с теми или иными ценностными системами.

Феномен идентичности, являясь некоей «квинтэссенцией» человеческого, предполагает проявление темпоральности и, соответственно, подобно человеческой жизни, не приемлет постоянства. Время является внутренним фактором жизни, и время требует изменений: в этом смысле время угрожает и постоянству собственного «Я», которое иначе могло бы называться тождеством. Поскольку в жизни не может существовать постоянного «Я», то его часто именуют самостью, то есть тем, что ты проделываешь сам в процессе собственного самоосмысления – сартровский «человек-ничто», сущность которого не в том, чем он уже является, а в том, чем он может быть¹³⁶. Именно в данной самореализации и проявляется истинно человеческое, которое вопреки множеству ограничений приобретает реальность бытия. В таком случае тождество можно рассматривать как идеальное

¹³⁴ **Брентано Ф.** Избранные работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1996, с. 33.

¹³⁵ См. **Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: Транзиткнига, 2004, с. 50.

¹³⁶ См. **Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с франц. В.И. Колядко. – М.: «Республика», 2000, с. 61-147.

понятие идентичности, к которому стремится человек: то есть идентичность есть самореализация в соответствии с определенной моделью или образцом (понимаемым как тождество).

В каком-то смысле, анализируя все представления об идентичности и учитывая темпоральность последней, можно сказать, что мы имеем дело со своего рода «заявкой о себе» в определенной ассоциации с условиями бытия. Именно первоочередность тех или иных условий бытия, которые по своей сути достаточно динамичны, на каждом этапе жизненного пути (как отдельного человека, так и группы) выдвигает на первый план те или иные аспекты идентичности, выступающие средоточием «единственности» или же «подобия» в едином контексте социальности (в зависимости от личностного или коллективного срезов). Являясь одним из основных механизмов упорядочивания социальной реальности, идентичность предстает в качестве процессуального самоописания с определением собственного субъектного статуса: то есть, по сути, идентичность, являющаяся «самопроектом», направленным на сущностную самореализацию, приобретает конструктивный характер.

Упомянутая непротиворечивость определений отнюдь не предполагает однозначности самого процесса идентификации, продуктом которого и является идентичность. Суть в том, что построение собственного образа является достаточно сложным процессом, обусловленным множеством как психоэмоциональных, так и объективных факторов, которые придают самому «событию идентификации» определенную запутанность и даже некоторую *парадоксальность*. В частности, один из парадоксов заключается уже в том, что определение идентичности сопровождается, с одной стороны, *стремлением собственного обозначения*, предполагающим движение вразрез с миром, а с другой стороны, становление идентичности – это процесс *принятия определенных ценностных систем* и собственного соотнесения с последними, что предполагает пути сближения с другими и преодо-

ление трещин разделенности в мире. Возможно, что конкретно данный парадокс разрешим просто в контексте единения двух основных граней идентичности – личностной и коллективной (или групповой), посредством снятия оппозиции, что возможно лишь в результате «переориентации» понимания идентичности из «данности вне процесса ее образования» в «действие или процесс». В подобном контексте личностная и коллективная идентичности выступают уже не как противостоящие полюсы, а могут быть рассмотрены как стороны одного и того же процесса, два взаимодополняющих и взаимопредполагающих уровня – индивидуально-психологического и социально-культурного, которые не могут существовать друг без друга, ибо оба по происхождению социальны, а процессы, в рамках которых они формируются или трансформируются, аналогичны.

Каждое время и каждое общество характеризуется специфическими социокультурными ориентирами. Наш век также не является исключением и внес свои коррективы в современную интерпретацию идентичности. Меняющийся социальный мир всегда актуализирует последнюю в соответствии с логикой собственного развития, ибо как отмечал Р. Баумайстер, существует прямая взаимосвязь между структурой идентичности и историческими процессами – в зависимости от «контекста» идентичности общества отличаются друг от друга, и наоборот¹³⁷. В результате в процессе формирования любого нового социума множество индивидов и групп вынуждены искать «новое место». Можно сказать, что в современную эпоху интерес к идентичности возрос именно в связи с разговорами о трансформациях в образе современного человека, обусловленных ускоренными темпами развития техники и технологий, тенденциями к установлению в обществе сетевых отношений, а также в связи с проблемой ценностно-

¹³⁷ См. **Baumeister R. & Mauraven M.** Identity as adaptation to social, cultural and historical context./ *Journal of Adolescence*, 1996, 19, с. 405-416.

го плюрализма в контексте современных постмодернистских исследований. Все представленное разнообразие новых проблем идентичности определено, в первую очередь, глобализацией как естественным процессом, результатом которого и стала сетевая организация, и которая, соответственно, затронула способы сохранения идентичности в контексте требований «принятия Другого»; ну и, конечно же, виртуализацией, которая пополнила список основных определителей современной идентичности, внося дополнения в ряд источников последней (речь идет непосредственно о виртуальной реальности как источнике новой «сетевой идентичности»).

И все же, чем обусловлена специфика идентификационных процессов конкретно сетевого общества? Надо сказать, что в системе определений последнего проблема идентичности рассматривается не просто как некая социокультурная производная общественных трансформаций, но приобретает функции активного элемента сетевого конструкта, о чем уже упоминалось. Мы уже отмечали, что М. Кастельс выделяет три основных процесса, которые предопределили рождение сетевого общества: революцию в области информационных технологий, реорганизацию капитализма и крах этатизма, а также расцвет социальных движений, явившихся в качестве культурных революций. Перечисленные «структурообразующие» процессы легли в основу становления глобального сетевого общества, о полной гомогенности которого говорить было бы абсурдно, ибо культурное и институциональное разнообразие мирового пространства непреодолимо. Естественно, что в условиях подобной реорганизации социальной системы как никогда остро возникает необходимость поиска самого себя и возможностей конструирования смыслов. Именно с претензией на решение подобной задачи в качестве организующего принципа и выступила идентичность. Автор теории сетевого общества отмечает, что упор на политику идентичности в процессе современных социальных трансформаций сделали именно выше-

указанные культурные движения, в контексте которых речь идет в первую очередь о новых «проективных» идентичностях, способствующих изменению общественной позиции, а значит и всей социальной системы в целом. Однако подобная роль проективных идентичностей отнюдь не означает, что в сети новых отношений актуализируются лишь они. Тревожные поиски собственного образа, наряду с указанными новыми идентичностями, не отказывают ни идентичностям первичным, ни институциональным. Примером тому может послужить наша собственная история, когда стадия краха этатической системы с потерей образа «советского человека» потребовала объединения вокруг идентичности национальной.

В условиях становления общего информационного пространства поиски самого себя среди конструируемых смыслов в бесконечном ряду идентичностей предопределили один из основных парадоксов современности – одновременность глобализационных процессов и фрагментации общества, становление кастельсовской «биполярной оппозиции» между сетью и «Я». То есть в системе трех указанных выше «структурообразующих» процессов высвечивается некое «единство противоположностей», проявляющееся в нарастании разрыва между глобальной деятельностью и обострившимся социальным разделением, обусловленным бесконечным множеством сообществ и включенностью в них. Данный парадокс предполагает ориентацию в системе ответов на вопрос о том, является ли становление единого социокультурного пространства имманентной характеристикой нынешнего миропорядка или последний складывается из множества наднациональных, национальных, этнических, религиозных, социально-групповых и индивидуальных идентичностей, взаимодействие которых порождает качественно новый социальный опыт?¹³⁸

¹³⁸ См. Семененко И.С. Социокультурное пространство как объекта анализа // Политические исследования, 2003, №1, с. 5-23.

Надо отметить, что идентичность — это не просто собственный опыт, но и опыт другого. Современный мир значительно изменил образ Другого, что, конечно же, не исключило те или иные формы идентичности, однако в некоторой степени переставило акценты в иерархии последней. И в первую очередь в сторону идентичности социальной.

Здесь хотелось бы внести определенную конкретику в соотношение понятий «коллективная» и «социальная» идентичности. Мы уже обращались к обозначению коллективной идентичности в контексте сравнительного анализа с идентичностью личностной. В философской литературе часто коллективная идентичность выступает в качестве синонима социальной. В целом коллективная идентичность является вектором развития всех без исключения сообществ, неким определяющим комплексом представлений, обеспечивающим согласованность в проявлениях индивидуального и группового (фактор уже отмеченного нами «подобия»). В этом случае практически все формы коллективной идентичности (национальная, этническая, религиозная, гендерная и т.д.) оказываются включенными и в границы идентичности социальной. Однако встречаются и интерпретации, которые рассматривают социальную идентичность в одном ряду с перечисленными формами. То есть в данном случае акцент делается на идентичность, ориентированную в первую очередь на общественную сторону человека. При подобном подходе социальная идентичность рассматривается как очередная форма коллективной, рамки которой оказываются сужены субъектно-ролевой соотношенностью.

На наш взгляд, оба рассмотрения равнозначно оправданы. Но если следовать допущению включенности в границы социальной идентичности остальных форм «коллективного самоопределения», то необходимо распределить последние в соответствии с двумя параметрами: выделив в системе социального, с одной стороны, сущностные или более устойчивые *идентичности, пре-*

имущественно ориентированные на данность (как нечто, изначально предзаданное человеку: такие как физическое тело, половая принадлежность, этнические корни и т.д.) и тем самым более актуализированные в обществах традиционных, и *идентичности, преимущественно ориентированные на выбор*. Конечно, в современном мире с его технологическими возможностями и морально-нравственными допущениями данное разделение также приобрело некоторую относительность, ибо на примере разного рода экспериментов, связанных с собственными биологическими основаниями и физическим телом, человек все больше и больше пытается продемонстрировать себя существом «выбирающим» даже в своих отношениях с природой. Однако на данный момент все подобные случаи ни с медицинской, ни с психологической точек зрения нельзя считать оправданными, ибо в итоге природа всегда «берет свое» и, вероятно, никогда не позволит человеку преодолеть эту предзаданность. Иначе говоря, *современная философия кардинально перейдет уже не к обсуждению проблемы о сущностных трансформациях современного человека, а к вопросам исчезновения последнего как такового*.

Таким образом, в системе социальной идентичности мы имеем как бы две подгруппы, из коих современное общество повернулось в сторону человеческого выбора, несколько дискредитируя кастельсовские «идентичности сопротивления». *Человек стал носителем социокультурного разнообразия, выделившего его в первую очередь в качестве субъекта идентичностей, и лишь потом в качестве субъекта национальной или культурной принадлежности*. Фактически, в нашем мире национально-культурная идентичность перестала выступать единственным способом воспроизводства социальных связей¹³⁹.

¹³⁹ См. Հարությունյան Է.Ա. Համակեցության սոցիոմշակութային ինքնության տարատեսակները / Անցումային հասարակություն, սոցիոմշակութային փոխակերպումներ: Պրակ IV, Երևան, Լիմուշ, 2008, с. 7:

Помимо перевеса тенденций в сторону социальных идентичностей, за счет социокультурных особенностей сетевого общества и выхода на арену новых социальных групп меняются и сами социальные идентичности. Это связано с тем, что вне действительности основных принципов и характеристик сетевой структуры процессы социальной идентификации были более однолинейными, однонаправленными и протекали в рамках определенной иерархии доминирующих идентификационных общностей (в частности, вновь вспоминая советское прошлое, можно сказать, что данный ряд мог бы быть выстроен в следующей очередности: советский народ, коллектив, семья...). Сейчас же эта проблема особо актуальна, так как в трансформационной системе (находящейся пока еще на пути становления сетевой организации со всеми механизмами функционирования) происходит ломка социальных идентификаций основной части общества. Это связано с переживаемыми миром социальными трансформациями. В связи с этим можно сказать, что на передний план выходит множество ранее маргинальных и подавленных социальных групп. Естественнo, что трансформации, имеющие место на уровне социальном, получают свое продолжение и на уровне индивидуальном, и, наоборот, что на определенном этапе общественного развития позволяет сделать вывод о возможностях трансформаций человеческой сущности.

Если мы определили вектор в сторону активизации социально-ролевых идентичностей, то необходимо рассмотреть вопрос и о динамике последних. Во-первых, по своей природе они менее устойчивы, чем так называемые «сущностные» формы идентичности. Однако помимо самой природы социальной идентичности на динамику последней влияет и структура социальной системы, ее политико-экономические и социально-культурные определители. В данном контексте современная ситуация достаточно характерно представлена З. Бауманом: «Сегодня в движение пришли не одни только люди, но также и финишные линии дорожек,

по которым они бегут, да и сами беговые дорожки. Утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно раз повторяться в жизни каждого человека, в то время как лишь немногие, а то и никакие из возможных статусов оказываются достаточно надежными, чтобы можно было говорить о длительном пребывании в них. Те «места», о которых идет речь, напоминают «musical chairs» различных размеров и форм, во множестве появляющиеся в различных точках пространства и вынуждающие людей постоянно перемещаться, не зная ни отдыха, ни радости конца пути, не ожидая никаких удобств в пункте назначения, где можно было бы опустить руки, расслабиться и перестать беспокоиться. Перспектива обретения «стабильного пристанища» в конце дороги отсутствует; быть в пути стало постоянным образом жизни индивидов, не имеющих (теперь уже хронически) своего устойчивого положения в обществе»¹⁴⁰.

Глобализация и виртуализация как основные определители сетевого общества побудили современного человека к поиску общих граней практически во всех сферах: высокая коммуникативность, открытость, становление единого межкультурного пространства с общей символикой и смыслами, рост гражданского участия как фактор высокого уровня социального капитала и трансформация межличностных взаимодействий стали основанием для сближения. В данной системе «соучастия» пути сближения оказались более преодолимыми именно в системе социально-ролевых механизмов. При этом сущностные основания человека, кажущиеся вечными и неизменными и тоже, по сути, являющиеся формами коллективной идентичности, затерялись в потоке социально-ролевых отождествлений. Это и позволило Зигмунду Бауману уподобить смену современных идентичностей «смене костюмов».

¹⁴⁰ **Бауман З.** Идентичность в глобализирующемся мире // В кн. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005, с. 183.

Подобная ситуация, с одной стороны, предоставляет человеку широкий выбор возможностей собственного самоопределения (что ограничено в обществах традиционных), но вместе с тем приобретает некоторую размытость и неопределенность (которая менее проявляется в тех же традиционных обществах, строго следующих принципу передачи ценностей от поколения к поколению). Наряду с этим, несмотря на глобализацию условий жизни, именно множественность социально-ролевых самоидентификаций предопределяет и процессы локализации, атомизации и фрагментации, о которых уже упоминалось и которые проявляются на всех уровнях социальной системы – от индивидуального до коллективного.

В частности, ярким проявлением фрагментации общества на индивидуально-психологическом уровне может выступить новая интерпретация проблемы социального одиночества, являющаяся отдельной темой философского исследования. Это своего рода очередное проявление «биполярности» общества, когда в системе глобальных политико-экономических и социокультурных отношений теряется отдельный индивид. Причиной тому является все та же неоднозначность происходящего, в частности, в контексте новых коммуникационных форм.

Известно, что проблема одиночества напрямую связана с коммуникацией. Коммуникационные возможности современного общества, о которых уже не раз упоминалось, принципиально изменили мир, связав нас во времени и пространстве. Однако, как оказалось, частота коммуникаций никак не может быть воспринята в качестве определяющего и способствующего преодолению одиночества фактора, ибо равнозначно важным и ценным оказывается и способ коммуникации. Современное же общество, в котором основная доля коммуникаций осуществляется в сфере киберпространства, достаточно серьезно пострадало с точки зрения реального межличностного общения. То есть в ситуации, когда качество коммуникации заменяется ее количеством, часто снижа-

ется ценность самого общения: поэтому в современном мире общение часто можно представить лишь в качестве синонима обмена информацией. В результате этого чувство одиночества оказывается практически встроенным в структуру мира, что приводит к формированию максимально изолированного «Я». Соответственно, при этом человек начинает поиск новой системы связей, строящейся уже вокруг реконструированной идентичности.

Что касается процессов локализации или фрагментации, проявляющихся на коллективном уровне, то здесь могут послужить примером отношения «Я – Чужой, или Другой», реализуемые в контексте современных трансформаций соотнесенности национального и социального как результата нового уровня межкультурной коммуникации, интерпретируемого в рамках таких терминов, как «глокализация» и «фрагрегация»¹⁴¹. Мы уже отметили, что одной из основных характеристик сетевого общества является множественность социальных групп, которая и определяет динамику идентичностей. Сдвиг в сторону социальной идентичности и динамика последних также толкает человека на поиск новой структуры связей, которая могла бы предложить сравнительно устойчивые системы этического и нравственного определения. Таковыми являются более «традиционалистские» ценностные модели, выдвигаемые в контексте национальных, этнических и религиозных оснований. Именно поэтому в современных условиях проявляется некое противостояние модернизирующемуся или глобализирующемуся миру в политике «идентичностей сопротивления», несколько дискредитированных, обесцененных или «изгнанных» логикой и характером узаконенных в данном обществе преобладаний. Соответственно, и на социальном, и на индивидуальном уровнях для многих гарантом устойчивости

¹⁴¹ См. **Robertson R.** Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity.// Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates. WILEY-BLACKWELL, 2010, с. 334-343; См. Rosenau J. Turbulence in World Politics: a theory change and continuity. Princeton University Press, 1990, 480 с.

вновь становится возрождение историко-этнических символов. Примером тому служит проявление национальной идентичности через призму глобализационных процессов, которые, как оказывается, не ведут исключительно к интеграционным последствиям. Кастельс в связи с этим отмечает, что, несмотря на распространение информации, производства, маркетинга и т.п., что, естественно, размывает границы между странами, «смерть в сети» национальному государству не угрожает: они могут ослабнуть, однако их роль останется значительной. Получается, что становление сетевого общества с единым мировым сообществом не снимает проблемы этнокультурных особенностей, наций и национальных государств. Рост этнического фактора или так называемое «этническое возрождение» в контексте «глобального и локального» стало приобретать особую значимость, и причина этого коренится в максимальной адаптивности всех участников глобализации¹⁴².

Несмотря на это, вопрос национального самосохранения в контексте современных глобализационных процессов является актуальным, вызывая наибольшие опасения у периферийных государств и малочисленных народов, к которым можно отнести и армян. Однако надо сказать, что в случае с Арменией сложилась несколько нестандартная ситуация, так как «технический прогресс и глобализация для такой разбросанной по всему свету нации, как армяне, создали совершенно новые беспрецедентные условия развития и формирования национальной идентичности»¹⁴³. В данном случае речь идет о том, что преодоление пространственной разобщенности способствовало также своего рода духовному «воссоединению» единого народа. Несмотря на это, опасения относительно потери национального образа продолжа-

¹⁴² См. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. – М.: Аспект-Пресс, 2004, с.136.

¹⁴³ **Погосян Г.А.** Армянское общество в трансформации. – Ереван: Изд. дом «Лусабац», 2003, с. 400.

ют оставаться наиболее обсуждаемой темой социально-философских и политических исследований, что конечно же обусловлено в первую очередь содержанием исторической памяти, ибо именно она «регулирует взаимоотношения «Своих» и «Чужих», ориентируя тем самым психологическое, социокультурное или политическое собирательное поведение нации»¹⁴⁴. В истории же Армении было более чем достаточно крупных исторических событий, оставивших неизгладимый след в национальном сознании. К сожалению, значительная их часть имела трагический характер, что до сих пор в качестве основных символов национальной идентичности продолжает вырабатывать жертвенность, выживание и страдание. Все они в силу своей продолжительности приобрели статус «экзистенциального свойства», предопределившего ощущение некоторой «избранности» и нередких толкований относительно «особого пути» развития. Кроме того, в системе национального бытия армянского народа исторический факт продолжительного отсутствия государственности явился достаточно весомым фактором, актуализирующим укоренение в национальном сознании семейно-кланового эгоизма. В свою очередь гипертрофия собственнических тенденций стала причиной такого социально-психологического явления, как мещанство, которое, охватывая коллективные уровни (национального, социального или политического) бытия в своих проявлениях социального нарциссизма становится просто опасным: «Если мещанская самовлюбленность доходит до того, что «свой» народ становится «самым лучшим»..., значит мы имеем дело с новым уровнем человеческой деградации»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Հարությունյան Էդ.Ա. Ոգու և հոգու սահմաններում: / Անցումային հասարակություն. սոցիոմշակութային փոխակերպումներ, Պրակ VI, Երևան, Լիմոշ, 2009, էջ 11:

¹⁴⁵ Շաքարյան Հ.Գ. Կեցության էությունը և տիպաբանությունը: – Երևան, ԵՊՀ, 1997, էջ 36:

Конечно, страх этнической ассимиляции в условиях интенсификации глобализационных процессов вполне объясним. Однако ориентация на выбор «особого», неповторимого исторического пути может оказаться губительной: «Если общество способно эволюционно и без существенных провалов пройти критический этап модернизации, то представления об «особом пути» ему не мешают, а напротив, могут стимулировать поиск новых оригинальных решений, способствующих его дальнейшему ускоренному развитию (случай Японии после Второй мировой войны). Если же общество по каким-то причинам оказывается не способным сделать решающий шаг по пути модернизации, представления об «особом пути» могут превратиться в дополнительное и серьезное препятствие для модернизации и даже стать основой агрессивной идеологии национальной исключительности со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁴⁶. В данном случае важна четкая национальная стратегия, вырабатывающая правильные шаги к интеграции, ибо крайность подходов одинаково неприемлема: «Денационализация культур – величайшее варварство нашей эпохи по отношению к креативному богатству человеческого рода. Противопоставление же национальной культуры общечеловеческой – такое же варварство по отношению к реализации креативных возможностей собственной национальной культуры»¹⁴⁷. Решение проблемы угрозы национальной идентичности, на наш взгляд, видится в процессах демократизации и защищенности гражданских прав, ибо по истине правовое государство само по себе является гарантом культурной самобытности и проявляет способность обеспечить безболезненное с культуроло-

¹⁴⁶ Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. – М., 2004, с. 13-14.

¹⁴⁷ Շաքարյան Հր.Ք. Փիլիսոփայությունը ստեղծագործության գաղտնիքների որոնումներում: Երևանի Պետական Համալսարանի հրատարակչություն, 2002, էջ 208:

гической точки зрения согласование социальных преобразований с национальными ценностями. Последнее предполагает рационализацию собственной национальной идентификации, возможную лишь в условиях толерантного общества, умеющего находить компромиссы и учитывающего мнения других: «Нации – это не добровольные ассоциации, но сообщества, большинство членов которых рождаются, живут и умирают в их пределах, таким образом, мы связаны с нашими соотечественниками общностью судьбы; более того, эти сообщества <...> представляют себе себя самих в исторической перспективе, так, что мы связаны обязательствами не только с современниками, но и с прежними и будущими членами этого сообщества <...> Мы должны придерживаться принципа национальности, одновременно изыскивая такие формы национальной идентичности, которые позволяли бы усваивать плюрализм и изменчивость современной культуры»¹⁴⁸.

Гибкая стратегия национальной политики, благодаря которой общество не просто бы механически воспринимало западные ценности, или наоборот, категорически отторгало их, должна обеспечить трансформацию заимствованных ценностей в адаптированные виды. Одновременно, определенной адаптивной трансформации должна подвергаться и сама наша идентичность, что позволит достичь состояния равновесия между универсальными ценностями и национальной самобытностью. На наш взгляд, лишь в системе подобных преобразований любое общество, в том числе и армянское, приобретет возможности для самореализации и замены собственного статуса «объекта» на «субъект» глобализации.

Изложенный анализ современной идентичности, а точнее, идентичности «сетевого человека», на наш взгляд, демонстрирует крайнюю векторную разнонаправленность в «политике самоопределений» современности, что часто становится причиной кри-

¹⁴⁸ **Miller D.** On Nationalism. Oxford: Clarendon Press, 1995, p. 416, 420.

зиса экзистенциального опыта, возникающего в результате потери гармонично выстроенной идентичности и нарушений баланса в структурной иерархии последней. Можно сказать, что при подобном рассмотрении кризис идентичности вбирает в себя основные определители «конфликта времени» и становится демонстратором сложностей и противоречий общественных трансформаций.

В современном сетевом обществе проблема идентичности предопределена именно расширением возможностей ее выбора, что никак не сопоставимо с обществом традиционным, в котором «границы идентичностей» уже изначально предопределены. Возможно, в этом одно из проявлений сетевой свободы. Однако открытым остается вопрос о том, что из себя представляет подобное освобождение: является ли это переходом от идентичностей «более высокого порядка» к идентичностям, основанным на частных, личных интересах, или же здесь наряду с переходом на так называемый «личностный» уровень парадоксально артикулируется общечеловеческое (в первую очередь в системе экзистенциального сосуществования).

Вся ситуация, конечно же, наделяет жизнь неопределенностью, в которой человеку как всегда требуется самоопределиться. Естественно, что самоопределение всегда нужно воспроизводить и переосуществлять, и поэтому постоянные идентификационные процессы вполне оправданы. Тем не менее, в зависимости от того, насколько наше самоопределение осуществляется в соответствии с собственным выбором, настолько мы оказываемся ближе к обретению истинно нашего «Я». В зависимости же от того, насколько мы нацелены на «ситуационное самоопределение», настолько мы заменяем наши сущностные определители презентационными (меняя, тем самым, идентичность на самопрезентацию).

Таким образом, в современных условиях поиск идентичности и выявление ее оснований в соответствии с требованием времени

стал центральным вопросом. Еще раз вспомним, что «в исторический период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, именно идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются»¹⁴⁹. То есть в настоящее время значимость проблемы идентичности возрастает не только с точки зрения непосредственно ее философского смысла, но и потому, что идентичность сама стала призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важнейшие черты социальной структуры.

Сетевое общество, выступающее как в рамках глобализационных интегрирующих процессов, так и фрагментирующих тенденций, предложило как минимум две направленности: с одной стороны, изменение традиционного уклада жизни человека с сопровождающим нарастанием динамики социальных идентичностей, с другой – спровоцированную неконтролируемостью, беспорядочностью и хаотичностью изменений стимуляцию адаптационных защитных механизмов в контексте «сопротивления» сущностных идентичностей. Последнее придало ситуации определенную конфликтность и кризисность. Конечно, внутренняя «разноплановость» глокализации, с одной стороны, является возможностью реализации потребности сохранения человечества в современных условиях, но вместе с тем такая «неоднородность» усложнила сами процессы отождествления с теми или иными ценностными системами.

¹⁴⁹ См. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 27.

Вместе с тем, конфликтность и неопределенность данного исторического периода не то чтобы поставили под угрозу существование идентичности, а подвергли трансформации характер процессов становления последней: множественность траекторий «сетевых потоков» организовала новый смысл идентичности, меняющий акцент с постановки проблемы, всегда стоявшей перед паломниками – «Как попасть туда-то?», на вопрос, с которым каждодневно сталкиваются бродяги, а именно, «Куда мне идти? Куда заведет меня дорога, по которой я иду?...»¹⁵⁰. Иными словами, проблема, мучающая людей уже состоит не столько вобретении собственной идентичности, сколько в правильном, или даже, как бы странно это не звучало, своевременном выборе последней.

А пока социокультурная динамика современного общества, исключая однолинейность ориентации, продолжает испытывать современного сетевого человека, ставя его перед выбором «своего», цивилизационного и «чужого», разнообразие социокультурных ландшафтов в «бесвременном времени и безграничном пространстве потоков» продолжает обогащать мозаику нашего выбора, вместе с тем провоцируя внутреннюю противоречивость и обнаружение «гибридной» идентичности.

2.3 КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Множественность и многообразие социокультурных источников сети изменили специфику идентификационных процессов в современном обществе, что не только предоставило широкие

¹⁵⁰ См. **Бауман З.** Идентичность в глобализирующемся мире // В кн. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Изд-во Логос, 2005, 176-191.

возможности для конструирования собственного «Я», но и вызвало к жизни множество неопределенностей, интерпретируемых в контексте проблемы кризиса идентичности.

Конечно, кризис идентичности является антропологическим параметром социокультурного кризиса, онтологически присущего человеческому обществу и одновременно являющегося одним из условий развития последнего. С этой точки зрения степень понимания кризисного состояния общества является гарантом понимания процессов общественных трансформаций, а наряду с ними и изменений, происходящих в самом человеке. Несмотря на то, что по своему характеру социокультурный кризис есть явление нарушенного равновесия общего, универсального характера (то есть захватывающее всю сферу социальности, понимаемой как совокупность экономических, социально-групповых, политических, идеологических и иных отношений между людьми в их разнообразной деятельности, а также культуру как совокупность способов и результатов этой деятельности), он вместе с тем приобретает специфику времени или своего рода «эпохальный фон», оживляемый определенным кризисогенным фактором, отличающим нынешний кризис от кризиса других эпох.

Известно, что основными детерминантами развития современного общества стали технологии, которые одновременно спровоцировали нарушение баланса социокультурной системы и во многом способствовали приближению ее параметров к пороговым, критическим значениям. Ядром же современных социокультурных трансформаций как результата достижения нового технологического уровня стала замена основополагающих ценностей, на которые возлагается основная функция сохранения социума и его самоидентичности. Таким образом, основной симптом социокультурного кризиса с неоспоримостью допускает в первую очередь переоценку ценностей, изменение их внутренних структур, что непременно находит свое проявление на всех

без исключения уровнях социальности и в способах самоидентификации.

В современном мире, создав новую, практически фантастическую для себя технологическую реальность, человек (а значит, и его общество) подвергся коренной трансформации или даже своего рода деформации с точки зрения онтологических оснований собственной природы, проявившейся в изменении потребностей, деятельности, целеполаганий, оценок и, наконец, мировосприятия. В результате, в первую очередь трансформировались его отношения с миром природы, отношения, в которых технологии также заняли роль посредника, все больше уводя нас в искусственный «мир социальности» и еще более искусственную техносферу, оставляя природе роль объекта неограниченной эксплуатации, подкрепленную представлением о неисчерпаемости последней. Данная установка напрямую связана со стремлением технологического мира к повышению уровня и качества жизни, что в результате стало удовлетворением желаний обыденного потребителя.

Надо сказать, что к «синдрому потребителя» в современном сетевом обществе мы уже обращались, и в контексте социокультурных трансформаций можем определить последний как очередной «синдром предкризисного человека», при котором проявляется эйфория ощущения всемогущества, вседозволенности и безнаказанности, представление о мире как о неисчерпаемом источнике ресурсов, когда «деятельность и потребление, потребление деятельности» становятся новым «основным инстинктом» человека¹⁵¹. Человек начинает накапливать все больше и больше материальных благ и богатств, что становится для него самоцелью, а социальные, культурные и в целом общечеловеческие проблемы начинают рассматриваться им уже в качестве производ-

¹⁵¹ См. **Кутырев В.А.** Разум против человека: философия выживания в эпоху постмодернизма. – М.: Изд-во «Мысль», 1999, с. 22.

ных. Современная ориентация ценностных установок на преобразование мира в утилитарно-потребительском модусе, направленность человеческой деятельности на подчинение природы нашим собственным прихотям стала условием для конструирования собственной социальной идентичности с помощью потребительских символов. То есть сейчас как никогда важным становится соответствие «личного самоощущения» самопрезентации в обществе: чтобы принадлежность человека к определенной социальной группе или категории была воспринята адекватно, он должен жить, а значит, и потреблять в соответствии с социальными ожиданиями и представлениями (изначально предопределено, что есть, что пить, как одеваться, передвигаться и т.д.). Следовательно, отдав преимущество социальным функциям товара в ущерб утилитарным, мы получили один из способов самоидентификации или определенный символ принадлежности к данному обществу.

Однако, на самом деле *потребление является чрезмерно «подвижным» способом идентификации, так как основывается не на ценностно-смысловых ориентациях, а стилеобразующих факторах, которые значительно динамичны.* Соответственно, подобный способ самоидентификации никак не может рассматриваться в качестве устойчивой системы личностного самоопределения и часто приводит к кризису идентичности, обусловленному нарушением одного из основных факторов последнего, а именно, возникновением дисгармонии между «Я» и «Я»-социальным, что предполагает несоответствие между собственным представлением о себе и социальном «Я», созданном другими¹⁵².

Анализируя возможные аспекты кризисности сетевой идентичности, можем сказать, что потребительство является не единственным источником последней, о чем свидетельствует социо-

¹⁵² См. Хесле. В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии, 1994, №10, с. 112-123.

культурный образ современного мира. Выход на арену виртуальной реальности, повлекший соответствующие личностные и межличностные трансформации, все больше и больше заставляет современных исследователей обращаться к новым проявлениям внутреннего противоречия. В данном контексте существует множество аспектов, из которых достаточно спорной является проблема идентификации с собственным телом в условиях такой возможности, предоставленной киберпространством, как *физическая непредставленность*. Здесь одним из самых важных изменений, которые предопределила сеть, является трансформация привычных нам способов восприятия и идентификации личности, изначально обусловленных данностями человеческой физиологии. «Так, например, представление о том, что каждый человек имеет биографию, продолжительность которой до нынешнего момента легко оценивалась по его/ее внешнему виду, причем у каждого из нас подлинная биография может быть только одна, в значительной степени опирается, как мы предполагаем, на факты собственной природы. Сеть, однако, не подразумевает никаких ограничений такого рода»¹⁵³, а предоставляет «своей личности» собственные требования и возможности. Иначе говоря, в отличие от физического мира, в котором предполагается естественная, обязательная связь тела с самостью, в сети проблема идентификации со своим телом трансформируется в возможность бестелесности и «редукции личности к ее семиотическим манифестациям (т.е. к текстам в самом широком смысле)»¹⁵⁴.

Естественно, что в рамках проблемы самоконструирования указанная возможность способствовала рождению новых опасений, ибо в физическом мире, несмотря на то, что самость или «Я»

¹⁵³ Соколов М. Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / под ред. Волохонского В.Л., Зайцевой Ю.Е., Соколова М.М. – СПб.: СПбГУ, 2007, с. 14.

¹⁵⁴ Там же.

всегда со временем и при определенных обстоятельствах предполагает как целостность, так и периодическую изменчивость, тело всегда обеспечивало и продолжает обеспечивать определенную устойчивость (как писал Сартр, « I am my body to the extent that I am'»¹⁵⁵). Сейчас же приходится привыкать к новой ситуации существования физического и виртуального миров, второй из которых в значительно большей степени состоит из информации, чем из материи, и в котором тело в некоторой степени начинает уступать ментальному.

Кроме того, помимо физической непредставленности, сеть допускает и *анонимность*, которую в данном случае следует понимать не как отсутствие имени, а как сокрытие последнего или как произвольную связь между «реальной» и «онлайновой» личностями с одновременной возможностью наделения виртуальной личности любым желаемым набором характеристик, что часто трактуется как причина «размытости» образа. Но и это еще не все, ибо любой живой человек, любое физическое тело в сети имеет возможность одновременного или последовательного конструирования ряда различных виртуальных личностей.¹⁵⁶ В результате оказывается, что *виртуальность пренебрегает аскриптивным источником идентичности, что приобретает свои социальные последствия*, дающие повод сомнениям относительно сети как возможного сборища виртуалов, выдающих себя за другого.

Возникает вопрос, насколько перечисленные результаты технологических возможностей могут рассматриваться в контексте кризиса идентичности. На наш взгляд, как в случае с конструированием идентичности в системе потребительских символов, так и в условиях виртуальной реальности, мы приобретаем еще боль-

¹⁵⁵ См. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. . / Пер. с франц. В.И.Колядко. М.: Республика, 2000, с.324.

¹⁵⁶ См. Горный Е. Онтология виртуальной личности // Бытие и язык. Сб. Статей по материалам международной конференции. Новосибирск, 2004, с.78-88.

шую динамичность, подвижность в смене образов, а соответственно, и меньшую внутреннюю целостность, обусловленную ценностным «хаосом». При этом опять-таки основанием служит интерпретация «Я» как комплекса идентичностей, которая с трудом организуется в систему. Тем не менее объективность коммуникационных, информационных и интеграционных процессов, происходящих в сети (а более конкретно на уровне киберпространства), позволяет нам говорить о становлении «виртуальной идентичности» как реального компонента образа сетевого человека.

Возможность конструирования виртуальных личностей или «собственного продолжения» в киберпространстве стала проявлением изменения структуры идентичности современного человека, что в свою очередь явилось отражением социальных изменений. Одновременно виртуальная идентичность в сетевом обществе стала «современным аспектом» проблемы человеческой потребности в иллюзорной жизни, ибо необходимость или просто нужда в фиктивном удвоении мира достаточно характерна для человеческого существа и, можно сказать, является его антропологическим свойством («пограничное сознание» и принцип стирания границ между мирами реального и нереального признается в высшей степени присущим человеку любой исторической эпохи, а в настоящее время даже складывается новое универсальное научное направление, именуемое «Presence», в рамках которого специалисты различных сфер (от философов до акванавтов) анализируют специфику пребывания человека в разнообразных физических и социальных реальностях)¹⁵⁷.

Исходя из изложенного и следуя идее возможности обладания множеством идентичностей, факт физической непредставленности, на наш взгляд, не является основанием для сведения вирту-

¹⁵⁷ См. **Thompson E.** Telepresence: the deconstruction of gender and identity on the internet. San Diego State University, 1997, с. 266.

альной реальности к некоему «пространству мнимых образов». В современных условиях, с учетом сетевых отношений в первую очередь как потока информации, общество все больше и больше стало приспосабливаться к разделенности физического и ментального миров, что само по себе снимает категоричность требования индивидного уровня идентичности, тем более, что выход последнего за грани виртуального не привносит существенных противоречий в систему самопрезентаций и самоконструирования в рамках киберпространства. Самопрезентация в качестве определенной тактики позиционирования собственной персоны всегда являлась «логическим продолжением» или даже параллельным процессом самоконструирования. И сейчас, в условиях реальности виртуального, самопрезентация продолжает оставаться попыткой демонстрации собственного «Я» в системе внешних коммуникаций, ибо способность конструирования множества идентичностей в сети так или иначе предполагает «генетическую связь» (несмотря на свою неуловимость и ненаглядность в виртуальном мире) всех возможных конструкторов со своим общим «прародителем» или «физическим источником». Более того, выдавание себя в сети за другого в противовес своему реальному образу часто может рассматриваться как возможность выхода скрытых сторон своего «Я», которые в силу тех или иных условий бытия не находят проявлений в повседневности социальной жизни. С другой стороны, возможность контроля собственной информации в сети также делает нелогичным полное искажение себя в киберпространстве, так как свобода выбора позволяет определить границы желаемой информации о себе. Таким образом, с этой точки зрения мы можем утверждать, что сеть не сводится к сборищу виртуалов, а предполагает особый уровень отношений, полюсами которых являются реальные люди, вкладывающие и извлекающие из этих же отношений материал для самоконструирования. Сеть для человека становится той средой, в которой ему предоставляется возможность расширения и дополнения своей

«реальной» социализации, получения нового опыта, а соответственно, и реализации различных аспектов своего «Я».

Подобное расширение путей активности, а также возможностей для реализации человеческой идентичности, раскрывает больше перспектив свободы выбора (что, как не раз указывалось, является достаточно характерным для структуры сетевого общества в целом) и защиты от возможных «угроз»: к примеру, в пределах киберпространства представления других о твоём «Я» теряют свою принудительную силу и перестают определять поведение так, как это происходит в обычной жизни. В свою очередь избавление от груза чужих проекций позволяет человеку конструировать свои образы и экспериментировать своими идентичностями так, как нравится и хочется ему. Следовательно, несмотря на производность «виртуальной идентичности», «виртуального Я», преодоление социальных и культурных ограничений, налагаемых на проявление личности в реальном мире и утверждение большей спонтанности и искренности, в ряде случаев даже можно позволить трактовку виртуальной личности как более свободного и полного проявления собственной сущности (в этом смысле виртуальное становится реальнее реального).

Из всего изложенного выше можно сделать следующий вывод: физическая непредставленность или отсутствие в виртуальном пространстве человеческого тела как одного из основных источников нашего «Я» не может рассматриваться препятствием конструированию виртуальной идентичности как собственному продолжению в рамках новой системы отношений. Более того, абсолютная независимость физического и ментального невозможна, ибо в любом случае каждый «nick» предполагает определённую нервную систему. Помимо этого, как мы уже отметили, физическая непредставленность и возможность анонимности в какой-то степени являются определителями большей свободы в процессе самопрезентации, что зачастую придает виртуальной идентичности большую реальность, чем нашему образу вне сети.

Следовательно, в системе сетевой идентичности подобный «казус» с индивидуальным уровнем последнего не провоцирует различного рода кризисы, а наоборот, способствует личностному и социальному уровням в максимальных возможностях самореализации.

Но исключение факта физической непредставленности из ряда кризисогенных факторов виртуального пространства не лишает последнее противоречивости и конфликтности. Конечно, глобальное сетевое общество власти информационных технологий дает человеку возможности самореализации. Помимо этого, в современном мире возможности свободного передвижения как в физическом, так и в социальном пространстве, а следовательно, преодоление культурных границ, расширяют пространство выбора человеком самого себя. Но как и во все времена, большая свобода предъявляет больший спектр требований, и выбор собственного «Я» оказывается сложным и многомерным. Сложность в первую очередь обусловлена уплотнением социальных связей и ростом культурного многообразия в сети, многомерность же определена множественностью стратегий выбора социальных идентичностей, значительная часть которых имеет несколько неопределенный и символический характер. То есть плюралистический и разнообразный мир сети, незаменимый с точки зрения творческой деятельности, оказывается чрезвычайно сложным для человеческой психики: информация, как основной атрибут мира постмодерна создает разнообразие, «усиливает» иронию, помогает человеку не только знать, но и сформировать множество сложностей. И поэтому идентификация в ситуации власти информационных технологий и средств массовой информации становится центральной и повседневной проблемой для каждого¹⁵⁸. В первую очередь, это связано с тем, что часто информация, «вместо

¹⁵⁸ См. **Заковоротная М.В.** Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов-на-Дону. Изд-во: СКНЦ ВШ, 1999, с. 40-65.

того, чтобы информировать, то есть в соответствии с ее предназначением придавать форму и структуру, еще больше ослабляет - «поле социальности» под ее воздействием неуклонно сокращается. Ранее властвовало социальное, и его рациональная сила разрушала символические структуры. Сегодня на первый план выходят mass media и информация – их «иррациональным» неистовством разрушается уже социальное»¹⁵⁹.

Разнонаправленность сетевых возможностей значительно влияет на потерю внутренних ориентиров и придает некоторую парадоксальность в системе личностных трансформаций, ценностных ориентаций, поведенческих моделей и многого другого. Сеть выступила сложной ареной самоориентации человека. Сдвиг в сторону социальных идентичностей (социально-ролевых механизмов), обусловленный глобализационными процессами, глобализировал саму культурную идентичность. При этом границы межкультурной коммуникации, которые раньше были определены государствами, стал преодолевать сам человек, самостоятельно выстраивая новые отношения в транскультурном пространстве. Вместе с тем, человек никогда не сможет да и не должен освобождаться от своих корней и всегда будет сохранять зависимость от множества традиционных факторов (национальных, этнических, конфессиональных и т.п.). В результате в сети сформировался образ, который, с одной стороны, преодолел монокультурное восприятие мира и вышел на арену общей системы ценностей, разработанной в пределах эклектичного паракультурного пространства, с другой – остался заложником традиционного, периодическое пробуждение которого приводит к многочисленным конфликтам и диспропорциям в структуре идентичности (наиболее комплексно проблема изложена в рамках концепции «высокого модерна» Э. Гидденса, выделившего следующие ди-

¹⁵⁹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального /Пер. с фр. Суслова Н.В. – Изд-во Уральского университета, 2000, с. 32.

леммы современной идентичности: традиционализм-конформизм (приспособленчество); всемогущество-отчуждение; догматизм-радикальное сомнение; нарциссизм-растворение в мире товаров)¹⁶⁰. Подобная ситуация сопровождается неимоверно растущей технологической зависимостью, что в комплексе провоцирует нестабильность на всех уровнях человеческого бытия, в итоге выливающейся в утрату человеком представлений о своем месте и своей самоценности, что однозначно фиксируется в рамках кризиса идентичности.

Надо сказать, что сетевое общество пока еще находится на пути своего формирования, то есть мы имеем дело с переходным периодом, для которого вполне характерно множество непредсказуемых и переломных моментов. С этой точки зрения указанная нестабильность также воспринимается как сторона социокультурного процесса, своеобразный социокультурный цикл, а кризис интерпретируется не просто как нарушение равновесия, а как возможность перехода к новому равновесию. Недаром большинство современных исследователей склонны считать, что общество развивается через кризисы и что кризис в развитии общества есть обязательный этап: «Стабильность и нестабильность – это такая пара категорий, которая не позволяет миру впасть в стагнацию, из которой нет выхода из данной системы»¹⁶¹. Следовательно, нестабильность, деструктивность, и в целом явление социокультурного кризиса вполне естественны и нормальны для социокультурного процесса и развития общества. Однако задача заключается в том, «чтобы удержать дестабилизирующие факторы на приемлемом уровне риска, то есть на таком, чтобы нестабильность не привела к невосполнимым потерям»¹⁶². В современной же ситуации, когда по причине технологической экспансии и

¹⁶⁰ См. **Giddens A.** *Modernity and Self-Identity*. Stanford 1991. с.201.

¹⁶¹ **Андреева О.А.** Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. – Таганрог, 2000, с. 135.

¹⁶² Там же, с. 62.

обретения виртуальной реальностью «самостоятельного бытия» происходит скоростное распространение ценностной системы постмодерна как «отсутствия таковой», процессы самоидентификации, итогом которых должна стать выработка собственного «Я» как целостного образа человека, осуществляются преимущественно в пределах поверхностных, социально-ролевых моделей, несколько игнорирующих ценностнорациональные основы бытия. В каком-то смысле современный социокультурный кризис явился *кризисом рациональности*, но не с точки зрения ее замены, а с точки зрения ее трансформации, ибо, как уже было отмечено в работе, социокультурное пространство сетевого общества, несмотря на внедрение постмодернистских тенденций, не исключило рациональность, а преобразилось в паракультурное пространство, в котором сплетаются нити как иррационального, так и рационального. Проблема в том, что именно в условиях подобного сплетения рациональное из человеческого ценностно-рационального стало преобразовываться в «технологическое» целерациональное. А это является одной из наиболее серьезных опасностей на данном переходном этапе, который уже нередко называют «постчеловеческим» измерением. В данной ситуации самой страшной и невосполнимой потерей станет самоотрицание человека, который в итоге может полностью потерять контроль над собой. Именно поэтому вхождение человечества в совершенно новую стратегию переосмысления роли и перспектив развития современных технологий, разумного регулирования в целом «сетевых» процессов по принципу соотнесенности технологического прогресса и прогресса человеческого станет первым шагом в преодолении существующего кризиса и сведении его в разряд «положительного», открывающего врата к более высоким уровням и новым способам бытия»¹⁶³. В очередной раз перед человеком

¹⁶³ Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом/ Под ред. Станислава и Кристины Гроф. – М.: Изд-во «АСТ», 2003, с. 25-30.

встала задача правильно сориентироваться в своем выборе, на наш взгляд, predetermined преимуществом таких принципов, которые, восполняясь в любой социокультурной традиции собственным смыслом, тем не менее, будут воспроизводиться в соответствии с системой аксиологических максим, именуемых общечеловеческими ценностями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технологическая революция, ставшая причиной формирования нового информационно-коммуникационного пространства, переставила приоритеты среди структурообразующих компонентов общества. На протяжении истории в качестве таковых выступали классы, социальные слои, институты и организации. Сегодня в их ряд встали социальные сети, которые явились самым оптимальным средством формирования коммуникативного сообщества, ставшего результатом новой культурной ситуации, реализуемой в контексте глобального информационного мира. В первую очередь, это объясняется тем, что в условиях информационных потоков именно сети способны справляться с коммуникационными перегрузками и предоставлять возможность обхождения информационных разрывов¹⁶⁴.

Изменение в системе структурообразующих компонентов означает соответствующую трансформацию в специфике социальных связей и отношений. Трансформация же структурно-функциональных связей социального организма, ставшая результатом бурного развития компьютерной техники и информационных технологий, а также условием формирования информационной культуры, резко переставила акценты во всех сферах социальной реальности. В результате, приоритет информации по сравнению с другими ресурсами позволил многим исследователям определить наше общество как информационное: умение работать с базами данных, объем и качество освоенной информации, способность генерировать новое знание становятся сегодня столь же важным источником социального признания и столь же необходимым условием включенности человека в состав доминирующих со-

¹⁶⁴ См. Назарчук А.В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса* (Москва, 24-28 мая, 2005 г.). В 5 т., Т. 3. – М.: Современные тетради, 2005, с. 101.

циальных групп, каким была в условиях индустриального общества собственность на средства производства и другие материальные блага¹⁶⁵. Общество, в котором деятельность людей главным образом сосредоточена на обработке информации, уже практически достигло глобальности, а именно формирования информационного единства всей человеческой цивилизации.

Информатизация, являясь, по сути, технологическим процессом, возымела глобальные политико-экономические, а также социокультурные последствия. Во-первых, свободный доступ к информации расширил возможности человека в реализации собственного выбора. Во-вторых, общество, которое главным образом занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, с необходимостью актуализировало приоритетность ее наивысшей формы – знания. В-третьих, за счет сетевой организации социальной структуры крайне изменился характер социального взаимодействия, проявившийся на всех уровнях социальной организации. При этом в глобальном мире реализовался новый механизм диалога культур, одновременно вовлеченных в процессы конструирования общей социокультурной среды. Кроме того, в контексте того же глобального мира, существующего за счет сетевых коммуникационных технологий, значительно возросла взаимозависимость социально-экономических и политических процессов, что в свою очередь повышает роль и значение наднационального регулирования и, соответственно, необходимость оптимального функционирования наднациональных институтов. Именно в подобных условиях формируется «форма экономической деятельности, базирующаяся на глобальной электронной среде с преобладанием в качестве важнейших элементов производительных сил знаний и информации и ускоренной дина-

¹⁶⁵ См. **Иноземцев В.Л.** Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Изд-во «Логос», 2000, с. 39-45.

мике между спросом и предложением»¹⁶⁶. Речь идет о становлении и функционировании сетевой экономики, подготавливающей почву для более активного перехода от иерархических и рыночных систем управления к прямым горизонтальным связям.

Устойчивая сетевая структура, обусловленная децентрализацией связей, гибкостью и динамичностью системы, на данный момент исторического развития является и наиболее оптимальной моделью социально-политических отношений. В сетевом обществе значительно снижается степень проявления бюрократии, чему способствует формирование электронной сети по вопросам государственного управления, именуемой электронным управлением. Горизонтальность связей в социально-политической сфере, устанавливающая равновесие в системе отношений государство-общество и тем самым способствующая достижению высокого уровня социального капитала, является условием формирования гражданского общества: «Жить по-человечески – это жить среди личностей. Отношения людей между собой – основополагающий элемент любого сообщества. Таким образом, форма и структура власти более непосредственно влияют на образ жизни, чем какой-бы то ни было иной аспект общества»¹⁶⁷. Соответственно, социальная система, приоритетом которой являются правовое государство, автономная личность и общечеловеческие ценности, несомненно, имеет право на существование.

Таким образом, информатизация, виртуализация и глобализация современного мира, активизирующие тенденцию роста горизонтальных связей и отношений, провозгласили по всем направлениям замещение принципа «конкуренции» на «кооперацию», тем самым, позволяя некоторым авторам в качестве основных преимуществ информационного общества выделять бесклассовость и бесконфликтность последнего, характеризуя его как об-

¹⁶⁶ **Матюшок В.М.** Сетевая экономика и глобализация экономической деятельности. // Информационное общество, 1999, Вып. 6, с. 47.

¹⁶⁷ **Арон Р.** Демократия и тоталитаризм. – М.: Изд-во «Текст», 1993, с. 58.

щество согласия с небольшим правительством и государственным аппаратом¹⁶⁸. Однако на деле становится ясно, что адаптация к среде информационной системы является достаточно серьезной задачей, предполагающей необходимость разрешения определенных противоречий.

Противоречивость и конфликтность сети также многоаспектны: последняя, в частности, проявляется в проблеме соотношения знания и информации; проблеме сетевой свободы в условиях тотального цифрового контроля и других. Ядром же «сетевой конфликтности» является противоречивость процессов «самоконструирования» и поиска «Я» как результата социокультурных трансформаций и рождение феномена новой, «сетевой» идентичности. Каковы же основные проявления указанных трансформаций в данном контексте? Приведем их:

- во-первых, социокультурное поле информационного общества все активнее стало интерпретироваться в рамках категорий постмодернизма, что само по себе является результатом виртуализации жизни современного человека, для которого киберпространство стало символом времени и социально значимым феноменом. Здесь налицо один из парадоксов сети, которая, достигнув значительных успехов в модернизации социально-экономических и политических институтов и отношений, столкнулась с кризисом мировоззренческих ориентиров, обусловленным, в первую очередь, изменением самого человека. Технологическая база заменила «человека книги» (представителя маклюэновской «галактики Гуттенберга») на «экранного человека» (представителя «галактики Интернета» Кастельса) с новым восприятием мира, новым «самоощущением», нередко актуализирующим проблему социального одиночества, и крайне фрагментированным мышлением. В данном случае масштабы технологической модернизации

¹⁶⁸ См. **Masuda Y.** The Information Society as Post-Industrial Society. World Future Society, 1980, 179 с.

современного общества привели к «гипермодернизации» последнего, подготовив тем самым поле для постмодернизма.

- во-вторых, фрагментация как одна из основных характеристик сетевого общества определила множественность бытия и динамику процессов «самоконструирования», что актуализировало ориентацию не в системе единой идентичности, а в комплексе идентичностей, реализованных в разных социальных практиках;

- в-третьих, «гипермодернизация» информационного общества создала постэкономическую ситуацию, позволившую внедриться в процесс самопрезентаций такому феномену, как потребительство. Потребительство, став универсальной чертой нашего времени, предстало способом социокультурной интеграции в общество, направленной на заявку о своем «Я» и собственном социальном статусе. При этом, будучи основанным на стилиобразующих факторах, а не на ценностно-смысловых ориентирах, потребительство становится одним из «провокаторов» синдрома «предкризисного человека», часто проявляющегося в крайней дисгармонии между «личным самоощущением» и «самопрезентацией»;

- в-четвертых, глобализация отношений ориентирует на актуализацию идентификационных процессов, преимущественно организованных по принципу подобия. В результате пути сближения оказались более преодолимы через активизацию социально-ролевых механизмов, носящих поверхностный характер (в отличие от традиционных форм идентичности, закрепляющих стабильность и целостность образа).

- в-пятых: несмотря на актуализацию социально ролевых механизмов в системе самоконструирования, традиционные формы «Я» не могут быть исключены, доказательством чему служат локализационные процессы, охватившие глобальный мир. В результате, столкновение разнонаправленных векторов, интерпретируемых в пределах термина «глокализация», становится одним

из проявлений конфликтности современной ситуации и демонстрацией противоречий социальной трансформации;

- в-шестых, во избежание кризиса, определенного в первую очередь необходимостью выбора «Своего» и «Чужого», приоритетной становится такая направленность национальной стратегии, которая воспроизводится в соответствии с системой аксиологических максим, именуемых общечеловеческими ценностями. Эти процессы в определенной мере предполагают некоторую адаптивную трансформацию национальной идентичности в соответствии с глобальными процессами. Вместе с тем, адаптация ни в коем случае не означает механического внедрения новых ценностных ориентиров, а предполагает достижение равновесия между универсальными ценностями и национальной самобытностью, что возможно в случае трансформаций заимствованных ценностей в адаптированные виды.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

Глава 1.

ТЕОРИЯ СЕТЕЙ КАК СТРАТЕГИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

1.1 Современная социальность в ракурсе информационной дефиниции	8
1.2 Сеть как структурный каркас информационного общества	25
1.3 Сетевое общество как оптимальное условие формирования социального капитала	47
1.4 Парадоксальность « сетевого мира » в контексте « сетевой свободы »	61

Глава 2.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

2.1 Социокультурное пространство сетевого общества как среда модернизации идентичности	82
2.2 Проблема идентичности в контексте глобальной сети	114
2.3 Кризис идентичности как результат социокультурных трансформаций современности	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАРИНЕ ЯРАЛЯН

**МОРФОЛОГИЯ СЕТЕВОГО
ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Компьютерная верстка К. Чалабян

Редактор А. Хизанцян

Дизайн обложки А. Патваканяна

Типография - ООО «Таск».

Ереван, ул. Ханджяна 15/55

Подписано к печати 30.06.2019.

Формат 60x84¹/₁₆. Тип. печ. 9,625.

Тираж 100.

Издательство ЕГУ

Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1

www.publishing.y-su.am

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРЕВАН 2019
publishing.ysu.am